

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное Время

Scientific journal

Научный журнал



№ 2(34)

2023

ISSN 2410-0773

SocioTime

Социальное время

2 (34)
2023

Научный журнал

Издаётся с 2015 года
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
В. П. Шалаев

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-59171 от 03.09.2014 г.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола)

Адрес учредителя и издателя: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3

Адрес редакции: 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, каб. 426
Тел.: 8(8362)68-60-40, 8(8362)68-68-00. E-mail: sociotime@volgatech.net

Журнал включён в Перечень рецензируемых научных изданий, публикующих основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук и доктора наук (решение Президиума ВАК России при Министерстве образования и науки Российской Федерации от 23.03.2018 г.) по следующим направлениям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5. Политическая социология; 5.4.6. Социология культуры; 5.4.7. Социология управления; 5.6.1. Отечественная история; 5.6.2. Всеобщая история; 5.6.3. Археология; 5.6.4. Этнология, антропология и этнография; 5.6.7. История международных отношений и внешней политики; 5.7.1. Онтология и теория познания; 5.7.2. История философии; 5.7.6. Философия науки и техники; 5.7.7. Социальная и политическая философия; 5.7.8. Философская антропология, философия культуры.

Редактор русского текста *Н. М. Москвичева*
Компьютерная вёрстка *В. В. Хренков*

Подписано в печать 08.09.2023. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,85. Тираж 500 экз. Заказ № 3259.
Дата выхода в свет: 28.09.2023. Цена свободная.

Поволжский государственный технологический университет. 424000, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3.
Отпечатано в ООО «Вертола». 424004, г. Йошкар-Ола, ул. Льва Толстого, 45.

Перепечатка или воспроизведение материалов номера
допускаются только с письменного разрешения редколлегии.



© Поволжский государственный
технологический университет, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Шалаев Владимир Павлович, д-р филос. наук, проф. (Йошкар-Ола) – главный редактор
Дахин Андрей Васильевич, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Ильин Владимир Иванович, д-р социол. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Лепский Владимир Евгеньевич, д-р психол. наук, проф. (Москва)
Полутин Сергей Викторович, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Тишкин Алексей Алексеевич, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Шатунова Татьяна Михайловна, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Хренков Вадим Владимирович, канд. филос. наук, доц. (Йошкар-Ола) – ответственный секретарь

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

• Члены редсовета в регионах России

Аришинов Владимир Иванович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Астафьева Ольга Николаевна, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Бекарев Адриан Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Нижний Новгород)
Беляев Владимир Александрович, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Войцехович Вячеслав Эмеринович, д-р филос. наук, проф. (Тверь)
Гавров Сергей Назипович, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Гарбузов Валерий Николаевич, д-р ист. наук, проф. (Москва)
Дадаева Татьяна Михайловна, д-р социол. наук, проф. (Саранск)
Дашковский Петр Константинович, д-р ист. наук, проф. (Барнаул)
Дунец Александр Николаевич, д-р геогр. наук, проф. (Барнаул)
Ершов Андрей Николаевич, д-р социол. наук, проф. (Казань)
Ковалева Алла Владимировна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Косачев Константин Иосифович, канд. юрид. наук (Москва)
Кузнецов Андрей Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Лустенко Андрей Юрьевич, д-р филос. наук, проф. (Луганск)
Максимова Светлана Геннадьевна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Малинецкий Георгий Геннадьевич, д-р физ.-мат. наук, проф. (Москва)
Матвеева Наталья Александровна, д-р социол. наук, проф. (Барнаул)
Муза Дмитрий Евгеньевич, д-р филос. наук, проф. (Донецк)
Набат Ринат Ахматгалиевич, д-р ист. наук, проф. (Казань)
Павлова Анжелика Николаевна, д-р ист. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Пчелина Ольга Викторовна, д-р филос. наук, доц. (Йошкар-Ола)
Савчук Валерий Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Санкт-Петербург)
Сергеев Олег Алексеевич, д-р полит. наук, проф. (Казань)
Смолин Олег Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Солодухо Натан Моисеевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Сомов Владимир Александрович, д-р ист. наук, проф. (Нижний Новгород)
Спирова Эльвира Маратовна, д-р филос. наук (Москва)
Сухова Мария Геннадьевна, д-р геогр. наук, проф. (Горно-Алтайск)
Черданцева Инна Владимировна, д-р филос. наук, доц. (Барнаул)
Чумаков Александр Николаевич, д-р филос. наук, проф. (Москва)
Шашкова Ярослава Юрьевна, д-р полит. наук, доц. (Барнаул)
Щелкунов Михаил Дмитриевич, д-р филос. наук, проф. (Казань)
Широкалова Галина Сергеевна, д-р социол. наук, проф. (Нижний Новгород)

• Члены редсовета и представители журнала за рубежом

Бабосов Евгений Михайлович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Билалов Бахадур Анвер оглы, канд. ист. наук, доц. (Баку, Азербайджан)
Ведлер Барбара, д-р, проф. (Миттвайда, Германия)
Водопьянов Павел Александрович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Зеленков Анатолий Изотович, д-р филос. наук, проф. (Минск, Республика Беларусь)
Ибрагимов Айдын, д-р геогр. наук, проф. (Чанакалле, Турция)
Илиева Снежана, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Корабельева Соня, д-р психол. наук, проф. (София, Болгария)
Левичка Яна, д-р, проф. (Трнава, Словакия)
Перинчек Мехмет Бора, д-р ист. наук, проф. (Стамбул, Турция)
Проданов Васил, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)
Рамтун Рой, д-р, проф. (Афины, США)
Тараров Яков Владимирович, д-р филос. наук, проф. (Харьков, Украина)
Тодорова Богдана, д-р филос. наук, проф. (София, Болгария)

SocioTime

Социальное время

ISSN 2410-0773

2 (34)

2023

Scientific journal

Founded in 2015
Published 4 times a year

Editor-in-Chief
Vladimir P. Shalaev

The journal is registered in the Federal service for supervision of communications, information technology, and mass media (Roskomnadzor)

Registration certificate: ПИ № ФС77-59171 from 03.09.2014

Area of distribution: Russian Federation, foreign countries

Founder: FSBEI of HE «Volga State University of Technology» (Yoshkar-Ola)

Founder office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square

Editorial office: 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square, room 426
Tel.: 8(8362)68-60 40, 8(8362)68 68 00. E-mail: sociotime@volgatech.net

The scientific magazine is included in the List of the reviewed scientific editions publishing the main results of theses for a degree of the candidate of science and doctor of science (the decision of Presidium of VAK (Higher Attestation Commission) of Russia at the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, of 23.03.2018) in the following directions: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes; 5.4.5. Political Sociology; 5.4.6. Sociology of Culture; 5.4.7. Sociology of Management; 5.6.1. National History; 5.6.2. General History; 5.6.3. Archaeology; 5.6.4. Ethnology, Anthropology and Ethnography; 5.6.7. History of International Relations and Foreign Policy; 5.7.1. Ontology and theory of knowledge; 5.7.2. History of philosophy; 5.7.6. Philosophy of science and technology; 5.7.7. Social and political philosophy; 5.7.8. Philosophical anthropology, philosophy of culture.

Editor *N. M. Moskvicheva*
Computer imposition *V. V. Khrenkov*

Signed in 08.09.2023. The format 70×100¹/₁₆. Offset paper.
Circulation 500 ind. Ordering № 3258.
Release date: 28.09.2023. Open price.



Volga State University of Technology. 424000, Yoshkar-Ola, 3, Lenin Square.
Printed in "Vertola" LLC. 424004, Russia, Mari El Republic, Yoshkar-Ola, Lev Tolstoy street, 45.

Reprint or reproduction of material numbers is permitted only with prior written permission of the editorial board

© Volga State University
of Technology, 2023

EDITORIAL BOARD

Shalaev V. P., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Editor-in-Chief
Dakhin A. V., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Ilyin V. I., Doctor of Sociology (St. Petersburg)
Lepsky V. E., Doctor of Psychology (Moscow)
Polutin S. V., Doctor of Sociology (Saransk)
Tishkin A. A., Doctor of History (Barnaul)
Shatunova T. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Khrenkov V. V., Candidate of Philosophy (Yoshkar-Ola) – Executive Secretary

EDITORIAL COUNCIL

• *Members of the editorial board in the regions of Russia*

Arshinov V. I., Doctor of Philosophy (Moscow)
Astafova O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Bekarev A. M., Doctor of Philosophy (Nizhny Novgorod)
Belyaev V. A., Doctor of Politology (Kazan)
Voitsekhovitch V. E., Doctor of Philosophy (Tver)
Gavrov S. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Garbuzov V. N., Doctor of History (Moscow)
Dadaeva T. M., Doctor of Sociology (Saransk)
Dashkovsky P. K., Doctor of History (Barnaul)
Dunets A. N., Doctor of Geography (Barnaul)
Yershov A. N., Doctor of Sociology (Kazan)
Kovalyova A. V., Doctor of Sociology (Barnaul)
Kosachev K. I., Candidate of Philosophy (Moscow)
Kuznetsov A. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Lustenko A. Ju., Doctor of Philosophy (Lugansk)
Maksimova S. G., Doctor of Sociology (Barnaul)
Malinetsky G. G., Doctor of Physical and Mathematical Sciences (Moscow)
Matveeva N. A., Doctor of Sociology (Barnaul)
Muza D. E., Doctor of Philosophy (Donetsk)
Nabiyev R. A., Doctor of History (Kazan)
Pavlova A. N., Doctor of History (Yoshkar-Ola)
Pchelina O. V., Doctor of Philosophy (Yoshkar-Ola)
Savchuk V. V., Doctor of Philosophy (Saint Petersburg)
Sergeyev S. A., Doctor of Politology (Kazan)
Smolin O. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Solodukho N. M., Doctor of Philosophy (Kazan)
Somov V. A., Doctor of History (Nizhny Novgorod)
Spirova E. M., Doctor of Philosophy (Moscow)
Sukhova M. G., Doctor of Geography (Gorno-Altaysk)
Cherdantseva I. V., Doctor of Philosophy (Barnaul)
Chumakov A. N., Doctor of Philosophy (Moscow)
Shashkova Y. Y., Doctor of Politology (Barnaul)
Shchelkunov M. D., Doctor of Philosophy (Kazan)
Shirokalova G. S., Doctor of Sociology (Nizhny Novgorod)

• *Members of the editorial board of the journal and representatives abroad*

Babosov E. M., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Bilalov B., Candidate of Philosophy (Baku, Azerbaijan)
Wedler B., Doctor, prof. (Mittweida, Germany)
Vodopianov P. A., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Zelenkov A. I., Doctor of Philosophy (Minsk, Republic Belarus)
Ibragimov A., Doctor of Geography (Chanakalle, Turkey)
Ilieva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Korabelyeva S., Doctor of Psychology (Sofia, Bulgaria)
Levická J., Doctor of Philosophy (Trnava, Slovakia)
Perinchek M. B., Doctor of History (Istanbul, Turkey)
Prodanov V., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)
Ramtun R., Doctor of Philosophy (Athens, USA)
Tararoey Y. V., Doctor of Philosophy (Kharkiv, Ukraine)
Todorova B., Doctor of Philosophy (Sofia, Bulgaria)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора	7
--------------------------------	---

ФИЛОСОФИЯ

Бочкарникова Ю. В.

Эмпиричность понятия «дрейф» в психогеографии городской среды Ги Дебора	9
---	---

Гавров С. Н., Бунтякова А. С. Ревитализация образования и метавселенная Таро в контексте философско-культурологического дискурса И. Семецки.....	16
---	----

Дахин А. В., Сундуков Р. В.

Объемлющий строй коллективной социальной памяти: философские основания мемо-политики в России	28
---	----

Лустенко А. Ю.

Русь и Византия: формирование российского канона метафизики власти и времени.....	34
---	----

Нуруллин Р. А.

Философские проблемы определения феномена информационной избыточности	44
---	----

Хохлова А. П.

Отчуждение в образовательной среде: формы проявления и способы борьбы	59
---	----

СОЦИОЛОГИЯ

Киреева О. А.

Портреты-типажи городских старьевщиков наших дней	73
---	----

Зюляев Н. А.

Влияние геополитических рисков на спрос и предложение туристических услуг.....	90
--	----

Палей Д. А.

Американская гражданская идентичность и оружейная культура	104
--	-----

ИСТОРИЯ

Нагаева Д. Р., Ахтямова Д. Р., Хасанов А. Р., Изилиева Л. О.

Спектр гендерной идентичности и неконформности как аспекты эволюции традиционных народных грузинских танцев.....	113
--	-----

Подготовка и порядок приема рукописей	121
---	-----

CONTENTS

Column of the Editor-in-Chief	7
-------------------------------------	---

PHILOSOPHY

Bochkarnikova Yu. V.

Empiricity of the concept of drift in psychogeography urban environment Gi Debor	9
---	---

Gavrov S. N., Buntayakova A. S.

Revitalization of education and the metauniverse of Tarot: reflection on the philosophical and cultural texts of I. Semetski	16
---	----

Dakhin A. V., Cundukov R. V.

The surround environment of collective social memory: philosophical foundation for Russia memo-policy	28
--	----

Lustenko A. Ju.

Rus and Byzantium: forming of Russian canon of metaphysics about a power and a time	34
--	----

Nurullin R. A.

Philosophical problems of determining the phenomenon of information redundancy	44
---	----

Khokhlova A. P.

Alienation in the educational environment: forms of manifestation and ways to combat	59
---	----

SOCIOLOGY

Kireeva O. A.

Portraits-types of urban junk dealers of our days	73
---	----

Zyulyaev N. A.

The impact of geopolitical risk on the demand and supply of tourism services	90
---	----

Paley D. A.

American civic identity and gun culture	104
---	-----

HISTORY

Nagaeva D. R., Akhtyamova D. R., Khasanov A. R., Izilyaeva L. O.

The spectrum of gender identity and non-conformity as aspects of the evolution of traditional GEORGIAN folk dances	113
---	-----

Preparation and procedure for acceptance of manuscripts	121
---	-----

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА



В тридцать четвертом номере научного журнала «**SocioTime / Социальное время**» (с 2018 года журнал входит в перечень ВАК рецензируемых журналов России по направлениям «Философия», «Социология», «История») представлены оригинальные научные материалы, подготовленные учеными и исследователями из различных университетов и научных центров России. Материалы журнала посвящены актуальным вопросам философского, социологического и исторического знания. В фокусе выпуска – современные и исторические процессы развития человека, общества и культуры.

Журнал позиционирует себя как сетевое международное научное издание. Широкий круг редколлегии и международного редакционного совета представлен исследователями из университетов и академических институтов, в том числе Российской академии наук, из Йошкар-Олы, Казани, Нижнего Новгорода, Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Твери, Барнаула, а также университетских центров зарубежья: Беларуси, Украины, Германии, США, Турции, Болгарии, Словакии, Азербайджана и других стран.

География участников тридцать четвертого номера «SocioTime» традиционно широка: опубликовано десять научных работ авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, Владивостока, Уфы, Йошкар-Олы, Луганска.

В раздел «**Философия**» включены шесть научных работ. В статье **Бочкарниковой Ю. В.** (*Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток*) исследуется эмпиричность понятия «дрейф» в психогеографии городской среды Ги Дебора. **Гавров С. Н., Бунтякова А. С.** (*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва*) посвятили свою работу анализу ревитализации образования и метавселенной Таро в контексте философско-культурологического дискурса И. Семячки. В совместном труде **Дахина А. В.** и **Сундукова Р. В.** (*Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Нижний Новгород*) исследуется объемлющий строй коллективной социальной памяти в контексте философских оснований мемо-политики в России. А в работе **Лустенко А. Ю.** (*Луганский государственный университет имени Владимира Даля, г. Луганск*) в центре внимания – феномен формирования российского канона метафизики власти и времени в сравнительном анализе Руси и Византии. В статье **Нуруллина Р. А.** (*Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань*) – анализ философской проблемы определения феномена информационной избыточности. Автор из Йошкар-Олы **Хохлова А. П.** (*Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола*) в центр внимания своей работы поместила феномен отчуждения в образовательной среде, формы его проявления и способы борьбы с ним.

В раздел «**Социология**» включены три научные работы. В статье **Киреевой О. А.** (*Некоммерческое партнерство Творческий центр «Доверие», г. Москва*) проведен социологический анализ портретов-типажей городских старьевщиков наших дней. А в работе **Зюляева Н. А.** (*Поволжский государственный технологический универси-*

тет, г. Йошкар-Ола) исследуется влияние геополитических рисков на спрос и предложение туристических услуг в России и за рубежом. В центре внимания работы **Палей Д. А.** (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург) – сравнительный анализ американской гражданской идентичности и оружейной культуры.

Раздел «История» представлен совместной статьей **Нагаевой Д. Р., Ахтямовой Д. Р., Хасанова А. Р., Изияевой Л. О.** (Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа), в центре внимания которой – эволюция традиционных народных грузинских танцев и присущий им спектр гендерной идентичности и неконформности.

Тридцать четвертый номер журнала отличает широкая палитра представленных работ, охватывающих актуальные вопросы современного человека и общества и носящих проблемный характер. Центральное место в номере занимает проблематика российского общества, продолжающего свое развитие в непростых условиях современности.

Редколлегия «SocioTime / Социальное время» приветствует исследовательские работы авторов из России и зарубежных стран, посвященные творческому осмыслению актуальных процессов и проблем развития человека и общества в профиле основных разделов журнала. Отдавая дань уважения маститым авторам, мы уделяем особое внимание поддержке молодых исследователей, стремясь сохранить и развить научный диалог поколений, представляющих различные пространственно-временные континуумы развития современной философии, социологии и истории в области актуальных проблем рационального понимания современной цивилизации и культуры, человека и общества. Наша журнальная площадка открыта для творческих обсуждений и дискуссий. «SocioTime / Социальное время» – это, несомненно, наше единое время, здесь и сейчас!

Адрес редакции: 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, 3, Поволжский государственный технологический университет, факультет социальных технологий, каб.: 426, 430а.

E-mail: sociotime@volgatech.net, ksnt@volgatech.net

Тел. редакции: 8(8362)68-68-00, 8(8362)68-68-40.

С требованиями к оформлению статей, правилами их публикации, а также антологией выпусков можно ознакомиться на сайте нашего журнала (<https://www.volgatech.net/sociotime/>) или в системе Elibrary.

Редколлегия желает вам оптимизма, неустанных творческих исканий и успехов на путях научного познания и нашего совместного труда по обретению опыта в деле совершенствования человека и общества в единой истории и культуре.

В. П. Шалаев,
доктор философских наук, профессор.



УДК 118

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.9

ЭМПИРИЧНОСТЬ ПОНЯТИЯ «ДРЕЙФ» В ПСИХОГЕОГРАФИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ ГИ ДЕБОРА

Ю. В. Бочкарникова

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток (Россия)

Введение. Индустриальный переворот в начале XX века повлек за собой глобальные изменения жизни как в материально-техническом, так и социо-психологическом плане. В результате этого была сформирована новая концепция личностной самоорганизации человека. Мишель Фуко определяет ее как «эстетика существования», которая основывается на чувственном опыте. Поэтому, если обратиться к городской среде, принцип эмпирического восприятия окружающего пространства лежит в основе исследования взаимосвязи общественной жизни и городской среды. В этой связи Ги Дебор разрабатывает концепцию «психогеография», основная идея которой в том, что городская среда должна исследоваться с точки зрения эмоционально-психологического влияния на человека и его рефлексии, что помогает комплексно решать и проблемы, связанные с влиянием городской среды на общество.

Методы. В основе данной работы лежит исторический метод, с помощью которого проводится гносеологическое познание логической взаимосвязи объектов исследования. Также для выстраивания логической цепочки аналитической структуры применяется методика софизма. С целью ответа на поставленные задачи и их обоснование употреблен рационалистический метод.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. После индустриального переворота в начале XX века происходят социо-психологические изменения общества. Объектом исследования становится переосмысление личности человека. При этом в качестве основного метода восприятия Мишель Фуко предлагает эмпирический, чувственный метод постижения. И если ставить перед собой в качестве цели исследования анализ городского пространства в контексте постмодернистской, постиндустриальной парадигмы, то необходимо обратиться к чувственному, эмпирическому методу исследования. Поэтому идет обращение к принципу описания восприятия городского пространства человеком, которую представил Ги Дебор в работе «Психогеография». Автор приводит идею дрейфа, на основании которой происходит игровое психологическое восприятие городской среды.

Заключение. Таким образом, использование идеи дрейфа в исследовании городского пространства помогает осмыслить проблемы, связанные с городской средой в междисциплинарном контексте.

Ключевые слова: эстетика, эмпирика, психогеография, дрейф, игра, урбанизм, среда, рефлексия, общество, творчество.

Введение. Промышленный переворот в начале XX века повлек за собой изменение не только уклада и пространства жизни, но и стал катализатором для значительных социокультурных изменений общества того периода. Масштабная трансформация произошла в смысловом и мировоззренческом пространстве [1]. Это при-

вело к взаимосвязанным изменениям в области техники, форм производства и общественной жизни, стало толчком к нравственным изменениям личности, ознаменовало собой наступление постмодернистской эпохи. Производственные, промышленные процессы определили нравственные, ментальные аспекты жизни отдельно взятого человека. Объектом исследования становится переосмысление личности человека.

Методы исследования. В основе данного исследования лежит исторический метод, с помощью которого проводится гносеологическое познание логической взаимосвязи социально-политических изменений в начале XX века, изменений мировоззренческих позиций как отдельно взятого человека, так и всего общества в целом, а также выстраивания логической цепочки взаимосвязи исторических событий и их влияния на мировоззренческие позиции человека, общества, что послужило толчком переосмысления влияния городской среды на человеческое общество. С целью ответа на поставленные в статье задачи и их обоснование применяется рационалистический метод.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

А. Лефевр. Политическое конституирование пространства

Индустриальный промышленный переворот, произошедший в начале XX века, повлек за собой социальный переворот. А. Лефевр в своем труде «Производство пространства» отмечает, что в 1910 году было разрушено некое мировоззренческое пространство – смысловое, парадигмальное, политическое, пространство общественной практики. Изменения произошли как на метафизическом, сверхчувственном уровне, так и на материальном, средовом, исторически формировавшемся начиная с эпохи Возрождения на основе греческой традиции в форме большого и малого городов. Эти изменения стали катализатором сложных и взаимосвязанных изменений в области техники, форм производства и общественной жизни, что в последствии явилось катализатором нравственного переосмысления личности в контексте постмодернистской эпохи.

Таким образом, промышленный переворот коренным образом переорганизует догматические нравственные, сущностные устои общества, тем самым формируя новое социальное пространство. А. Лефевр определил социально-политическое пространство как абстрактное пространство, абстракция считается неким «отсутствием», противоположностью конкретного «присутствия» предметов и вещей, которое в свою очередь влияет на абсолютное – материальное пространство [2].

М. Фуко. Концепции «эстетики существования»

В этой связи можно привести исследования Мишеля Фуко. В работе «История сексуальности» он анализирует социальные изменения начала XX века, представляет концепцию субъективной, личностной самоорганизации. При этом в качестве основного метода используется дискурс. Опираясь на герменевтическую базу античной культуры, формирует идею «медленного формирования... герменевтики себя». Мишель Фуко предлагает новое «самовыстраивание» личности и определяет его как «эстетика существования». Таким образом, выстраивается новая нравственная модель поведения, релятивизируя аксиологические ориентиры обоснованного мораль-

ного выбора. Этика нормы заменяется на этику творчества, схожую с аксиологической этикой, проявляющейся посредством знаковой идеографической редукции. Соответственно, для социальных изменений постиндустриального общества характерна идеографическая, знаковая редукция, которую Мишель Фуко представляет в качестве методологического подхода при формировании концепции эстетики существования [3]. При этом в качестве основного метода восприятия Мишель Фуко предлагает эмпирический, чувственный принцип, с помощью которого воспринимается и окружающее пространство.

Если обратиться к значению чувственного, эмпирического восприятия, то можно привести идею Девида Юма. Так, *Жиль Делёз* в своей книге «*Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму*» утверждает, что в основе эмпирического, чувственного восприятия лежит опыт, который провоцирует наиболее сильные и яркие впечатления от окружающего мира. При этом содержание памяти всегда будет более бледным относительно первичного опыта. Такой опыт состоит из впечатлений, которые делятся на внутренние и внешние: к внутренним относятся эффекты и эмоции, к внешним – восприятия или ощущения. Восприятия памяти и образы воображения формируют идеи. А идеи и восприятия формируют содержимое ума и внутреннего мира, душу человека.

Внешние впечатления возникают в результате определенной связи опыта, затем они обрабатываются умом, формируют представления и перераспределяют простые идеи в сложные. При этом впечатления порождают сложные идеи, а простые идеи являются продуктами ума. Таким образом, любые идеи – это производные от впечатлений, которым предшествовал чувственный опыт [4].

В этой связи следует привести идею *Жака Рансьера*. В книге «*Разделя чувственное*» философ формирует новую концепцию эстетики, при этом автор сравнивает эстетику и политику, наделяя их общим чувственным началом [5].

Ф. Шиллер «Статьи по эстетике»

В свою очередь Фридрих Шиллер в работе «Письма об эстетическом воспитании человека» представляет принцип чувственного восприятия как эстетический принцип восприятия среды, основанный на «феномене игры». Согласно идее феномена игры человек выходит из «рабства зверского состояния» только посредством эстетического опыта, при этом у него развиваются способность наслаждаться искусством и «склонность к украшениям и играм». Следуя концепции игры, человеку характерны «пробуждения»: эмпирическое, чувственное – заложено природой; духовное – основано на «законах разума». В этой связи феномен игры – один из действующих факторов формирования мировоззрения. Используя методику игры, человек творит себя и окружающее его пространство [6].

Парируя относительно этой проблематики, Ж. Рансьер говорит о том, что «человек бывает вполне человеком лишь тогда, когда играет», и заверяет, что подобное утверждение способно нести «все здание эстетического искусства и еще более трудного искусства – жить» [7].

Таким образом, происходит эстетизация пространства, среды, основанная на феномене игры, в основе которой лежит не только решение утилитарных задач развития среды, но и «склонность к украшениям и играм», основанных на чувственном

опыте. Соответственно, учитывая, что среда жизни человека и общества в целом – это прежде всего городская среда, то исследования концепции феномена игры необходимо проводить в контексте городской среды.

Так, если обратиться к понятию города, то можно определить его как «урбанистическая среда». Значит, искусственная среда неустойчивая природно-антропогенная система, сформированная из архитектурно-строительных элементов. Ключевую роль при определении городской среды составляет то, что отличает ее от экосистемы – это технологическая составляющая, определяемая капиталистической необходимостью.

Г. Дебор «Общество спектакля»

И тут можно привести исследования Ги Дебора, который формирует концепцию игры в контексте городской среды.

Так, в книге Ги Дебора «Общество спектакля» приводятся марксовские идеи капиталистических черт в урбанистической среде, говорится о том, что технологические процессы капиталистической экономики представляют функцию классового разделения, занимаясь «самовоспроизводством». Данный принцип Ги Дебор определяет как «нагромождение спектаклей», где реальность воспроизводится в виде непрерывных образов, формируя «спектакль» – автономный мир – мир игры, отдельный от реального, где «обманщик лжет себе самому». Таким образом формируется ложный мир – мир заблуждающегося взгляда и ложного сознания. А унификация «ложного мира» является его официальным языком [8].

Объекты производства капиталистического общества приводят к отчуждению. Вся воспроизводимая продукция отделяет его от реального мира. «Спектакль» выстраивается за счет капиталистических образов производства – товара. Товар образует визуальный, сверхчувственный ряд образов «ложного мира» общества спектакля. Соответственно, развитие капитализма структурирует городскую среду как собственную декорацию для «игры», которая служит бюрократической централизацией общества. Тем самым капиталистическая система сформировала свой визуальный код, который определяет индустриальное общество. Так, бюрократическое структурирование городской среды, разделение общества на классы приводят к «организации спектакля». Городская среда становится местом «организации спектакля», местом воплощения феномена игры.

Подобной точки зрения в своей теоретической работе «Пространство» придерживается и Морис Мерло-Понти. Философ утверждает, что окружающее пространство при индивидуальном восприятии представляет собой интерпретацию, расшифровку телесных ощущений. Морис Мерло-Понти проводит аналитику феноменологического познания окружающего пространства методом рефлексии, а именно беспорядочного описания познающего сознания. Соответственно, это описание происходит при использовании герменевтического метода, текста знаковой системы [9].

Г. Дебор «Психогеография»

Также в рамках исследования феномена «игры» в городской среде Ги Дебор создает работу «Психогеография», в которой сравнивает два подхода к восприятию

городской среды. Во-первых, как утилитарный урбанизм, который не предполагает границ, он представляет городскую среду как общее единое пространство, где нет деления пространства на рабочее и для отдыха, коллективное и частное. Во-вторых, пространство городской среды представляется в качестве игровой территории, предшествующей утилитарному урбанизму, которая представляет исключительно сооружения, воспринимаемые человеком в качестве объекта развлечения.

Для описания пространства игровой территории Ги Дебор формулирует понятие «психогеография», которое, в отличие от географии, определяет не всеобщее воздействие природных сил на экономические формации общества, а то, как география среды влияет на поведение людей. С этой целью исследуются психологические, ментальные принципы воздействия городской среды на человека, то, как он воспринимает пространство. Соответственно, данные, собранные в процессе такого исследования, определяются как «психогеографические», и показывают, как городская среда влияет на человеческие чувства. Учитывая, что речь идет об индивидуальном подходе рассмотрения влияния городской среды, ее воздействия на отдельно взятую личность, то у каждого будет формироваться свое, индивидуальное представление о городской среде. Поэтому психогеография сравнивается автором с научной фантастикой, которая развивается во фрагменте текущей жизни. При этом, как утверждает Ги Дебор, индивидуум опирается на воображение, делая его реальным [11], где в качестве способа постижения этого нереального мира, который формируется в воображении человека, является метод «дрейфа».

С помощью дрейфа человек способен проходить через несколько сред. Идея дрейфа основана на психологическом восприятии городской среды. В отличие от путешествия и прогулки, дрейф отличает созидательно-игровое поведение, предполагающее элемент неожиданности, удивления. В качестве примера объектов городской среды можно привести новаторскую архитектуру, противопоставляя ее классической, рациональной архитектуре. К такой архитектуре автор относит построенный в 1955 году в Нью-Йорке жилой дом, по которому можно «дрейфовать». Сам дом напоминает пирог, в котором по спирали расположены квартиры. При этом помещения в доме могут быть увеличены или уменьшены с помощью мобильных перегородок, а деления на полуэтажи, дают возможность жителям не ограничивать число комнат. Такая структура здания позволяет за шесть часов превратить дом из четырехкомнатной квартиры в двенадцатикомнатную.

Практика дрейфа предполагает особое отношение к жизни и провоцирует определенные эмоции. При этом автор делает акцент на том, что «психогеографические» объекты городской среды – это объекты будущего.

Заключение. Соответственно, дрейф – это формат экспериментального поведения, определяющий стиль жизни некоторых людей, а практика дрейфа породила идею «психогеографии» городской среды. Отсюда методика психогеографии помогает определить разные сферы рефлексии проблем, изучить закономерности этих проблем и эффективных способов их решения. Потому, в отличие от экологии, которая в системе города очерчивает городское пространство, психогеография дает возможность оценить содержимое досуга и его смыслы, также затрагивает комплекс проблем, связанных с поведением коллектива в его социальном пространстве. Сле-

дую идею психогеографии, автор утверждает, что с помощью данного метода урбанизм определяет, задает особенности проведения досуга или другой деятельности, что помогает комплексно рассматривать все проблемы и сферы жизни, связанные с городской средой, в едином междисциплинарном контексте, а значит, найти путь их эффективного решения [11].

Список литературы

1. McQuire S. Edited by Grigoriev T. Media city: media, architecture and urban space. Strelka Press, 2014. 392 p.
2. Лефёвр А. Производство пространства / Пер. с фр. И. Стаф; под ред. М. Великановой, А. Журбиной. М.: Streike Press, 2015. 432 с.
3. Фуко М. История сексуальности III: Забота о себе / Под общ. ред. А. Б. Мокроусова. Грунт, 1998. 170 с.
4. Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность: опыт о человеческой природе по Юму // Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность. Критическая философия Канта. Бергсонизм. Спиноза. М., 2001.
5. Рансьер Ж. Разделяя чувственное.
6. Шиллер Ф. Статьи по эстетике. М.-Л., 1935. С. 281.
7. Жак Рансьер / Пер. подг. группой [Trag]: И. Дейкун, К. Тараненко, А. Дружаев.
8. Дебор Г. Общество спектакля / Пер. с фр. С. Офертаса, М. Якубович. М.: Логос, 2000. 224 с.
9. Мерло-Понти М. Пространство. Томск: Водолей, 1998. 320 с.
10. Эстетическая революция и ее последствия // New Left Review. 2002. С. 8.
11. Дебор Г. Психогеография. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 112 с.

Авторская справка

БОЧКАРНИКОВА Юлия Владимировна – старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия. E-mail: bjulea@yandex.ru

UDC 118

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.9

EMPIRICITY OF THE CONCEPT OF DRIFT IN PSYCHOGEOGRAPHY URBAN ENVIRONMENT GI DEBOR

Yu. V. Bochkarnikova

Far Eastern Federal University, Vladivostok (Russia)

Introduction. The Industrial Revolution, at the beginning of the 20th century, led to global changes in life, both materially and technically and socio-psychologically. As a result, a new concept of personal self-organization of a person was formed. Michel Foucault defines it as "the aesthetics of existence", which is based on sensory experience. Therefore, if we turn to the urban environment, the principle of empirical perception of the surrounding space underlies the study of the relationship between public life and the urban environment. In this regard, Guy Debord develops the concept of "psychogeography", the main idea of which is that the urban environment should be studied from the point of view of the emotional and psychological impact on a person and his reflection. This helps to comprehensively solve the problems associated with the influence of the urban environment on society.

Methods. The basis of this study is the historical method, with the help of which epistemological knowledge of the logical relationship of the objects of study is carried out. Also, the technique of sophism is

used to build a logical chain of the analytical structure. In order to answer the set tasks and justify them, a rationalistic method is used.

Results. As a result of the industrial revolution at the beginning of the 20th century, socio-psychological changes in society are taking place. The object of research is the rethinking of a person's personality. At the same time, as the main method of perception, Michel Foucault offers an empirical, sensual method of comprehension.

And if we set ourselves as the goal of the study, the analysis of urban space in the context of the post-modern, postindustrial paradigm, then it is necessary to turn to the sensual, empirical method of research.

Therefore, there is an appeal to the principle of describing the perception of urban space by a person, which was introduced by Guy Debord in his work "Psychogeography". In his work, Guy Debord gives the idea of "drift", on the basis of which the game psychological perception of the city environment takes place.

Conclusion. Thus, the use of the idea of "drift" in the study of urban space helps to comprehend the problems associated with the urban environment in an interdisciplinary context.

Keywords: aesthetics, empiricism, psychogeography, drift, game, urbanism, environment, reflection, society, creativity.

References

1. McQuire S. Edited by Grigoriev T. Media city: media, architecture and urban space. Strelka Press, 2014. 392 p.
2. Lefebvre A. Translated from French by Irina Staff Edited by Maria Velikanova, Anna Zhurbina. Space production. Moscow, Streike Press, 2015. 432 p.
3. Foucault M. Under the general editorship of A. B. Mokrousov. A History of Sexuality III: Taking Care of Yourself Ivo, Grunt, 1998. 170 p.
4. Deleuze J. Empiricism and subjectivity: Hume's experience of human nature. Deleuze J. Empiricism and subjectivity. Critical Philosophy of Kant. Bergsonism. Spinoza. Moscow, 2001.
5. G. Rancière. Separating the Sensual.
6. Schiller F. Articles on aesthetics. Moscow-Leningrad, 1935. P. 281.
7. Jacques Rancière. Translation prepared by the group [Trag]: Deykun I., Taranenko K., Druzhaev
8. Debor G. Society of the performance. Per. from fr. C. Offèras and M. Yakubovich Iz-vo. Moscow, Logos, 2000. 224 p.
9. Merleau-Ponty M. Space. Tomsk, Aquarius, 1998. 320 p.
10. Aesthetic revolution and its consequences. New Left Review. 2002. 8 p.
11. Debor G. Psychogeography. Moscow, Ad Marginem Press, 2017. 112 p.

Author's Bio

BOCHKARNIKOVA Yulia Vladimirovna – Senior Lecturer, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia. E-mail: bjulea@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Бочкарникова Ю. В. Эмпиричность понятия «дрейф» в психогеографии городской среды Ги Дебора // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 9–15. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.9

УДК 37

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.16

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И МЕТАВСЕЛЕННАЯ ТАРО В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА И. СЕМЕЦКИ

С. Н. Гавров, А. С. Бунтякова

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва (Россия)

Введение. Статья посвящена вопросам преодоления отчуждения в сфере образования и его ревитализации в контексте философско-культурологического дискурса профессора Колумбийского университета И. Семецки. Поддержание научного комьюнити требует рефлексии в отношении работ наших коллег. В трудах И. Семецки затрагиваются важные аспекты соотношения современного, постмодерного и домодерного, рассматриваются возможность, технологичность, эффективность домодерных практик, их идейный контекст. Нами исследуются также процессы возможности и общественной востребованности ревитализации и ресимволизации рационалистического, материалистического по своей генеалогии образования, актуализация его этической компоненты.

Методы. В данном исследовании используется интегративный анализ, позволяющий проанализировать практики образования модерна и постмодерна, возможность применять домодерные практики его ревитализации, для структурного выстраивания исследования применена методика нарратива. С целью получения доказательной базы по анализируемому вопросу, а затем и поиску решений, используется рационалистический метод.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Анализируются трендовые и контртрендовые направления в образовании с градуированием их по уровню витальности и отчуждения. Рассматривается возможность использования домодерной по генеалогии практики ридингов Таро в контексте ревитализации образования и частичного преодоления отчуждения. Соотносясь с философско-культурологическими построениями И. Семецки, авторы предлагают свою интерпретацию предложенного ею дискурса, включая введение нового определения «метавселенная Таро», дающего возможность интегративного анализа ее технологий; рассматривают эгрегориальное начало метавселенной в идейном контексте домодерных практик, возможность их включения в сферу гуманитарного знания.

Заключение. Анализ русскоязычных публикаций И. Семецки позволил рассмотреть домодерные игровые практики ревитализации образования.

Ключевые слова: образование, ревитализация, отчуждение, современный, постсовременный, домодерный, метавселенная, эгрегор, игра, Таро, И. Семецки, Р. Штайнер, М. Монтессори.

Введение

Образование: проблемы отчуждения и потери витальности

Классическое образование эпохи модерна построено на жестких бинарных позициях учитель–ученик, замешено на немецком, западном «порядке» (нем. *ordnung*). Бинарность, склонность к монологичности, стремление надзирать и наказывать привели к все более осознаваемой проблеме отчуждения и утере корней в образовании, шаблонной, основанной на подавлении, социализации и инкультурации [2, 5, 13]. Уместными кажутся здесь строки М. Волошина, написанные в 1922 году в Коктебеле:

«...Смысл воспитания –
Самозащита взрослых от детей.
Поэтому за рангом палачей
Идет ученый Комитет
Компрачиков,
Искусных в производстве
Обеззараженных
Кастрированных граждан» [3, с. 327].

На западе М. Волошину вторит С. Вейль, говоря о нарастающей проблеме отчуждения [6]. Отмечая утерю витальных корней, потерю жизненной силы, эмпатии, возможности на дорациональном, дологическом уровне читать учеников, как мать по множеству невербальных характеристик читает своего ребенка, присоединяется к ним И. Семецки [11].

Методы исследования. В данной работе используется интегративный анализ, позволяющий проанализировать практики образования модерна и постмодерна, возможность применять домодерные практики его ревитализации, употреблена методика нарратива для структурного выстраивания исследования. С целью получения доказательной базы по анализируемому вопросу, а затем и поиску решений, используется рационалистический метод.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Классическое образование обездвигивает ребенка на входе в систему, заставляя принять несвойственное ему сидячее положение, своим форматом подавляя его, уменьшая витальные силы и подчиняя, превращая его из человека играющего (лат. *homo ludens*), по Й. Хейзинге [14], в человека, подчиняющегося правилам безотносительно их разумности, менее витального (лат. *vitalis* – жизненный, животворящий), менее способного использовать творческую силу воображения. Перечисленные изменения скорее относятся не к эволюции, но инволюции творческого, эмпатического начала в человеке, означают движение от витальности к ригидности.

Рацио, формальная логика, *cogito ergo sum* – «я мыслю, следовательно, я есмь (существую)» Р. Декарта способствовала деактуализации витальности, магии и воображения и «расколдовыванию мира» [1]. По И. Семецки, именно «познавательная функция, обогащенная воображением, открывает доступ к воображаемому миру через отдельный вид знания, выделяемый как знание по аналогии» [12, с. 5], почти утерянного Западом.

В образовании есть и направления контртрендовые в отношении модерна, развивающиеся в русле гуманизма, воспроизводящие витальность и в некоторых случаях имеющие трансцендентный контекст. Общим в них является размывание бинарных оппозиций, скепсис по отношению к дидактике, акцент не на логосе и аксиоматичном представлении о монологической трансляции знания, а на диалоге и полилоге. Это, прежде всего, Вальдорфское образование (штайнеровская или вальдорфско-штайнеровская педагогика), восходящее к немецкому философу Р. Штайнеру – мистiku, создателю знаменитого Гётеанума (лат. *Goetheanum*). Здесь ученик проявляет свои способности, в терминологии И. Семецки – зачатки самости в комфортной обстановке, без страха, стресса и оценки его действий. Ученик познает мир

в процессе трудовой и творческой деятельности, а не сидя за партой от звонка до звонка. В вальдорфско-штайнеровской педагогике в максимальной степени сохранены трансцендентный контекст и витальность, получило развитие лучшее, что было в домодерных образовательных практиках.

К гуманистическим системам в образовании относится также система Монтессори, предложенная в первой половине XX века итальянским педагогом М. Монтессори, и домашнее образование. Ее система основана на идеях свободного воспитания с акцентом на развитии органов чувств при помощи дидактических занятий и развивающей среды. В нем есть витальность свободы, игры, потока. Здесь меньше социальной и культурной репрессий, прежде всего, обездвиживания, являющихся для ребенка и подростка сильным стрессом и наказанием. В то же время, в отличие от школы Р. Штайнера, трансцендентный контекст образования не акцентируется.

Домашнее образование делает процесс обучения, социализации и инкультурации более комфортным, поскольку здесь меньше репрессии, стресса, социальных отвлечений подростковых групп и воспитания чувств, больше возможностей концентрации, освоения больших объемов знаний в игровой, творческой формах. Домашнее образование – путь к формированию уникального человека с высоким творческим потенциалом, сочетанием программных и сверхпрограммных умений и навыков. Среди выпускников домашнего образования – В. А. Моцарт, П. Я. Чаадаев, М. Ю. Лермонтов, А. Кристи, В. В. Набоков, А. Д. Сахаров. Это далеко не полный список, охватывающий уникальных людей различных эпох и профессиональных сфер. Их всех объединяет нестандартный опыт обучения, полученный в детстве и юности.

Прослеживается видимая связь между большей индивидуализацией, уникальными педагогическими практиками, развивающими воображение, тактильность, творческие способности, приверженность тому, что мы называем сегодня свободными искусствами, с последующими жизненными достижениями. Этот творческий набор методологий и практик в образовании можно расширять, вводя в него традиционные, восходящие к гнозису и этнокультурным игровым практикам домодерна [7].

Уместно отметить, что они могут служить ревитализации образования, основанного на развитии тактильности и других органов чувств, свободных искусствах, двигательных активностях и интеллектуальных игровых практиках, включающих, например, сценарные, вариативные игры российских методологов. Они, отчасти, напоминают развернутое толкование раскладов Таро.

Более свободное, гуманистическое образование ведет к формированию более свободного общества. Вспомним слова сподвижницы Екатерины II Е. Р. Дашковой: «Образование ведет за собой свободу, а не свобода творит образование» [10, с. 239].

Метавселенная Таро

Мы проводим анализ феномена карт Таро в контексте практик культуры и образования, временами выходя за рамки концептов, предложенных И. Семенца. Мы даем авторские интерпретации и вводим новое понятие, позволяющее приблизиться к онтологическому анализу феномена, в частности в отношении мира психических и ментальных состояний сознания. Это понятие – «метавселенная Таро».

Но прежде соотнесем с современным понятием метавселенной, относящейся к постреальному миру виртуальных интернет-технологий. В наглядно-образной форме универсальная метавселенная предстала в научно-фантастическом романе Э. Клайна «Первому игроку приготовиться» (англ. Ready Player One). В книге представлена универсальная метавселенная OASIS – массовая многопользовательская интерактивная онлайн VR-игра, которая в пространстве фантастического романа стала главным онлайн-направлением для работы, образования и развлечений. Онлайн-школьные классы лучше обычных элитарных школ, поскольку напоминают голопалубы (англ. Holodeck) – вымышленные устройства из научно-фантастического сериала «Звездный путь». Преподаватели проводят виртуальные экскурсии по цивилизациям, странам и континентам, ведущим мировым музеям, другим планетам и даже внутри человеческого тела, что увлекает учеников.

Чем же постмодерная компьютерная метавселенная пересекается с домодерной метавселенной карт Таро? В ней также представлена интерактивность, герой может действовать при помощи аватара – аркана, который соответствует уровню развития того, кто вопрошает у карт будущее и реинтерпретирует прошлое. Начинается все с невинности и простодушия «дурака» – нулевого старшего аркана, с которого герой начинает самопознание себя и познание мира. На языке метавселенной герой примеряет на себя аватар «дурака», который попадает в неожиданные, не всегда простые, но всегда развивающие ситуации. Ведь изображен простодушный малый – «дурак», в шаге от пропасти, с улыбкой, глазами, поднятыми к небу. Чтобы идти дальше, он должен упасть, но не разбиться по-настоящему, ведь он всего лишь аватар живого человека, и пропасть – не физическая, скорее аллегория вариативности опыта.

Так начинается преображающее путешествие в интерактивной метавселенной Таро. В отличие от компьютерной метавселенной, здесь есть посредник, ведущий ридинги и толкующий нарратив выпавшей комбинации карт. Куда идет герой, с какими трудностями он может столкнуться, что ему помогает и мешает на этом пути? Так, перевернутая благоприятная карта аркана превращается в свою противоположность, возможно, указывая на человеческие слабости, просчеты, неверный выбор. Но значение перевернутых арканов уточняется контекстом расклада, они и другие выпавшие карты не самодостаточны, как актеры на сцене театра подчиняются линиям сюжета. Арканы ведут нарративное повествование, раскрывают сюжет. Переходя от аркана к аркану, аватар героя, а опосредовано и сам герой, проходит через ряд инициаций, радикально меняющих его на пути от неведения к знанию.

Но если толкование отдельного аркана может быть вполне однозначно, то нарратив целого расклада такой однозначностью обладает нечасто, требуя интерпретации. Тогда в дело вступает посредник-толкователь – нарратолог, способный свести воедино линии сюжета, дать вопрошающему понятную и внутренне непротиворечивую картину ридинга. Это искусство сродни искусству социолога, объясняющего большой массив данных, становящегося на завершающем этапе эмпирического исследования интерпретатором полученных результатов.

От этой интерпретации зависит многое, она акцентирует внимание аудитории на одних результатах, раскрывая нарратив интерпретации полученных данных в

системе контекстов, давая ракурс оценки. Этот ракурс меняет восприятие самих результатов, он отчасти сродни утреннему, дневному, вечернему и ночному освещению, делающему одну и ту же картину иной.

Итак, опишем метавселенную Таро. Она представляет собой схематизированный результат почти бесконечных индивидуальных нарративов в схожих ситуациях. Схема вызовов и ответов устоялась во времени, приобретя черты архетипичности, поскольку уникальные жизненные ситуации имеют конечную вариативность решений, на глубинном уровне еще более редуцируясь к конечному количеству архетипов – арканов Таро.

Метавселенная интерактивна, аватар вопрошающего будущего, реже перетолковывающего прошлое, перемещается по пространству вариантов, перебирая не только математически конечное количество раскладов, но и практически бесконечное количество толкований от неограниченного числа операторов ридингов. Конечность математических вариантов раскладов превращается ими в бесконечность уникальных нарративов.

Так, метавселенная Таро преодолевает свою математическую конечность, переживая бесчисленное количество индивидуальных нарративов, множественность толкований которых стремится к бесконечности за счет психических, художественных, а временами и магических свойств операторов ридингов. В этом смысле можно говорить о том, что она расширяется по аналогии с физической Вселенной.

Метавселенная Таро: эгрегориальное начало

Метавселенная Таро имеет эгрегориальный характер, в полной мере проявляющийся при установлении с ним эмпатической связи оператора, в этом варианте превращающегося в медиума. Когда связь установлена, ридинги теряют стохастический характер, стремясь к инвариативности. Это уже не математическая случайность, но закономерность, приближающая ответ расклада к посланию оракула, дающего определенные прогнозы.

Это высший, не масштабируемый уровень проведения ридингов, обусловленный уникальными качествами оператора, способного коммуницировать с эгрегором Таро – коллективным бессознательным, мировой душой, по К. Г. Юнгу [15, 16], передавать и получать информацию от него. Здесь мы приближаемся к важной и практически неразработанной в рамках научного дискурса теме эгрегоров.

Мы попытаемся восполнить этот пробел и дать определение. *Эгрегор* – надленное разумом и свободой воли трансвременное образование, располагающееся не только в прошлом и настоящем, но и в будущем, получающее энергию от желающих знать о будущем и интерпретировать прошлое через операторов ридингов. По схожему принципу действуют религиозные эгрегоры и мегаэгрегор культуры.

Эгрегор может сохранять свою жизненность, если получает больше энергии, чем отдает. Эта пропорция получения и отдачи необходима ему для активностей и воспроизводства себя во времени. Но он может и отдавать энергию тем уникальным и потому редким операторам ридингов, которые выступают его социальными интерфейсами, порталами, ведущими вглубь эгрегора. Получая и транслируя через них

информацию и энергию, он включает их в себя, капсулируя от нежелательных социально-энергетических контактов и поощряя желательные.

Как понять логику эгрегора Таро, что для него желательно, а что нет? Как и для любой живой системы [9], вне зависимости от ее биологической или небιологической природы, нежелательное – не несущее энергии или несущее мало, когда ее получение примерно равно отдаче; желательное – приносящее много энергии, способствующее укреплению эгрегора и его внешней экспансии. Этим, по-видимому, определяется стратегия поддерживаемых и индифферентных энерго-социальных контактов в логике эгрегора Таро. Иными словами, эгрегор эгоистичен, он стремится к поддержанию пищевых цепочек, идущих к порталам – уникальным операторам ридингов, а через них дальше, к тем, кто может резонировать с ним, генерировать энергию, быть «батареями», питающими его.

В этом смысле квазирелигиозные эгрегоры, например, могут быть изобретательны и длительны в своем упорстве. У нас и у них разные темпоритм и время существования. Для человека, например, временной промежуток в годы и десятилетия – это немало, для эгрегора – миг, один или несколько взглядов в сторону человека. Для эгрегора важно зафиксировать ближние светящиеся, способные резонировать с ним точки (человека) в энергоинформационном пространстве, идентифицировать их. Этого почти всегда достаточно, противиться воле эгрегора могут не многие из тех, кто приблизился к нему. Мы рассматриваем здесь модель с уникальным оператором ридингов, коммуницирующим с эгрегором, транслирующим сбывающиеся прогнозы.

Мало знать конечный результат, здесь еще нужна и последовательность событий, более понятный ответ на вопрос: когда? Человек и эгрегор Таро работают с разными временными горизонтами. Человек, как правило, хочет исполнения предсказаний быстро, чуть ли не завтра, эгрегор, при случае, может подыграть: хочешь завтра – получишь. Но это разные завтра, которые могут быть отнесены друг от друга на годы и десятилетия.

В то же время локальное событие, не требующее сложной причинно-следственной связи, может произойти завтра и по человеческим меркам. В этом отношении эгрегор Таро может отчасти не только предсказывать, но и творить в пространстве вариантов, и своеобразное чувство юмора у него, похоже, присутствует. Может ли он творить в пространстве вариантов человеческой жизни в среднесрок и долгорок? Не просто действовать (шутить) краткосрочно, без существенных энергетических затрат, но и модерировать человеческую жизнь по своему усмотрению. Индивидуально, по представлению о важности человека для эгрегора, по-видимому, может, пойдя на внушительные энергозатраты, если цель того стоит. Массово – нет, это означает излишний расход энергии, негативное смещение энергетического баланса и, как следствие, постепенное умирание эгрегора. Для массового потребителя его услуг возможно лишь приоткрытие части завесы, отделяющей будущее от прошлого в формате предсказания, но не модерирования и переиначивания жизни вопрошающего на свой вкус.

Что касается эквивалентности обмена витальной энергии массового человека на предсказания о будущем и психотерапевтический нарратив о его жизни, то мы всегда ее меняем на важное для себя, например, в процессе работы. В этом смысле ничего необычного в таком обмене нет, тем более в отношении выявления скрытых, архетипических структур личности, спонтанно влияющих на сознание и поведение. Ведь «самое важное о человеке – это то, что он не может или не желает сказать» [11, с. 118].

Операторы ридингов – внешние порталы метавселенной Таро

Что касается немногих избранных операторов ридингов, ставших его внешними порталами, теми, кого в древности называли медиумами, интегрированной частью самого эгрегора, для них модерация не только отдельных ситуаций, но и долгосрочных линий жизни возможна. Это отчасти похоже на формирование долговременной лояльности по отношению к бренду, что позволяет компании получить существенно больше денег в долгосрочной перспективе, в рассматриваемом нами случае – энергии.

Долговременное вмешательство ведет к увеличению личной силы оператора, умноженной на силу эгрегора, росту его притягательности для страждущих знания о будущем и упущенных возможностях прошлого неофитов и его защищенности. Логично, что эгрегор Таро выстраивает себя, свои внешние порталы в долгосрочной перспективе, делая их более устойчивыми к кризисным ситуациям и вызовам времени. Защищая свои внешние порталы, эгрегор защищает себя. Через них он получает и отчасти отдает энергию и информацию, обменивается ими с другими эгрегорами, обеспечивает свое существование во времени. Еще раз вспомним различные временные горизонты эгрегора Таро и человека, ставшего одним из его социальных порталов, склонность эгрегора к долгосрочности, объясняемой среди прочего несоизмеримой, по сравнению с человеком, длительностью существования.

Может ли эгрегор исключить свой внешний портал из самого себя? Вероятно, в случае смещения энергетического баланса в сторону оператора, когда он длительное время получает от эгрегора больше энергии и информации, чем отдает ему.

По-видимому, наиболее распространенным вариантом энергетических взаимоотношений оператора ридинга и эгрегора Таро являются поддержание энергетического баланса, примерного равенства отдачи и получения. Здесь нет остроты взаимоотношений с эгрегором, но есть устойчивость и универсальность. «Много лет назад, когда я встретила со своим читающим из Австралии, он был погружен в свое собственное архетипическое путешествие, всегда оставаясь вольным этнографом, кочевником, как сказал бы Делёз. Он жил среди индейских племен Америки, с друидами в Европе, с хасидскими общинами Израиля, буддистскими монахами – в общем, среди духовных традиций всех концов света» [11, с. 120].

Заключение. Говоря об операторе, читающем И. Семечки в логике эгрегора, мы попадаем в пространство вариантов. От вольного этнографа, выбравшего свой путь посвященного в эзотерические традиции (школы), но так и не сумевшего под-

ключиться к ним, стать их порталом в отношениях с миром, до подключения к одному или многим эгрегорам.

И. Семенки, вслед за К. Г. Юнгом, говорит о мировой архетипической традиции, мировой душе, делая акцент не на эгрегориальном разделении, а на универсальности архетипического поля. В отличие от И. Семенки, мы делаем акцент на эгрегориальной выделенности традиций в рамках архетипического поля, рассматривая идеального оператора ридингов как портал одного или многих эзотерических (архетипических) эгрегоров.

Что же может происходить при множественном подключении оператора ридингов к эгрегорам – эзотерическим традициям индийских шаманов, друидов, хасидов, буддистов, перечисленных И. Семенки? Скорее всего, перед нами оператор-трансформер, автоматически переключающийся с эгрегора на эгрегор в зависимости от того, к какой традиции прямо или косвенно относится вопрошающий, какой из эгрегоров ему ближе, хотя бы в социально-культурном смысле. Это отчасти может быть похоже на встречающуюся мультимодальность личности, переключающуюся между субличностями, обладающими своими уникальными характеристиками. Такая мультиэгрегориальность оператора важна при работе в глобальной полиэтнической среде.

Более интересен вопрос, могут ли общаться различные эгрегоры, получив общий социальный портал – идеального оператора ридингов из книги И. Семенки, могут ли через него обмениваться информацией и энергией. По-видимому, да. Посвященные в разные эзотерические традиции операторы создают среду для такого обмена через свое бессознательное, где встречаются эгрегориальные порталы, и опосредованно – через массу желающих отдать свою энергию взманы «знания» вероятностей будущего, того, чему благоволит поле коллективного бессознательного, архетипов, по К. Г. Юнгу и И. Семенки.

На социальном уровне оператор ридингов приближается по своему функционалу к психотерапевту, становясь со временем хорошим практическим психологом, воспринимающим других через юнгианскую синхроническую связь. Ридинги постепенно меняют его, развивая пластичность психики, выступая своеобразным тренажером вариативности будущего, пройденных развилок и интерпретаций прошлого, позволяют визуализировать, а следовательно, осознавать возможные причинно-следственные связи своей и других жизней.

Поскольку эгрегор Таро одновременно располагается на временной шкале прошлого, настоящего и будущего, при определенном опыте толкований раскладов и все большей интеграции с эгрегором оператор может проводить расклады на прошлые и будущие воплощения, то есть работать с родовыми – идущими от рода – и кармическими проявлениями, идущими от отдельных поступков и телеологии прошлых воплощений.

Метавселенная Таро: ревитализация образования

Но какое отношение может иметь сказанное к современному образованию? Или речь идет о спекулятивных рассуждениях, способных при качественном научном

исполнении связать отдаленное и близкое. И. Семецки доказывает в течение всей своей научной карьеры, что образование также нуждается в ревитализации и ресимволизации, обосновывая эту необходимость не только собственными исследованиями и научными работами, но и апелляцией к философскому наследию М. Бубера, трудам К. Г. Юнга, а также новаторским научным работам по теме, появившейся уже в XXI веке. М. Бубер и К. Г. Юнг занимались проблемами образования, представив оригинальные концепции и методики, хотя вопросы образования не были основными в их работах.

По сути, главная претензия, высказываемая к современной им системе образования, состоит в проблеме отчуждения. Оно формально: слишком большая дистанция между учителем и учеником, как и в культуре – утрата корней. В 1943 году С. Вейль констатирует: «Образование есть инструмент в руках профессоров для производства профессоров, которые, в свою очередь, снова производят профессоров. Среди всех современных форм, в которых проявляется болезнь отрыва от корней, одной из внушающих наибольшие опасения является утрата корней образованием» [8, с. 30]. Вопрос в том, что с этим делать, есть ли резервы витальности, которые можно использовать.

Научная биография И. Семецки включает в себя получение степени доктора философии в Колумбийском университете в области философии образования и культурных исследований по результатам работы, отраженной в диссертации «Внедрение чтения Таро в клиническую психотерапию: натуралистическое исследование».

Такая очевидная научная новизна и высокая междисциплинарность вызывают уважение, смешанное с толикой удивления. Связать философию образования с историей, символизмом и ридингом карт Таро, сделать это убедительно в научном плане дано избранным. Это избранничество – знак отмеченности, когда не столько ты выбираешь тему, но тема выбирает тебя и ведет по научной, а отчасти и обыденной жизни, вбирая в себя и свойственную автору культуру повседневности.

И. Семецки отмечает, что со всей серьезностью следует отнестись к этическому измерению образования, с учетом того, что для нашего времени характерны мультикультурализм и глобализация, когда различные ценности представляются несоизмеримыми [11]. Этический подход близок нам, мы посвятили ему ряд научных публикаций по проблемам образования [2, 5, 13], в том числе подготовленных совместно с И. Семецки [2, 13]. На английском языке образование – education восходит к латинскому educare, одновременно означающему «вести» и в то же время – «выносить наружу». Слово «терапия» восходит к греческому *therapeia* в смысле «посильной помощи нуждающимся».

И. Семецки отмечает важность эдусемиотической концепции ценностного образования, несводимого к внушению, но ориентированного на самообразование, встроенного в человеческий опыт, осуществляемого на его основе. Эдусемиотическая перспектива проблематизирует цели образования и фокусируется на обучении с акцентом на опыте, диалоге, координации, поисках смыслов и передаче ценностей

новым поколениям. Ценности транслируются системой образования, подвергаясь при этом некоторому осовремениванию – вновь понимаемые и трактуемые в духе времени. Ценности «обитают» в жизненном опыте, а эдусемиотика превосходит образование, сведенное к обучению, эмпирическим фактам, тому, на чем построена западная по своему происхождению позитивистская наука.

Основной нашей задачей остается создание благоприятных условий здесь и сейчас, в земной жизни, в рамках человеческого существования через любовь и сострадание. Джим Гаррисон, философ образования, охарактеризовал это как человеческое желание «обладать тем, что благоприятно для жизни, и через это прожить ее со все возрастающим ощущением смысла и ценности» [11, с. 41].

Согласимся с И. Семенецки и в том, что человеческое сознание претерпевает эволюцию, рост и расширение, являющихся важной предпосылкой в современных подходах к образованию, нацеленных на духовность, заботу и благополучие [10]. Мы не хотим оставаться в стороне от этого процесса.

Список литературы

1. Gavrov S., Klyukanov I. Modernization, Sociological Theories of International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2nd edition. Vol. 15. Oxford: Elsevier, 2015. Pp. 707–713. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.32094-3
2. Semetsky I., Gavrov S. Values, edusemiotics, and intercultural dialogue: From Russia with questions // *Semiotica. Journal of the International Association for Semiotic Studies / Revue de l'Association Internationale de Sémiotique*. De Gruyter Mouton. Berlin, 2016. No. 212. Pp. 111–127. DOI: 10.1515/sem-2016-0127
3. Волошин М. Пути Каина. Трагедия материальной культуры. М.: Книга, 1989. 543 с.
4. Гавров С. Н. Игра в пространстве культуры // *Вестник МГУКИ*. М., 2004. № 1. С. 45–49.
5. Гавров С. Н., Никандров Н. Д. Образование в процессе социализации личности // *Вестник УРАО*. 2008. № 5 (43). С. 21–30.
6. Кругман А. Симона Вейль свидетельствующая о себе / Пер. с нем. М. Бента. Челябинск: Аркаим, 2003. 320 с.
7. Кыласов А. В., Гавров С. Н. Этнокультурное многообразие спорта // *Энциклопедия систем жизнеобеспечения (EOLSS)*. Наука о спорте. ЮНЕСКО/EOLSS, Магистр-пресс, 2011. С. 462–491.
8. Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М.: ИФРАН, 2013. 134 с.
9. Матурана У., Варела Ф. Дерево познания. Биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю. А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 224 с.
10. Миллер О. Екатерина и энциклопедисты // *Новь*. СПб.-М.: Т-во М. О. Вольф, 15 ноября 1884. Т. I-II. С. 233–247.
11. Семенецки И. Ресимволизация самости. Герменевтика Таро и человеческое развитие. М.: Касталия, 2017. 266 с.
12. Семенецки И. Эдусемиотика образов: очерки по искусству и науке Таро. М.: Касталия, 2021. 418 с.
13. Семенецки И., Гавров С. Н. Философия образования: ценности, эдусемиотика и межкультурный диалог // *SocioTime / Социальное время*. 2021. № 2. С. 16–36. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.16
14. Хейзинга Й. Человек играющий / Пер. Д. М. Сильвестров: Азбука, 2022. 400 с.
15. Юнг К. Алхимия снов / Пер. с нем. СПб.: Timothy, 1997. 352 с.
16. Юнг К. Концепция коллективного бессознательного // Юнг Карл Густав, фон Франц М. Л., Хендерсон Дж. Л., Якоби И., Яффе А. Человек и его символы / Под общ. ред. С. Н. Сиренко. М.: Серебряные нити, 1997. С. 337–346.

Авторская справка

ГАВРОВ Сергей Назипович – профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия. E-mail: SNGavrov@fa.ru

БУНТЯКОВА Анна Сергеевна – студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия. E-mail: buntyakovva@gmail.com

UDC 37

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.16

**REVITALIZATION OF EDUCATION AND THE METAUNIVERSE
OF TAROT: REFLECTION ON THE PHILOSOPHICAL
AND CULTURAL TEXTS OF I. SEMETSKI**

S. N. Gavrov, A. S. Buntyakova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (Russia)

Introduction. The article is devoted to the issues of overcoming alienation in the field of education and its revitalization in the context of the philosophical and cultural discourse of Professor I. Semetsky of Columbia University.

Methods. In this study, an integrative analysis is used to analyze the practices of modern and postmodern formation, the ability to use premodern practices of its revitalization, and the narrative technique is used to structurally build the study. In order to obtain an evidence base on the issue being analyzed, and then to search for solutions, a rationalistic method is used.

Results. Trend and counter-trend directions in education are analyzed, with their graduation according to the level of vitality and alienation. The possibility of using the pre-modern genealogical practice of Tarot readings in the context of the revitalization of education and partial overcoming of alienation is considered. Correlating with the philosophical and culturological constructions of I. Semetsky, the authors offer their own interpretation of the discourse proposed by her, including the introduction of a new definition - "Tarot metaverse", which makes it possible to analyze its technologies integratively. They consider the egregorial beginning of the metauniverse in the ideological context of pre-modern practices, the possibility of their inclusion in the sphere of humanitarian knowledge.

Conclusion. The analysis of Russian-language publications by I. Semetsky made it possible to consider pre-modern gaming practices of revitalizing education.

Keywords: education, revitalization, alienation, modern, postmodern, premodern, metauniverse, egregor, game, Tarot, I. Semetsky, R. Steiner, M. Montessori.

References

1. Gavrov S., Klyukanov I. Modernization, Sociological Theories of International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences, 2nd edition, Vol. 15. Oxford: Elsevier, 2015. Pp. 707–713. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.32094-3
2. Semetsky I., Gavrov S. Values, edusemiotics, and intercultural dialogue: From Russia with questions. *Semiotica. Journal of the International Association for Semiotic Studies / Revue de l'Association Internationale de Sémiotique*. De Gruyter Mouton. Berlin, 2016. No. 212. Pp. 111–127. DOI: 10.1515/sem-2016-0127
3. Voloshin M. Ways of Cain. Tragedy of material culture. Poems. Moscow, Book, 1989. 543 p.
4. Gavrov S. N. Game in the space of culture. *Vestnik MGUKI*. Moscow, 2004. No. 1. Pp. 45–49.
5. Gavrov S. N., Nikandrov N. D. Education in the process of personality socialization. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*. 2008. No. 5 (43). S. 21–30.

6. Krogman A. Simone Weil testifying about herself. Per. with him. Moscow, Benta. Chelyabinsk, Arkaim, 2003. 320 p.
7. Kylasov A. V., Gavrov S. N. Ethno-cultural diversity of sports. Encyclopedia of Life Support Systems EOLSS (Encyclopedia of Life Support Systems). Sports science. UNESCO/EOLSS, Master Press, 2011. Pp. 462–491.
8. Lifintseva T. P. The Philosophy of Dialogue by Martin Buber. Moscow, IFRAN, 2013. 134 p.
9. Maturana W., Varela F. The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding. Per. from English. Yu. A. Danilova. Moscow, Progress-Tradition, 2001. 224 p.
10. Miller O. Ekaterina and the Encyclopedists. Nov. Saint Petersburg. Moscow, T-vo M. O. Wolf, November 15, 1884. Vol. I-II. S. 233–247.
11. Semetsky I. Resymbolization of the Self: Tarot Hermeneutics and Human Development. Moscow, Kastalia, 2017. 266 p.
12. Semetsky I. Edusemiotics of images: essays on the art and science of Tarro. Moscow, Kastalia, 2021. 418 p.
13. Semetsky I., Gavrov S. N. Philosophy of education: values, edusemiotics and intercultural dialogue. SocioTime / Social time. 2021. No. 2. Pp. 16–36. DOI: 10.25686/2410-0773.2021.2.16
14. Huizinga J. A man playing, transl. Silvestrov D. Moscow, Azbuka, 2022. 400 p.
15. Jung K. Alchemy of dreams. Per. with him. Saint Petersburg, Timothy, 1997. 352 p.
16. Jung K. The concept of the collective unconscious. Jung Carl Gustav, von Franz M. L., Henderson J. L., Jacobi I., Jaffe A. Man and his symbols. Ed. edited by S. N. Sirenko. Moscow, Silver threads, 1997. Pp. 337–346.

Author's bio

GAVROV Sergey Nazipovich – Professor Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: SNGavrov@fa.ru

BUNTYAKOVA Anna Sergeevna – student Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. E-mail: buntjakovva@gmail.com

Библиографическая ссылка

Гавров С. Н., Бунтякова А. С. Ревитализация образования и метавселенная Таро в контексте философско-культурологического дискурса И. Семенца // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 16–27. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.16

УДК: 111

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.28

ОБЪЕМЛЮЩИЙ СТРОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ МЕМО-ПОЛИТИКИ В РОССИИ

А. В. Дахин, Р. В. Сундуков

Нижегородский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Нижний Новгород (Россия)

Введение. Статья посвящена развитию отечественной социально-философской теории коллективной социальной памяти, которая в начале двадцать первого века стала предметом активной полемики. Причинами актуализации этой проблематики стали альтернативные приоритеты мемо-политики разных стран, в контексте которых возник запрос на определение приоритетов Российской политики памяти. Статья представляет философское понимание коллективной социальной памяти как целостного объемлющего строя бытия социальных сообществ.

Методы. В основу исследования положены методология системной теории деятельности человека, методология диалектики социального бытия и социального существования человека, методология исторического детерминизма социальной реальности и методология критического анализа постмодернистской философии.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Исследование раскрывает природу коллективной социальной памяти в качестве целостного, всеохватно объемлющего человеческие сообщества строя социального бытия, в качестве основных составляющих которого определены визуальный строй памяти, предметно-материальный строй памяти, духовный строй памяти, коммеморативный строй памяти и горизонт социальной памяти. Показано отличие этого подхода от западной тенденции memory studies.

Заключение. В результате исследования сделаны выводы о значении представлений об объемлющем строе коллективной социальной памяти для определения приоритетов мемо-политики в России.

Ключевые слова: коллективная социальная память, объемлющий строй памяти, визуальный строй памяти, предметно-материальный строй памяти, духовный строй памяти, коммеморативный строй памяти, горизонт социальной памяти, мемо-политика.

Введение

Источником проблематизации современной отечественной политики памяти являются, с одной стороны, агрессивные действия недружественных государств Запада в отношении мест памяти, посвящённых событиям Великой Отечественной войны, и, с другой стороны, противоречия внутренней публичной политики России, к которым относятся вопросы научной обоснованности и публичной интерпретации исторической роли СССР в отношении республик СССР [1, с. 6–10], случаи конъюнктурного и фрагментарного использования образов отечественной коллективной памяти, травмирующие её общий строй (проблема Катыни [2, с. 16], «устаревший багаж методов патриотического воспитания» [3] и др.).

Целостное понимание коллективной социальной памяти имеет принципиальное значение, поскольку только целостность в работе с этим необычным предметом государственного регулирования позволит уверенно проводить отечественную публичную политику памяти, максимально точно нацеливать, организовывать работу по формированию, укреплению патриотических убеждений государствообразующего большинства российских граждан. С другой стороны, необходима фундаментальная концептуальная система отсчёта, которая позволит различать компонен-

тарные и альтернативные теоретические подходы, публичные нарративы и дискурсы, а также позволит оценивать полноту покрытия поля отечественной политики памяти нормами правового регулирования, позволит выявить сферы уязвимости в отечественной публичной политике памяти.

Методы исследования

В основание исследования положена философская методология системной теории деятельности Л. А. Зеленова, которая фокусирует внимание на фундаментальной основательности отношений «человек – мир» во всех проявлениях социальной реальности современного общества [4]. Проработка системно-деятельностного подхода в аспекте исследования процессов исторической детерминации человеческой деятельности представлена в концепции диалектики социального бытия и социального существования сообществ людей, ключевым фундаментальным элементом которых являются структуры коллективной социально-исторической памяти [5]. Методология критического анализа концепций западной постмодернистской философии, представленная в трудах проф. В. А. Кутырева [6], позволяет точнее определить ключевые философские альтернативы, отличающие устои западных и отечественных философских традиций.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение

Обзор исследований социальной памяти [6, с. 66–70] позволяет заключить, что в этой сфере генерируется множество специализированных научных знаний о конкретных проявлениях коллективной памяти, таких как контрпамять, травматическая память бывших участников военных конфликтов, а также мест памяти, исторических нарративов и др. При всей широте панорамы предметных специализаций можно отметить дефицит целостного описания этой области знаний. Одновременно широко распространённые представления о непрерывном подспудном сопутствии памяти [7] требуют критического анализа, во-первых, потому что утверждают постулат первичности индивидуальной памяти по отношению к коллективной, во-вторых, потому что для придания понятию «коллективная память» определённости, они связывают его с опредмеченными социальными элементами памятования, которые отделяются «от живых носителей» и переходят «на материальные носители», они только и могут быть доступны для коллективного пользования [7, с. 26-27].

Понятие «*объемлющий строй коллективной социальной памяти*» определённым образом обобщает содержание известных понятий «место памяти» (П. Нора), «ландшафт памяти» (memogyscape) (С. Де Нарди и др.) и акцентирует внимание на том обстоятельстве, что структуры коллективного социального памятования имеют живую, динамичную природу, не отчуждаемы от человеческих сообществ и сопровождают, «окружают» человека и сообщества людей плотным непрерывным полотном бытования со множеством слоёв, сотканных из различного рода «узелков на память». Смысл этого понятия учитывает содержание идеи «*объемлющего строя зрения*» Дж. Гибсона [9], поскольку зрение является одним из основных каналов пополнения образов социальной памяти и одним из основных способов опознания зримого окружающего мира.

С опорой на эти идеи можно вести речь о *визуальном строе коллективной социальной памяти*, то есть о совокупности «узелков на память», которые использу-

ются людьми для постоянного зановоопознания окружающего пространства в качестве «того же самого». Многоглазое зрение сообщества людей каждое утро, оглядываясь по сторонам, опознаёт пространство своего существования, и если понимает, что оно «то же самое», люди продолжают жить по привычным планам своего образа жизни.

Зрительно воспринимаемые элементы социальной среды сообществ людей охватываются понятием *«материальный визуальный строй коллективной памяти»*, неповторимый узор которого зрительно воспринимается людьми в качестве совокупности узнаваемых примет, которые позволяют всем, спешащим по своим делам, отличать «ту же самую среду» (стабильность) от «изменившейся среды» (от перемен). Сообщество способно замечать перемены, потому что параллельно с материальным визуальным строем памяти существует также и *«духовно-умозрительный строй коллективной памяти»*, который хранит комплекс знания – памяти, то есть совокупность коллективных образов материальной среды, когда она сформировалась в её предшествующем становлении. В момент визуального опознания среды своего присутствия здесь-и-теперь люди соотносят духовно-умозрительный строй памяти с материально-визуальным строем.

В результате сравнения фиксируется соответствие (тождество) или несоответствие (различие) двух структур строя коллективной памяти, а на основе зафиксированного тождества / различия формируется либо уверенность, что «всё то же самое» (всё стабильно), либо возникает ощущение перемен, которое со временем принимает форму уверенности: «что-то поменялось». Весь комплекс соотнесения духовно-умозрительного строя памяти с его предметно-материальным визуальным строем мы определяем понятием *«коллективная визуальная коммеморация»*. Визуальная коммеморация представляет собой разновидность коллективной социальной *рефлексии*, в подоснове которой лежит «мыследеятельность» (термин Г. П. Щедровицкого), устанавливающая соответствие социально-пространственного бытия и существования конкретного социального сообщества (городского, регионального, государствообразующего сообщества страны) на конкретной территории его проживания.

Двигаясь по различным путям следования, люди постоянно осуществляют визуальную коммеморацию, благодаря которой удерживают целевые направления своего движения. Лучше всего этот процесс наблюдается зимой в автобусе, в котором нет никаких способов информировать пассажиров о проезжаемых остановках, а окна затянута инеем: пассажиры протирают на окнах «дырочки» для наблюдения за движением от остановки к остановке, через которые всё сообщество едущих по характерным приметным местам опознаёт место пребывания и убеждается, что едет по «своему» маршруту.

Особенность духовно-умозрительного строя коллективной памяти в том, что она не хранит «фотографическое» знание–память о материальной среде во всех её мелких деталях, но удерживает только некоторые ключевые её черты, только нечто приметное в ней (приметы). Каждый отдельно взятый человек может пользоваться индивидуальными «приметами» различных мест городской среды, но если говорить

о сообществе в целом, то в нём есть общепринятые зримые приметы различных мест материального строя городской среды.

Общепринятые приметные места každодневногo предметно-материального строя памяти – это конкретные объекты, которые:

а) наиболее заметны для зрительного восприятия в любых обстоятельствах (ночью и днём, зимой и летом);

б) стоят или стояли на «этом месте» несколько десятков лет, на протяжении жизни нескольких поколений.

Глубинной характеристикой объёмлющего строя коллективного социального памятования является горизонт памяти, его содержание раскрывается через своеобразные лакуны в структуре устной передачи традиции, которая движется вслед за сменой поколений.

Заключение

Проведённое исследование позволяет заключить, во-первых, что понятие «объёмлющий строй коллективной социальной памяти» раскрывает новые аспекты явления сущностных аспектов социального бытия сообществ людей в сфере их каждодневногo существования, в частности, связывая глубинные истоки коллективногo социально-исторического памятования с коллективными особенностями культуры зрительного восприятия окружающего мира. Во-вторых, состояние объёмлющего строя коллективной социальной памяти определяет коллективное отношение людей к пространству своего проживания как к «тому же самому» и влияет на коллективные настроения в диапазоне «всё стабильно – всё меняется». В свете этого подхода открывается возможность выявления присутствия мемо-политики в сфере преобразований, «реноваций» предметно-пространственной среды каждодневногo пребывания различного рода локальных сообществ людей, возможности более обоснованного выбора приоритетов таких преобразований с учётом ценности всех основных компонентов объёмлющего строя коллективной памяти таких сообществ в России.

Список литературы

1. О противодействии попыткам фальсификации истории народов в ущерб интересам России: сборник материалов / Сост. В. Г. Елизаров. М.: Издат. отдел Совета Федерации РФ, 2013. 95 с.
2. Противодействие попыткам фальсификации истории России: научные и законодательные аспекты. М.: Издание Государственной Думы, 2020. 160 с.
3. Белов С. И. Недостатки политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2018. Т. 20, № 2. С. 269–277.
4. Зеленов Л. А. Философия // Зеленова Л. А. Собр. соч. в 4 т. Нижний Новгород: Гладкова О. В., 2006. Т. 1. 168 с.
5. Дахин А. В. Онтология памяти. М.: Юрайт, 2021. 132 с.
6. Кутырев В. А. Последнее целование // Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.
7. Дахин А. В. Коллективная социально-историческая память в современном обществе. М.: Юрайт, 2021. 209 с.
8. Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика / Пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: НЛЮ, 2014. 223 с.
9. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительному восприятию / Пер. с англ. Т. М. Сокольской; общ. ред. и вступит. статья А. Д. Логиненко. М.: Прогресс, 1988. 464 с.

Авторская справка

ДАХИН Андрей Васильевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, социологии и психологии управления, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: nn9222@rambler.ru

СУНДУКОВ Роман Владимирович – старший преподаватель кафедры философии, социологии и психологии управления, Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Нижний Новгород, Россия. E-mail: r.sundukov@mail.ru

UDC: 111

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.28

THE SURROUND ENVIRONMENT OF COLLECTIVE SOCIAL MEMORY: PHILOSOPHICAL FOUNDATION FOR RUSSIA MEMO-POLICY

A. V. Dakhin, R. V. Cundukov

Nizhny Njvgorod Institute of Management, the branch of RANEPa, Nizhny Novgorod (Russia)

Introduction. The article gives a contribution into Russia socio-philosophical theory of collective memory which becomes a field of theoretical contradictions in the beginning of the 21 century. The causal factors of this field activity are alternative strategies of memo-policy of different states and the challenge to Russia memo-policy to make its own choice in tis context. The article represents the philosophical approach for understanding a collective social memory as the complete surround environment of a social communities being.

Methods. This issue is founded by methodology of systemic theory of a man's deyatelnost, methodology of a man's social being and social existence dialectics, methodology of social reality historical determinism and methodology of critical analysis of postmodern philosophy.

Results. The article explains a nature of collective social memory in the approach of complete, surround environment of memory of social community's public being which helps to select some components, as visual environment of memory, body-matterially environment of memory, duchovny environment of memory, commemoration environment of memory, horizon of memory. This approach underlines some difference from the west memory studies trend.

Conclusion. The issue's results are containing in conclusions about the surround environment of social memory concept's value for priorities aims of Russia memo-policy making.

Keywords: collective social memory, surround environment of memory, visual environment of memory, body-matterially environment of memory, duchovny environment of memory, commemoration environment of memory, horizon of memory, memo-policy.

References

1. About counteraction to nations history falsification which causes damage to Russia interests. Collection of papers. Elizarov V. G. ed. Moscow, Publishing desk of Council of Federation of RF, 2013. 95 p.
2. Counteraction to attempts of Russia history falsifications: Scientific and Law approaches. Moscow, The State Duma publishing, 2020. 160 p.

3. Belov S. I. Disadvantages of Russia memo policy (results of expert's opinion generalization). Vestnik RUDN. Series «Politology». 2018. Vol. 20, no. 2. Pp. 269–277.
4. Zeleniv L. A. Philosophy. Collection of works in 4-th volumes. Vol. 1. Nizhny Novgorod, Gladkova O. V. Printing, 2006. 168 p.
5. Dakhin A. V. Ontology of the memory. Moscow, Urait printing, 2021. 132 p.
6. Kuttyrev B. A. The final kissing. The man as a tradition. Sankt-Petersburg, Aletea printing, 2015. 312 p.
7. Dakhin A. V. The collective socio-historical memory in contemporary society. Moscow, Urait printing, 2021. 209 p.
8. Assman A. A long shadow of the past. Memorial culture and historic policy. Translated from Germ. by B. Khlebnikova. Moscow, NLO printing, 2014. 223 p.
9. Gibson J. Ecological approach to the visual perception. Translated from Engl. by T. M. Sokolskaia. Ed. and foreword by A. D. Loginenko. Moscow, Progress printing, 1988. 464 p.

Author's bio

DAKHIN Andrey V. – professor of department of Philosophy, sociology and psychology of management, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russia Academy of National Economy and Public Administration under President of Russia Federation, doctod of philosophy, professor, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: nn9222@rambler.ru

SUNDUKOV Roman V. – senior lecturer of department of Philosophy, sociology and psychology of management, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russia Academy of National Economy and Public Administration under President of Russia Federation, Nizhny Novgorod, Russia.
E-mail: r.sundukov@mail.ru

Библиографическая ссылка

Дахин А. В., Сундуков Р. В. Объемлющий строй коллективной социальной памяти: философские основания мемо-политики в России // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 28–33.
DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.28

УДК 130. 2: 32.019.5

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.34

РУСЬ И ВИЗАНТИЯ: ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОГО КАНОНА МЕТАФИЗИКИ ВЛАСТИ И ВРЕМЕНИ

А. Ю. Лустенко

*Луганский государственный университет имени Владимира Даля,
г. Луганск (Россия)*

Введение. Предпринят анализ процесса формирования идеологии власти и концепции исторического времени в общественной жизни и культуре Древней Руси. Рассматриваются значение византийского культурного, религиозного и административно-властного наследия, а также активная роль автохтонных общественных представлений в процессах осмысления государственной власти. Идейный, ценностный, смысловой канон социальных представлений о власти, её онтологии, формах осуществления, о времени как о реальности исторического присутствия социума и осуществления в нём упорядочивающих, властных функций имеют в российском обществе долгую историю и разноплановые источники формирования. В данной работе рассматривается их наиболее «ранний» пласт, в лице которого выступают социальные представления, функционировавшие в древнерусском социуме, а также духовное влияние Византии.

Методы. Рассмотрение заявленной темы опирается на историческую феноменологию в качестве реконструкции когнитивного и практического инструментария видения жизненного мира, присущего социокультурному организму, темпорально дистанцированному от нас. В более широком смысле методология историзма вполне научно обоснованно применяется здесь для анализа процесса формирования метафизики власти и времени, комплексной смысловой конструкции, несущей значительную социальную нагрузку. Действующие во временных и смысловых границах социокультурной парадигмы и входящие в межкультурное взаимодействие отдельные конструкции, такие как представления об историческом прошлом, ценности порядка, законности, родовой близости, моральной ответственности, пребывают в состоянии перманентной взаимодейстеминации. Это делает актуальным применение в данной теме принципов структурного подхода и рассмотрение структурных элементов социокультурной парадигмы в свете их функциональных задач.

Обновленные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Формирование в русской средневековой социокультуре комплекса представлений, моделей осмысления социального порядка, исторического смысла социальных процессов связывалось с механизмом описания происхождения власти и выполнения её онтологических функций. Вопрос происхождения власти выдвигает действующую в общественном сознании концепцию понимания исторического времени, в частности исторического прошлого, на роль главных активных начал формирования социальной идентичности и представлений о социальном порядке. Трансцендентно-самодержавная и эгалитарно-родовая модели понимания власти сопresentствуют в культурах древности и средневековья, обладая своими коррелятами в русском социуме. Основой для реализации трансцендентно-самодержавной модели для Руси выступает включение её в византийское социокультурное пространство. Одновременно с этим система ценностей и семантика автохтонной культурной идентичности оказывают трансформирующее воздействие на византийское социокультурное наследие, обуславливая формирование на его базе уникальной синтетической системы функционирования и осмысления социальной действительности.

Заключение. Специфика становления идеократического общества на Руси, которая привела к образованию Московского царства и его идеологии, является результатом уникального синтеза инокультурных и восточнославянских форм упорядоченности общественной жизни. В свою очередь, в отношении принадлежности к определённом типу социальной парадигмы Русь представляет собой синтез идеократии и этократии. В процессе развития централизованного государства, формирования идеологии Московского царства, усиления его внешнеполитической роли идеократические тенденции начинают усиливаться, получая поддержку как в лице православного мировоззрения, так и императивно-транс-индивидуалистической и транс-номократической установок светской администрации.

Ключевые слова: социум, социальный порядок, власть, идеологема власти, теонимная мотивация, Византия, василевс, князь, сакральность, род, митрополит Киевский Иларион, С. Аверинцев, В. Кожинов.

Введение. В ходе домонгольского периода истории русских княжеств времён татаро-монгольского ига, а также централизации земель вокруг Московского княжества, происходит формирование комплекса представлений, оценок, моделей осмысления происходящих событий, обосновывающих социальный порядок, нравственный, сакральный, исторический смыслы отдельных социальных процессов, жизни различных социальных слоёв и судьбы исторических личностей. Такая система представлений и оценок выполняла и выполняет функцию российского канона метафизики власти и времени. Подвергаясь существенным трансформациям, данный канон сохранил целостность и смысловое единство. В свете этого **целью** исследования выступает анализ процесса формирования системы основных идей, посредством которых понимались, кодифицировались и легитимировались историческая действительность и власть в древнерусском социуме.

Это определяет **задачи**, поставленные в статье:

- 1) раскрыть специфическое содержание идеократической, этократической, номократической социальных парадигм в свете их отношения к цивилизационным целостностям Византии, Древней Руси и Европы;
- 2) определить конкретное содержание, генезис и функции действующих в них концептов власти и исторического времени;
- 3) определить семантические и ценностные структуры осмысления власти и исторического времени, действующие в Византийской цивилизации;
- 4) проанализировать характер трансформации византийского социокультурного инструментария осмысления феномена власти в процессе детерминации им русского средневекового социума;
- 5) осмыслить роль автохтонных начал в процессе ценностно-смыслового синтеза, результатом которого является социальный и культурный канон представлений российского социума о времени и власти.

Осмысление истории русского социума во всем многообразии процессов, составляющих эту историю, одновременно в их преемстве от эпохи к эпохе, в единстве её государственной, нравственной, смысловой, сакральной оси является необходимым условием стабильного существования нашего общества сейчас, равно как и неизбежным залогом его развития завтра. Знание истории всегда вооружает правдой, сообщает ориентиры в жизни, позволяет активно и сознательно переживать своё единство с традициями предков, их целями и усилиями, как и личную ответственность перед потомками. Не зря споры об истории Отечества, попытки перечислить её святые имена знаменовали её поворотные моменты, периоды реформ и приращения её сил. Вспомним Ренессанс древнерусского наследия эпохи Иоанна Васильевича IV, прославившийся, помимо собственноручных сочинений Самодержца, именами митрополита Макария, Ермолая-Еразма, царского духовника Андрея-Афанасия, Ивана Пересветова.

Вспомним внимание к строкам летописных сводов и стремление вчитаться в них в петровский век, казалось бы, порвавший с русским средневековьем, оставив-

ший после себя имена основателей светской российской историографии В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова. Вспомним попытку воскресить чувства и поступки русичей в трудах целой плеяды российских учёных XIX века: Н. М. Карамзина, М. П. Погодина, С. М. Соловьёва, В. О. Ключевского, Н. И. Костомарова, Д. И. Иловайского, А. Д. Нечволодова. Вспомним, наконец, что советская наука, преодолев провозглашённый в послереволюционной России разрыв с отечественной исторической традицией, её ценностями, идентичностью, смыслами, достойно продолжила исследование её процессов, событий, имён, обогатив эту бессмертную череду именами Ю. Г. Алексеева, Б. Д. Грекова, Л. Н. Гумилёва, А. А. Зимина, М. К. Каргера, Д. С. Лихачёва, Н. И. Павленко, Б. А. Рыбакова, А. Н. Сахарова, Р. Г. Скрынникова и многих других.

Методы исследования. Концепции, раскрывающие бытийственный смысл властвования и оценки прошлого в процессе выражения исторической памяти и рефлексии, формировались на протяжении истории древнерусского общества и государства, поэтому исследование обозначенной темы неизбежно включает в себя методологию историзма. И в то же время действовавшие в социокультурной жизни ценностно-смысловые конструкции определяются в своём темпорально-инвариантном качестве. Это обуславливает применение в работе парадигмального подхода. Парадигмы, играющие активную роль в процессах формирования идеологием времени и власти, имеют культурную либо социальную принадлежность. Иначе говоря, определяясь «через голову» их исторической изменчивости, они выступают, в первом случае как византийская, европейская, древнерусская культурные парадигмы и, во втором – как идеократическая, номократическая, этократическая парадигмы социального порядка.

Данная научная проблема предполагает использование исследовательских принципов структурного подхода как основу для анализа динамически действующих, двусторонних связей между существующими в социуме нормами и принципами, семантическими формами познания социальной действительности и исторической памяти, представлениями о времени, социальном порядке, администрировании и власти. Наконец, адекватное и научно-корректное определение концептов исторического времени и власти, действовавших в средневековом русском социуме и играющих значительную роль для более поздних эпох вплоть до современности, предполагает использование методов исторической феноменологии.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Представления о сущности социального порядка определялись средневековой социальной и историософской мыслью при помощи механизма описания происхождения власти. Принимая во внимание общую подчинённость религиозности различных измерений средневекового мироотношения, значительное место здесь занимает *теономная мотивация*, то есть попытка рационального понимания того, почему Бог избирает человека к власти.

Историки древности и средневековья воспринимали социум и его историческое существование через призму деяний «великих мужей» – властителей, воителей, святых. Вопрос о происхождении власти, фокусирующий на вопросе о происхожде-

нии властителя, ответ на который должен узаконивать их властные prerogatives, для средневекового социального сознания был тождественен вопросу о генезисе самого исторического субъекта в разных его модификациях (то есть властителя, воина, воинства, иерарха церкви, народа) и той системы идей, порядка, ценностей, которая опосредует реальность его исторического бытия. Это совершенно адекватно применимо к жизни социума и моделям осмысления общественной жизни, которые действовали в Древней Руси. Возводя великокняжескую династию Рюриковичей к Октавиану Августу, никто из летописцев, вероятно, и в мыслях не имел возводить восточнославянские племена к потомкам древних римлян. Возведение рода российских государей к римским цезарям представляет передачу функций в исторической целостности, состоящих прежде всего в ответственности перед Господом за религиозную идентичность, то есть православную веру, и за состояние социума, то есть за безопасную жизнь и процветание подданных.

С помощью перенесения в прошлое конструируется идеальная социально-историческая реальность, которая благодаря этому избавляется прежде всего от сложности, противоречивости и непрогнозируемости насущного социального бытия. В этой воображаемой народом жизни на смену социально-обусловленному характеру организации действительности приходит однозначный, лишённый противоречий, естественный порядок жизни «отцов».

Легенда о демократическом управлении, при котором сами народы выбирали себе руководителями самых мудрых и праведных, была широко распространена ещё в античности. Плутарх и Тит Ливий именно в такой форме представляли себе историческую действительность Рима в первые века его истории. Тацит усматривал природный демократизм в племенном укладе германцев. Помимо воссоздания бесклассовой социальной утопии, а также сублимации ностальгии по ушедшим годам прошлого – то «милого» и «тихого», то «славного» и «героического» – эта легенда отображала представление о «простом», «праведном» происхождении властителя. В социальном плане прародители монаршей династии выводятся из простого, «трудового» сословия: Ромул и Рем были пастухами, летописец Нестор упоминает о слухах, будто Кий был перевозчиком через Днепр [1, с. 32]. Первый верховный властитель выдвигается из общей массы благодаря своей, как бы мы сказали сегодня, более высокой социальной активности.

Параллельно с этой идеологемой в средневековом сознании бытует другая концепция социального порядка. С. С. Аверинцев анализирует её в своей «Поэтике ранневизантийской литературы». Источник сущности власти мыслится в понятиях нахождения «извне» той среды, которую власть упорядочивает и контролирует. В религиозном плане тот, кому принадлежит власть, мыслится как «носитель высшей истины», трансцендентный тому духовному пространству, которым руководит. Он прошёл искусы, «анакорезис», не был захвачен греховностью мира. В социальном плане он не должен быть втянут в практику «неблагородных» видов деятельности, под которыми наиболее часто подразумеваются занятия ремёслами, торговля, лечение. Он должен быть избавлен от необходимостей и забот, связанных с обеспечением собственного экономического благоденствия. Его власть трансцендентна по происхождению и авторитарна по характеру. В известном смысле он действует как ору-

дие сил, трансцендентных миру. Эта идеологема власти формируется под знаком трёх понятий: теократии, автократии, ксенократии [2, с. 19].

Компонентой средневековой социальной действительности и характера её отображения в сознании различных социальных слоёв является представление о сущности и происхождении власти. Для Древней и Средневековой Руси характерно сосуществование двух вышеописанных моделей ответа на этот вопрос. Наряду с существованием легенды о первичном народоправстве, здесь развивается концепция трансцендентности власти и её предельного источника. Данная идеологема утверждается как следствие двух процессов русской истории *развития централизованного государства*, что включало в себя дифференциацию его функций, усиление внутренней центростремительности и внешнеполитического авторитета, создание корпуса произведений культуры разных жанров, направленных на различные аудитории, обосновывающих идею единой великокняжеской власти и единства русских земель, и *становление русского православия* как главной когнитивно-ценностно-символической среды, определяющей сознание, поведение, жизнь народа.

Существование трансцендентной концепции власти на Руси связано с процессом трансляции византийского культурного опыта. Для Империи ромеев эта концепция функционировала в качестве многомерной конструкции, детерминировавшей весь комплекс социальной действительности этой устоявшейся цивилизационной общности идеократического характера, сохранявшей стабильность при всех дворцовых переворотах, переходах власти василевса между различными династиями и сменах религиозного мировоззрения человека, увенчанного порфирой и обувшего красные сапоги, от верности догматам Отцов Церкви к оголтелому иконоборчеству и наоборот.

Власть в системе отношений, господствовавших в Империи ромеев, носит сугубо личностный, а не родовой характер. Однако это было не культом личности, а культом особенного, единственного во Вселенной, согласно богословскому пониманию отношений Главы единственной христианской империи и Господа, социального статуса. Рассматривая укоренённость принципов и тенденций византийской эстетики в нормах социального, исторического порядка Византии, опирающихся на восточнохристианскую метафизику власти, С. С. Аверинцев писал: «Уже его рождение было введено в круг сакрально-политической обрядности, совершалось «по чину». И здесь достоинство сана важнее, чем достоинство рода. Ромейский император хотел быть вовсе не «природным», а уж скорее сверхприродным государем, который всем обязан таинству своего сана, и сан его мыслится как реальность вполне трансцендентная по отношению к его «природе» и его роду – что в свою очередь связано со склонностью воплощённой в нём государственности осознавать и определять самое себя как трансцендентную по отношению к обществу» [2, с. 18].

Социальная действительность Руси формируется по иной модели укладывания общественных отношений и их оценки. Для русского социума семейно-родовая связь является основой, и это действует в обоих направлениях – и как главный мотив взаимовыручки, солидарности, товарищества, и как основа для размежевания и обострения вражды.

Поучительно рассмотреть в этом плане действия тех Великих князей Киевских, которые впоследствии вошли в историю благодаря своему прогрессивному вкладу в общественное, экономическое и культурное развитие древнерусского государства: Владимира Святославича, Ярослава Владимировича Мудрого и Владимира Всеволодовича Мономаха. Обладая незаурядным сознанием и ответственностью государственного деятеля, пройдя борьбу за великокняжеский престол и убедившись на собственном опыте в пагубности такого пути организации власти в государстве, каждый из них снова повторял практику дробления русской земли на уделы между сыновьями. Это возможно объяснить только тем, что семейно-родовое начало для русской общественной жизни и власти как одного из моментов такой жизни выступает в качестве императива, необходимого для исполнения вопреки любым другим факторам. Князья не совершили никакой «ошибки». Они просто не могли поступить иначе, действуя в границах правил и критериев социальной организации такого типа. Легитимность власти мыслилась как неотрывная от родовой принадлежности, а родовое происхождение не просто давало право на власть, а в определённом смысле работало как механизм, который «включает» необходимость для конкретной личности стать у власти. Только этим можно понять, почему инициаторами раздробленности на Руси становятся личности, наиболее конструктивные в политическом и культурном плане.

В. В. Кожинов, определяя Древнюю Русь в качестве особого духовного типа, который формирует определённый характер цивилизационного пути, приводит следующую типизацию: «Византийскую империю вполне уместно определить как *идеократическое* (имея в виду власть православных идей) государство; между тем Западу принадлежит то, что следует обозначить термином «*номократия*» – власть закона (от греч *nomos* – закон); с этой точки зрения азиатское общество уместно обозначить термином «*этократия*» – от греч. *etos* – обычай» [3, с. 51].

Номократическая установка как основа для определённого типа государственности и, соответственно, для типа образования цивилизации, описывается С. С. Аверинцевым как отмеренная дистанция между индивидами на пространстве внеличного закона: «Сам по себе закон является внеличным, равнодушным в отношении индивидов, которых он охватывает как нейтральное к телам «ньютоновское» пространство. Индивиды – «падшие», грешные, поэтому их нужно защищать одного от другого; вокруг каждого должна быть зона дистанции, которая образуется вежливостью, а их отношения регулируются договором, строго оговариваются границы права ближнего на свои личные секреты» [4, с. 98].

Идеократическое государство руководствуется идеями, системой идеальностных требований, то есть в основании её представления о порядке заложен императив следования высшему, трансиндивидуальному смыслу. Социум такого рода руководствуется императивами, как правило, ценностного, морального характера, которые находят поддержку в лице государственной или антигосударственной идеологии. Принципиальным является то, что идеократическое мироотношение не ограничивает провозглашаемую им систему идеологических стандартов статусом исключительно политической, этической, одним словом, «посюсторонней» целесообразности. Социальный стандарт обладает значимостью и обеспеченностью чело-

веческим духовным ресурсом – общепризнанности, авторитета, императивности – только в контексте системы отношений, осознаваемой и реализуемой, «данной сверху», необходимой и однозначной, поскольку необходимы, однозначны и неизбежны природный миропорядок, ход и цель человеческой истории, Бог и Божья воля, излагаемая и толкуемая Церковью. Как отмечает В. В. Кожин, благодаря этому выражается как необыкновенная сила государства, построенного на основах идеократии, так и его слабость, практически мгновенный распад этого «колосса на деревянных ногах».

Идеократическое государство, аккумулирующее максимальные моральные требования, способы обосновать «земной» миропорядок, опираясь на императивы, которые выдвигает некий неведомый горизонт, провозглашаемый идеологией как единственный, исключительный, тотальный – это всегда, говоря словами В. В. Кожина, «заведомо «рискованная» вещь». «Для её краха достаточно было решительно дискредитировать руководящую идею» [3, с. 63-64].

В основу закладывается идея, ради которой могут быть сняты любые дистанции между индивидами. Ради торжества царства истины, представленного в идеях той или иной доктрины, могут быть допущены какие угодно произвол и несвобода. Ради рождения в человеке духовности «нового образца» могут быть применены способы и смоделированы ситуации, разрывающие привычный характер человеческих взаимоотношений. Ради этого могут быть сняты какие угодно формы вежливости, законности, корректности [4, с. 109]. С. С. Аверинцев приводит это как характерную черту межчеловеческих отношений, которые складываются в обществе восточного цивилизационного типа.

Этократия, общество, построенные на принципе верховной власти обычая, обуславливают отнесение той области, откуда берутся ценности, критерии упорядоченности, оценки общего и индивидуального, в прошлое.

Номократия как система стандартов социальной действительности, которая формируется благодаря утверждению за законом роли высшего гаранта упорядоченности исторической действительности вплоть до охвата всего сущего, является неприемлемой в отношении древнерусского социума и отрицается со стороны двух мировоззренческих доминант.

Во-первых, главенствующая роль закона является недопустимой, исходя из идейных позиций восточного христианства. Текст, который открывает для Руси традицию профессионального философствования и является вдохновлённым христианской верой и догматическими положениями, «Слово о Законе и Благодати» Киевского митрополита Илариона, откровенно проводит эту мысль: «Како Законъ отиде, Благодать же и Истина всю землю исполни...» [5, с. 22].

Символы «Слова...» вписываются в картину православного мироотношения. Действительной областью должного, эталоном бытийственной упорядоченности, согласно которому надлежит организовываться всему «положительному» в «земной», исторической реальности, выступают Божья Благодать, Любовь, Истина как целостный, нерасчлняемый процесс, который вбирает в себя, подчиняет себе все человеческие, житейские измерения как определённое экзистенциальное состояние,

которое утверждается вопреки необходимости и Закону. «Законъ бо предътеча бе и слуга Благодати и Истине; Истина же и Благодать слуга будущему веку, жизни нетленней» [5, с. 22].

Согласно Закону, Византия в сравнении с Русью обладает неизмеримо более значительным авторитетом в деле решения религиозных и государственных вопросов. Однако «земная» мораль, мораль Закона, те отношения, которые регламентируются исключительно критериями, что воздают каждому согласно суровым законам справедливости «око за око, зуб за зуб», благодаря Христовой жертве были отброшены в качестве единого, тотального порядка в бытии.

Во-вторых, номократия отрицается также главенством традиции, которая базируется на родовой санкции взаимоотношений. Закон действует как механизм организации, санкционирования и поддержки порядка, который лишает человека, функционирующего в социуме, её конкретного состояния. Субъект социальной организованности такого типа в идеале предстаёт как лишённый собственного облика носитель прав и обязанностей, вне компетенции которых человек является абсолютно непроницаемым и сугубо абстрактным. Для древнерусской социальной прото-философии, которая понимает род как одну из главных категорий упорядоченности сущего и критериев положительной оценки действий члена социума, активным субъектом в нём выступал человек во всей конкретности своего существования.

Заключение. Социальную действительность Руси правомерно обозначить как синтез, образуемый механизмами идеократии и этократии. Общество формируется в идеократическом направлении по мере проникновения в различные измерения духовно-практической жизни онтологических, политических, этических, эстетических конструкций, выработанных византийской цивилизацией. «Россия, подобно Византии, сложилась как идеократическое государство», – пишет В. В. Кожин и определяет православное мироотношение как основу для характерного всей русской духовности системы идейной оценки действительности: «После своего принятия христианство становится на Руси детерминирующим и всепроникающим стержнем бытия» [3, с. 58].

В Древней Руси идеократия, пришедшая из Византии, встречает автохтонные структуры восприятия и образует с ними уникальный социокультурный синтез. По мере развития в русской культуре и системе общественных отношений символов, ценностей, моделей поведения восточного христианства и православной империи, начала идеократии укрепляются и усложняются в качестве целостной системы государственной идеологии и получают завершённый вид в царствовании Иоанна IV Васильевича. Однако и в его собственном политическом мировоззрении, и в памятниках его эпохи приоритет рода продолжает проявлять устойчивость как самостоятельная и важная категория социального порядка.

Список литературы

1. Изборник: сборник произведений Древней Руси. М.: Художественная литература, 1968. 800 с.

2. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: CODA, 1997. 432 с.
3. Кожин В. В. История Руси и русского слова. Современный взгляд. Серия: Актуальная история России. М.: Чарли, 1997. 528 с.
4. Аверинцев С. С. Византия и Русь: два типа духовности. Статья вторая // Новый мир. 1988. № 9. С. 78–112.
5. Иларион. Слово о Законе и Благодати // Красноречие Древней Руси (XI–XVII вв.). М.: Советская Россия, 1987. С. 16–28.

Авторская справка

ЛУСТЕНКО Андрей Юрьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и социальных технологий, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля», г. Луганск, Россия. E-mail: sotziologii@ya.ru

UDC 130. 2: 32.019.5

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.34

RUS AND BYZANTIUM: FORMING OF RUSSIAN CANON OF METAPHYSICS ABOUT A POWER AND A TIME

A. Ju. Lustenko

LSU V. Dhal's name – Lugansk state university Vladimir Dhal's name, Lugansk (Russia)

Introduction. There is analyzed the process of forming Ancient-Russ ideology of lordship and historical time in social life and culture of Ancient Rus. There looked through the value of Byzantium cultural, religious and administrative-lordship legacy and the active role of autochthonic public conscious in the processes of reflection of power state. The esteem, value, cense canon of social concepts about the lordship, its ontology, its existence forms, about the time as the reality of historical presence of society and fulfilling the organize functions has a long history and different sources in Russian society. In the article there looked through it's the earliest level: the social regards of Ancient Rus society and the spiritual influence of Byzantium.

Methods. The looking through of the theme bases on the historical phenomenology as the reconstruction of cognitive and practical instruments of living world outlook, belonging to sociocultural organism, temporally distant from us. In the more wide sense, the methodology may scientifically adapted to the analysis to the process of forming the metaphysics of lordship and time, complex philosophic construction of essential social value. Some constructions, functioning in temporal and sense limits of sociocultural paradigm and coming into the cultural interaction, such as the ideas about the historical past, values of the order, law, genetic unity, moral responsibility, exist in the state of permanent mutual determination. Such obstacles cause the actuality of the using concerning this theme the principles of structural method and the analyzing of structural elements of sociocultural paradigm according its functional tasks.

Results. The forming of complex of thoughts about social order and social processes historical sense in Russian medieval sociocultural context is bound with the description mechanism of order genesis and its ontology functions. Question of order genesis pushes the actual social conception of historical time, especially historical past, on the role of main social identity and ideas about social order forming sources. Transcendent-autocratic and egalitaric-genetic models of lordship are present in different ancient and medieval cultures and have the proper correlates in Russian society. The interiorization of Ancient Rus into the space of Byzantium

played the role of basis to forming of transcendent-autocratic Russian model. In the same time the autochthonic value system and semantics influenced, transformed upon the Byzantium cultural legacy and determined the formation on the genetic bases the unique synthetic system of functioning and reflection of social reality.

Conclusions. The specific character of development of Ancient-Russ indeocracy society have led to the forming of Moscow Tsardom and its ideology. This Specify is the result of synthesis if outer-cultural influences and orient-Slavic forms of social life ordering. Meanwhile, Rus society developed as the synthesis of ideocracy and ethocracy. In the process of centralized state development, the ideology of Moscow Tasrdom forming, its interstate role intensify, the ideocracy tendencies becomes stronger. They have begotten the support of Orthodox outlook and of imperative-trance-individualistic and trance-nomocratic installing of State administration.

Keywords: socium, social order, lordship, ideology of lordship, theonomic motivation, Byzantium, basileus, prince, sacral, genesis; Metropolitan of Kiev Hilarion, S. Averintsev, V. Kozhinov.

References

1. *Izbornik*. Collection of Ancient Rus texts. Moskow, Hudozhestvennaya literatura [Art literature], 1968. 800 p. (In Russian).
2. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literaturi* [The early Byzantium literature]. Moskow, CODA, 1997. 432 p. (In Russian).
3. Kozhinov V. V. *Istoraiya Rossii i russkogo Slova. Sovremenniy vzgljad* [History of Russia and Russian Word]. Serial «Actual history of Russia». Moskow, CHARLY, 1997. 528 p. (In Russian).
4. Averintsev S. S. *Vizantija i Rus': dva tipa duhovnjsti* [Byzantium and Rus: two types of spirituality]. Article Two. *Noviy mir* [New World]. 1988. No. 9. Pp. 78–112. (In Russian).
5. Hilarion. *Slovo o Zakone i Blagodati* [Sermon on Law and Grace]. *Krasnorechije Drevnej Rusi [XI-XVII vv.]* [Eloquence of Ancient Rus [XI–XVII c.]]. Moskow, Sovetskaya Rossiya [Soviet Russia], 1987. Pp. 16–28. (In Russian).

Author's Bio.

LUSTENKO Andrey Yurievich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Social Technologies FSBEI HE «Lugansk Vladimir Dahl State University», Lugansk, Russia.
E-mail: sotziologii@ya.ru

Библиографическая ссылка

Лустенко А. Ю. Русь и Византия: формирование российского канона метафизики власти и времени // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 34–43. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.34

УДК 101.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.44

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ИНФОРМАЦИОННОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ

Р. А. Нуруллин

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань (Россия)

Введение. В статье поднимается актуальная проблема информационной избыточности. С одной стороны, феномен избыточности связан с возможностью передачи количества и качества информации по каналам связи и является необходимым условием управления реальными процессами, а с другой – та же избыточность с какого-то значения начинает выступать ограничивающим фактором для получателя по извлечению из потока информации смыслов и содержания.

Методы. В основе методологии исследования лежит диалектика, которая позволяет создавать умозрительные конструкции сложных многомерных объектов на основе тождества противоположных категорий. В работе также используются общенаучные методы и принципы соответствия, дополняемости, системности и синергетики, которые позволяют рассматривать мир как многоуровневую саморазвивающуюся систему вертикальных и горизонтальных отношений.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Философия сосредоточена на раскрытии генезиса возникновения и превращения качеств вещей и не имеет дело с точным определением количества изменений как по ансамблю, так и по времени. Уяснение количественных сторон границ меры существования качеств явлений есть прерогатива науки. Но философия, исходя из самых общих представлений о законах организации бытия, может актуализировать эту проблему для научного познания как значимую. Феномен информационной избыточности соотносится с метафизическими представлениями Г. Лейбница. Он представил мир в виде вертикальных уровней бытия формально возможного, действительного и реально возможного, где каждый из низлежащих уровней выступает условием реализации идей, форм, сущностей для верхних. Информация из себя самой в чистом виде не может реализоваться в действие и всегда требует определенных условий, которые проявляются в феномене информационной избыточности.

Заключение. Сегодня, в эпоху становления информационной цивилизации, человек сам становится активно определяющим фактором организации мира вокруг себя и своих отношений между собой в планетарном масштабе. Решение этой проблемы выливается в выяснение нового космологического (универсального) инварианта, связанного с научным определением границ меры информационной избыточности, которая могла бы дать ответы на многие вопросы для анализа и оценки как прошлых систем организации, так и для построения новых оптимальных систем управления всех уровней.

Ключевые слова: реальность, действительность, информация, информационная избыточность, управление, человек, общество, человечество, Вселенная.

Введение. Современное человечество находится на пути к становлению информационной цивилизации, поэтому процессы управления человека собой и миром (природой и обществом) приобретают первостепенное значение. Становление информационного общества резко ускоряет, с одной стороны, процессы глобализации цивилизации и взаимосвязанности экономик всех стран на Земле, а с другой – провоцирует процессы культурной дифференциации народов, приводящие к обострению идейной борьбы различных ценностей на международной арене. В этих условиях человек одновременно оказывается агентом двух социальных образований. С одной стороны, человек исторически является представителем своей той или иной частной общности (национальности, нации, государства и т. д.), а с другой – высту-

пает частью становящейся мировой цивилизации человечества. Это неопределенное положение человека в мире усиливает противоречия в системе организации управления и власти.

Традиционные системы власти, основанные на интегрирующей роли ценностей частной культуры отдельных стран, сегодня переживают острый кризис, вызванный прежде всего все возрастающим влиянием глобальных СМИ на массы. В этих условиях каждое частное культурное образование приходит к осознанию того, чтобы занять свое достойное (равноправное, то есть справедливое, по меркам западного мира) место в общемировой стратификации ценностей. Сегодня еще неосознанное стремление к новому, пока до конца неизвестному пониманию планетарной справедливости сопровождается различного рода стихийными выступлениями внутри экономически развитых стран.

Традиционная система власти, чтобы обеспечить сохранность целостности государства в этих непростых условиях, начинает искать внешних врагов, так как раньше (на этапах традиционного и индустриального общества) это всегда приводило к интеграции людей вокруг правящей на то время элиты. Все эти факторы выводят проблему организации и управления как субъектами человечества всех уровней, так и природными процессами на первый план. Хотя человечество выступает полем борьбы интересов различных субъектов всех уровней, все же не следует забывать, что человечество есть явление космологическое, а следовательно, должно иметь какие-то (естественные, необходимые, универсальные, объективные) законы своего бытия [13, с. 27–35]. Наша статья посвящена поиску одного из этих возможных вариантов мира, который видится нам в решении проблемы информационной избыточности.

Методология исследования. В основе методологии исследования лежит диалектика, которая позволяет создавать умозрительные конструкции сложных многомерных объектов как тождества противоположных категорий. На основе оценок мировоззренческих представлений о прошлом в развитии социальных систем категориальный арсенал философии позволяет выдвигать адекватные суждения о возможных путях развития человечества в будущем. В работе также используются общенаучные методы и принципы: соответствия, дополнительности, системности и синергетики, которые позволяют рассматривать мир как многоуровневую саморазвивающуюся систему вертикальных и горизонтальных отношений. Также в исследовании используется метод идеализации, позволяющий в предельно абстрактной форме создавать умозрительные конструкции. Идеализация позволяет многообразие отражения реальных социальных процессов за длительный период развития истории человечества свести к исследованию одного интеграла, который в существенных отношениях концептуально будет отражать этапы реальной истории. Знание необходимых сторон социального развития может стать для человечества надежным инструментом управления своим будущим, который так необходим человечеству перед лицом глобальных угроз.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Развитие любой самоорганизующейся системы, будь то биологическая или социальная, происходит в направлении ее приспособления к большей системе (в про-

странстве которой данная система осуществляет свое бытие), которая, в свою очередь, является подсистемой другой, еще более большей системы, и так далее до Вселенной. Из теории относительности Эйнштейна следует утверждение: «Какое явление, такое и пространство-время», поэтому каждый уровень системной организации бытия обладает своими пространственно-временными характеристиками [12, с. 221–265].

Существование самой Вселенной есть априорное утверждение, так как человеку известны лишь некоторые сведения о Метагалактике (как некоторой подсистемы Вселенной), которая по законам термодинамики движется в сторону возрастания энтропии. В этом смысле можно говорить о Космосе как о естественном процессе по превращению некогда информационно-связанной энергии в свободную и ее дальнейшем излучении в пространство. В то же время в этих диссипативных условиях бытия Космоса возникает возможность для появления и развития систем на основе организации памяти. Функция памяти позволяет системе в процессе приспособления к внешним условиям свернуть в информацию отражения ключевых форм своих изменений.

Система, развивающаяся во времени в лоне изменений большой системы, диалектически в качестве дополнения должна иметь механизм, отрицающий эти изменения, который заключается в функции памяти. Память выступает хранилищем опыта всех ключевых изменений, происходивших в истории эволюции системы в прошлом. Благодаря памяти у системы возникает возможность обращения к своему опыту прошлого и в настоящем времени осуществлять функции обратной связи в процессе адаптации к изменяющимся условиям своего существования. Другими словами, функция памяти позволяет системе оперировать отражениями своих прошлых событий во времени как с пространственными единицами в настоящем. Это позволяет системе из этих отражений прошлого строить всевозможные различные комбинации в настоящем как ответ системы на всякие возможные изменения большой системы в будущем, частью которой эта система является [14, с. 107–120].

Именно благодаря памяти система приобретает информационную избыточность, которая позволяет ей из поколения в поколение выставлять на суд изменениям среды обитания все новые качества, полученные путем актуализации кодовых комбинаций прошлого опыта. Этому служит как генетическая память, память нашего бессознательного, так и социальная память культуры. Отсюда любая биологическая система развития основана на хранении в генетической памяти всех ключевых событий, которые происходили с ней в переломные моменты истории биологического развития. Если речь идет о развитии отдельного человека, то это будет накопление в памяти единиц (образов, понятий, теорий, концепций), полученных при помощи сознания определенных смыслов. Если речь идет о развитии общества и человечества в целом, то это будет накопление идей и ценностей в культуре.

Чем больше единиц опыта прошлого хранится в памяти системы, тем с большим числом комбинаций (своих структур) она может выходить к возможным изменениям будущего для обеспечения своего актуального бытия в мире. Из комбинаторики известно, что число возможных комбинаций из единиц подчинен закону фак-

ториала, который является одной из самых быстро возрастающих функций, известных науке. А потому никакая степенная функция, по которым происходят реальные процессы и события в мире, по своей динамике не может сравниться с динамикой процессов, происходящих в памяти той или иной развивающейся системы.

В мире вещей все взаимодействует друг с другом, что говорит об общем начале происхождения нашей ощущаемой реальности. Без этого общего синхронизирующего начала бытия вещей самих по себе явления перестали бы существовать друг для друга. Отсюда по определению явление есть то, что всегда обусловлено другим явлением [1, с. 224–230].

Взаимодействие вещей между собой подчинено законам сохранения материи и энергии, которые фундируют всю физику как науку о неживом и существуют как законы симметрии [19, р. 39–82; 27, р. 205–211].

Здесь работает предложенная Аристотелем оппозиция категорий «потенциального – актуального». На этой основе возникает возможность количественного измерения движения (энергии) при взаимодействии вещей и явлений. Переноса эти суждения на социальную почву, можно констатировать, что на этом основании отношения вещей, например, исходно в экономике; при производстве / потреблении вещей возникает возможность сведения всего качественного разнообразия товаров к общему знаменателю, то есть сведению ценности всех материальных отношений к общему количественному инварианту стоимости золота и его производных – денег. Хотя сфера экономических отношений в качестве достаточного основания определяется интересами субъектов, то в их основании лежат отношения вещей.

В современную эпоху становления информационной цивилизации определяющим товаром экономики становится информация. Здесь информация становится ресурсом. Но в отличие от вещей, информация не подчиняется законам симметрии [8, с. 320–323], следовательно, сегодня для мировой экономики вместо теории стоимости вещей требуется новая – информационная теория стоимости. Информация (семантически, по содержанию смыслов, которую она в себе несет) при обмене, в отличие от вещей, сохраняется как в источнике (допустим, в лице создателя информации или продавца), так и в приемнике (в лице покупателя или получателя). Поэтому информация при обмене имеет возможность к безграничному количественному росту.

Различные смыслы (качества) информации нельзя свести к общему знаменателю, как это имеет место в мире вещей, по которому их можно было бы количественно сравнивать между собой и далее измерять. Количество знаков, несущих определенное содержание информации, не определяет качество смысла информации, что позволяет человеку при помощи символических форм создавать любые смыслы и моделировать как реальные процессы, так и создавать различные симулякры, не имеющие своего реального прототипа [17].

Именно такие отношения, связанные с передачей, приемом и обработкой смыслов, подпадают под категорию виртуального бытия, которое существует актуально, но не потенциально. В информационных или виртуальных взаимодействиях аристотелевская оппозиция потенциального и актуального перестает адекватно отражать действительность [10, с. 39–40], а поэтому не будет соответствовать принципу до-

полнительности, некогда сформулированному Н. Бором в качестве общего принципа научного и философского отражения действительности [18, р. 11–30].

Передача информации, конечно же, связана с количеством движения, но это количество энергии, несущее информацию, не определяет количество смыслов информации [4]. Феномен относительной независимости отношений между энергией и информацией создает возможность осуществлять функции управления, что позволяет человеку (или искусственной управляющей системе, созданной человеком) малыми значениями энергии, несущими информацию, управлять большими потоками энергии и вещей.

Соотношения информации и энергии не есть только характеристики ближнего человеческого бытия, их можно распространить на устройство бытия вообще. В мире вещей, включая и саму Вселенную, все процессы стремятся к термодинамическому равновесному состоянию. Это стремление обусловлено так называемым направлением космологической стрелы времени. В Космосе более высокоорганизованная энергия естественным образом переходит в более низкоорганизованную, что определяет движение Вселенной в целом в направлении возрастания энтропии, то есть Вселенная стремится к своей тепловой смерти. Все это обуславливает процесс превращения ранее связанной энергии в свободную и ее рассеяние (диссипацию) в пространстве [26, р. 259–261].

Но это стратегическое стремление к термодинамическому равновесному состоянию всего Космоса в целом в разных инерциальных точках пространства-времени происходит неоднородно. В силу того, что значения зависимости интенсивности распределения фундаментальных законов бытия (гравитационных, электромагнитных, сильных и слабых) от радиуса центров взаимодействия сильно различаются между собой, а силы взаимодействия в случае электромагнитных взаимодействий даже могут иметь противоположные значения, то результирующие характеристики, или суперпозиция этих воздействий, в разных точках пространства-времени всегда оказываются разными, что, по сути, и определяет относительно устойчивое существование разнообразия вещей в мире.

Наличие множества относительно равновесных (инерциальных) состояний, в интервале количества которых могут существовать определенные качества вещей, потенциально (в рамках естествознания) позволяют науке формально описывать их посредством различных математических формально-логических тождеств, совокупность которых объективно определяют действительное бытие. Таким образом, действительное бытие можно охарактеризовать в виде множества умозрительных тождеств, которые в реальном плане не доступны человеческим ощущениям и восприятию. О сущности явлений человеку можно только мыслить. Человек в сознании имеет лишь приблизительное представление о действительности, так как он как субъект далеко не располагает знанием всех законов бытия о мире. Человек о действительности знает на уровне своего феноменального бытия, которое лишь приблизительно содержит представления о действительности, полученные в виде теорий и концепций из эмпирических отражений реальных вещей в процессе исторического развития социального познания [6, с. 515–516].

Постоянный поток свободной энергии, создаваемый «стареющей» в целом Метагалактикой (в термодинамическом смысле), одновременно является условием для возникновения более сложных систем эволюции, таких как химической, биологической и социальной. Активность их бытия определяется не только и не столько прошлым (как это имеет место в мире неживой природы), сколько стремлением к достижению своих биологических и / или социальных целей, которые всегда оказываются в возможном будущем, поэтому о самоорганизующихся системах можно говорить как о целесообразных системах бытия. Развитие целесообразных систем тесно связано с процессами самоуправления и самоорганизации, которые невозможно представить без активного использования информации на различных уровнях ее кодирования, начиная с генетического, культурного, до уровня организации всей Вселенной в целом. Таким образом, фундаментом условием самоорганизации всегда выступает обратный процесс, а именно дезорганизация большей системы, в пространстве которой в диссипативных условиях рассеяния свободной энергии возникает возможность для рождения и развития подсистем бытия более высокого порядка.

В космологии на сегодняшний день господствует инфляционная теория эволюции Вселенной [23, р. 295–322]. Данная модель объясняет многие явления Мегамира и рассматривает пространственно-временную развертку Космоса посредством «Большого взрыва» из точки сингулярности, построенной на обратной экстраполяции расширяющейся Вселенной. Причем этот взрыв носит странный характер. Странность определяется тем, что он привел к расширению Метагалактики со все увеличивающейся скоростью. Это свидетельствует о том, что этот взрыв происходит где-то в уже как-то существующих условиях. О характере этих условий наше познание может судить лишь косвенно, так как эти условия не могут быть ни пространством, ни временем, а должны выступать чем-то иным, но активно определяющим до самих вещей наше реальное пространство-время.

О существовании такого дэ-фактора говорит также и наличие реликтового излучения, которое изотропно приходит к нам со всех сторон Космоса [30, р. 37–40]. Ведь это излучение откуда-то отразилось, прежде чем оно дошло до нас. Другим показателем в пользу нашего предположения выступает подсчет массы видимой части Метагалактики, которая составляет лишь десятую часть от необходимой массы для обеспечения стационарности Вселенной [2].

Эту задачу А. Эйнштейн попытался решить путем введения некоего λ -параметра, действующего обратно силам гравитации. Но таким образом ему не удалось достичь устойчивой стационарности Вселенной, и в 1922 г. А. А. Фридман, отказавшись от стационарной модели, предложил варианты нестационарной модели Вселенной. Он, решая уравнения Эйнштейна, пришел к трем возможным сценариям развития Метагалактики. Она должна расширяться, сжиматься или пульсировать через огромные, по земным меркам, промежутки времени [21, р. 377–386].

Далее Э. Хаббл в 1926 г., наблюдая спектры далеких галактик, открыл «красное смещение» и установил, что наша видимая Вселенная находится в состоянии все ускоряющегося расширения [22, р. 168–173].

Но сегодня вновь возрождаются представления о стационарности Вселенной на основе гипотез о «темной материи» и «темной энергии», в которых сосредоточено 9/10 всей Ее массы [3]. Отсюда видимая движущаяся часть Вселенной составляет всего лишь десятую и, возможно, далеко не определяющую часть мира вообще [2].

Для нашего исследования здесь важно то, что информация, исходно заложенная в начале развертки реального мира, для своей инсталляции нуждается в реальном пространстве-времени как месте изменения и взаимодействия вещей.

Развитие самоорганизующихся систем бытия всегда связано с накоплением всей информации, некогда значимой в истории ее эволюционного развития. Все в мире подчинено законам «отрицания отрицания», то есть возвратным изменениям, поэтому для эффективной адаптации любой самоорганизующейся системы в настоящем (как биологической, так и социальной) к непредсказуемым относительно данной системы будущим изменениям среды выступает накопление структурной (связанной) информации.

Но реализация системы в данный конкретный момент исторического времени, как правило, не требует всей совокупности некогда ценных приобретений прошлого из всего спектра, накопленного информационного (генетического и культурного) богатства содержания памяти системы. Актуально для существования «здесь и сейчас» системой используется лишь ограниченная, то есть значимая для бытия в настоящем часть этой исторически накопленной информации. Именно эта информация требует инсталляции как реальной возможности «здесь и сейчас».

Все это приводит к определенным вопросам. Почему развивающаяся система, если не использует весь объем содержания генов, идей и ценностей накопленного опыта, то не избавляется от них, а перманентно воспроизводит их из поколения в поколение? Имеет ли место определенное соотношение между актуальной (значимой для бытия системы) и свернутой (потенциальной) информацией? И если есть такое отношение, то, как его философски качественно обосновать и научно количественно определить? И вообще, зачем системе необходимо таскать за собой и передавать из поколения в поколение информацию, которая, казалось бы, уже потеряла свою актуальность в данном настоящем? Ведь последнее противоречит принципу «максимума и минимума» Г. Лейбница [5, с. 206-207] или, другими словами, принципу оптимального существования реальных вещей.

Данный факт «забывания» в биологической эволюции видов реализуется путем фильтрации через естественный отбор особей, не соответствующих изменившимся условиям среды обитания. Если речь идет о развитии общественных систем, то акт «забывания» осуществляется путем перманентного переосмысления ценностей культуры с последующим избавлением / возрождением в общественном сознании от старых представлений, не соответствующих условиям развития цивилизации. Все это требует философского осмысления необходимых сторон развития информационных систем [15, с. 91–103].

Феномен информационной избыточности, необходимый для функционирования сложных систем на эмпирическом уровне бытия, можно обнаружить в организации любых систем управления и самоорганизации не только во временной раз-

вертке развития систем, но и по ансамблю их существования. Так, рассматривая человека в качестве биологической реализации генетической информации генома, выявлено существование так называемых молчащих кодовых единиц, которые, казалось бы, активно не участвуют в управлении процессами реализации метаболизма. Причем количество пассивных генов в организме человека количественно оказывается на порядок выше актуальных генов. Количество активных генов в организме человека составляет лишь десятую часть из всего набора существующих кодовых комбинаций генов в митохондриях [20, р. 601–603; 25, р. 604–607].

Если в научном отражении поднимемся на уровень организации психики, то окажется, что процесс осознания человеком как окружающего, так и внутреннего мира количественно обеспечивается приблизительно лишь десятой частью нейронов, сосредоточенных во внешней оболочке больших полушарий коры головного мозга (так называемого серого вещества) из всего числа количества центров обработки информации мозга (а возможно, и всего организма) в целом [2].

В системе организации и самоорганизации (управления и самоуправления соответственно) общества наблюдается такое же соотношение между количеством правящего меньшинства (элиты) и большинства (массы), обслуживающей реальное функционирование «тела» общества по законам и интересам узкого круга управленцев. Если рассматривать под этим углом зрения субъекты подсистем общества, то и там будут наблюдаться те же соотношения. Так, в любом коллективе всегда найдется лидер (формальный и / или реальный), который ценностно-ментально будет определять реальную работу всего коллектива. И для любого коллектива идеальным сочетанием для эффективного управления лидера большинством выступает соотношение Миллера, равное значению «7+2» [24, р. 81–97].

Этому же соотношению подчиняется организация учебных классов в системе эгалитарного образования, где оптимальное количество учащихся для достижения максимального качества обучения в группе должно быть не более десяти человек. Все эти эмпирические данные требуют своего философского обоснования.

Исходно изучением теории организации систем управления занимается кибернетика [4]. Основным понятием кибернетики как науки, изучающей системы управления, и синергетики как науки, изучающей законы функционирования самоорганизации, является информация. Раскрытием законов генерации, хранения и передачи информации по каналам связи, а также проблемами синтаксиса (оптимального кодирования) и семантики (как передачи смыслов и целостности информации) занимается теория информации [29, р. 379–423, 623–656].

В широком смысле, информация есть закодированный (отраженный и зафиксированный в пространстве памяти) эквивалент события. Алгоритмическую трактовку определения количества информации дал А. Н. Колмогоров. По его мнению, информация есть последовательность операций по преобразованию одного случайного объекта в другой. Чем больше различаются объекты между собой, тем длиннее окажется и программа по их преобразованию одного объекта в другой [7, с. 3–11]. В этом смысле информация представляет собой алгоритм.

Алгоритм (как последовательность команд и операций) представляет собой логически взаимосвязанный ансамбль, существующий в виде некоторого пространст-

венного распределения состояний, которые можно синхронизированно передавать по каналам связи во времени как сложную гетерогенную единицу (взаимосвязанную целостность). Причем матрица памяти (носитель) как хранитель данного алгоритма, всегда представляет собой некую целостность, материальная форма которой не зависит от информационного содержания самого алгоритма или текста, в отличие от содержания информации, которая может принимать любые формы носителей в процессе своего распространения по каналам связи. Так, одно и то же содержание информации (смысл) может быть передано с помощью различных физических носителей (явлений) самым разнообразным образом [11, с. 503–515].

Содержание информации как закодированный эквивалент некоторого события в виде сигнала можно передавать по каналам связи, где форма информации определяется и зависит от природы самого канала. Алгоритм как гетерогенная последовательность команд и операций служит для достижения реальных целей управляющей системы, а потому после передачи и приема требует инсталляции. Процесс инсталляции заключается в наделении для каждой операции, прописанной в алгоритме, определенной области памяти системы, в пространстве которой становятся возможными изменения входящих в алгоритм (в программу) переменных, где сама эта область выступает реальной возможностью для информационного выполнения заданных программой операций.

Необходимость, обусловленная содержанием информации, представленная в виде целостного алгоритма, для перехода в действительность всегда требует некоторой реальной возможности, которая позволяет идеализированной или информационной действительности определять движение, изменение и управление на реальном уровне бытия вещей, явлений и процессов в соответствии с содержанием, прописанным в алгоритме. Наделение последовательности операций целостного алгоритма пространством изменений переменных и есть суть инсталляции, которая, как правило, требует на порядок больше объема оперативной памяти, чем тот объем, что занимает сама программа. Кажется, что в этой ситуации алгоритм выступает значимой составляющей, определяющей законы работы системы в целом, но без предоставления возможности (дополнительного пространства виртуальной памяти) эта необходимость в виде алгоритма оказывается не способной в дальнейшем к реализации целей управляющей системы.

В метафизическом плане теоретически исходную идеальную возможность бытия мира можно представить в виде образа, который одновременно воплощал бы собой единство «всего» и «ничего». Так что, если возможно все, то на реальном уровне бытия это абсолютное «все» (возможность) выражало бы в реальном плане «ничего». Таким образом, если возможное выступает необходимым условием для бытия идеальной действительности, то сама действительность, в свою очередь, выступает необходимым условием осуществления физической реальности. Такое понимание действительности соотносится с представлениями в «Монадологии» Г. Лейбница, где он в категориях философии впервые предвосхитил особенности информационных процессов [27].

Лейбниц под действительностью понимал максимальное количество монад разных уровней существования идеального бытия. Сутью монад выступают ментальные дифференциалы, воплощающие собой целевые причины стратегии развития вещей. Монады ранжированы по степени осознанности ими своего бытия и существуют под синхронизирующим началом «Предустановленной гармонии» монады Бога. Монады с необходимостью определяют бытие идей действительности, выраженных в виде целевых образов – дифференциалов высших порядков, которые в потенциале человек способен с помощью своего разума отразить в виде тождеств, то есть в виде формализованных дифференциальных уравнений движения. Бытие действительности всех монад определяет та монада Бога, которая обладает максимальным Благом или количеством целевых сущностей, которые, в свою очередь, реализуются в вещах и процессах по закону минимума [9, с. 95–112]. Таким образом, по Лейбницу, действительное бытие выражает собой теоретическое, идеальное бытие монады Бога, через которые Он задает цели всем вещам и процессам реально-го бытия.

В нашей интерпретации можно констатировать, что Бог как законодатель бытия сам по себе реализоваться в процессы природы не может в силу своей полноты бытия. Так как куда бы Бог ни изменился, везде окажется Он сам, отсюда, думается, и проистекает необходимость декларирования бытия действительности как множества монад, которые инсталлируют (создают реальную возможность по принципу минимума) закономерное существование вероятностного относительно бытия человека, мира вещей.

Мир монад, по Лейбницу, задан априорно, то есть субстанционально, он как действительное идеальное бытие оптимальным образом (минимальными усилиями достигать максимального результата) определяет реальный мир вещей. В данном понимании реальный уровень бытия выступает полем инсталляции действительности. Таким образом, если мир монад представляется нами как мировой алгоритм, задуманный монадой Бога, то реальность выступает неким полем инсталляции для реализации в вещах этого замысла. Здесь действительность определяет реальность, где реальность не может влиять на действительность, а может лишь следовать ее законам. Таким образом, сама действительность Лейбницем лишь субстанционально декларируется как исходное множество монад бытия. Отсюда вопрос о возникновении самих монад остается за рамками его философствования.

Более сложная метафизическая картина бытия, позволяющая преодолеть эти ограничения, предложена нами в монографии «Метафизика виртуальности». В работе представлена концепция генезиса формирования действительности, формируемого из многократных отражений реализаций бытия в матрице памяти Мультивселенной, которая уже в качестве необходимости (законов) выступает основанием для последующих реализаций конкретных Вселенных. В предложенной концепции бытия действительность перманентно возвращается к себе в матрице памяти, где к содержанию информации прежних воплощений вселенных накладывается информация реализации конкретной Вселенной. Так, реальный уровень бытия, реализующийся во времени, выступает пространством избыточности для отладки и накопле-

ния совершенства в качестве субстанционального начала (в лейбническом понимании) будущих конкретных реализаций [11, с. 437–449].

Таким образом, процесс алгоритмического управления реальными процессами с необходимостью требует информационной избыточности (возможности всех состояний реализации) как некоторого места в системе в виде оперативной памяти. В самоорганизующихся системах используется связь не только в направлении от долговременного хранилища алгоритмов к динамическому, но и в обратном направлении, через петли отрицательной (забывания) или положительной (возрождения) обратных связей, прописанных в самом алгоритме. Это и есть необходимое условие функционирования информационных систем управления и самоуправления. В кибернетике, а также в психологии бихевиоризма, этот механизм как необходимость формально возможного бытия для осуществления реальных процессов выражен по принципу «черного ящика» [16, р. 255–278].

Заключение. Функцию памяти априорно можно представить в образе «черного ящика», который воплощает собой одновременно формально-возможное «Все» и реальное «Ничто». Метафизически данная исходная позиция символизирует информационную избыточность действительного бытия, которую Лейбниц в «Монадологии» выразил в качестве достаточного основания реализации Вселенной. Для развивающихся подсистем реального бытия эту возможность система должна накапливать собственной активностью в процессе эволюции во времени. Функция памяти с необходимостью возникает как феномен, диалектически противостоящий внешним изменениям, позволяющий системе накапливать опыт своих прошлых изменений и использовать их для собственного развития на основе информационной избыточности.

Любая самоорганизующаяся система для своего развития в качестве основания имеет память как механизм накопления информации. Функция памяти позволяет системе свернуть в виде информации в настоящем все ключевые изменения, происходившие с системой за многие поколения в прошлом в процессе приспособления к внешним условиям существования. Благодаря памяти система может оперировать содержаниями своих прошлых событий в настоящем – переставлять их местами и комбинировать – и тем самым выходить с новыми основаниями для создания новых форм своего существования, но уже под новые, изменившиеся условия среды обитания. Этот феномен в синтезе с воспроизводством и с последующей фильтрацией тех систем, которые не отвечают условиям их дальнейшего существования и / или возрождения из памяти прошлого опыта своих отношений с внешним миром, позволяет саморазвивающимся системам выходить к созданию новых форм своего бытия, но уже под новые изменения окружающего мира.

Именно содержание памяти обеспечивает информационную избыточность системы как необходимый феномен, позволяющий системе быстрее, чем меняется мир вокруг него, менять вектор своего развития. Из комбинаторики известно, что число возможных комбинаций из единиц подчинен закону факториала, который является одной из самых быстро возрастающих функций, известных науке. А потому никакая степенная функция, по которой происходят реальные процессы и события в мире,

по своей динамике не может сравниться с динамикой процессов, происходящих в памяти той или иной развивающейся системы.

Мир вещей, действительно, для реализации должен иметь в качестве своего основания информацию. Информация сама по себе в чистом виде не может себя энергетически осуществлять в движении, и для инсталляции заложенных смыслов (будь то в природе в виде законов мироздания; или в Боге, растворенных в монадах идеальной действительности; или в идеях культуры человечества; или в феноменах бытия бессознательного человека; или в генетической информации всего генома) в реальные процессы во времени по необходимости требует на порядок больше места, чем сама занимает вне реализуемого пространства.

Философия сосредоточена на отражение причин возникновения и изменения качеств вещей и не имеет дело с выявлением точных количественных сторон превращения явлений. Поэтому философия на априорном основании категориальной симметричности организации и функционирования бытия, по которым строится любая философская онтология, не может ничего сказать, когда и при каких количествах движения произойдет то или иное событие бытия, исходя из самых общих метафизических оснований. Уяснение количественной стороны качеств явлений есть прерогатива науки. Не является ли соотношением один к десяти между управляющей и управляемой системами, которое возникает на всех уровнях организации бытия, новым космологическим инвариантом, научно-количественное выяснение значения которого могло бы дать ответы для оценки старых и построения новых оптимальных систем управления.

Список литературы

1. Аристотель // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 552 с.
2. Бетина Л. К. Информация и сознание // Сознание и физическая реальность. 2002. Т. 6. № 6. URL: <http://nowimur.ru/DATA/070909.htm> (дата обращения: 19.01.2016).
3. Бурдюжа В. В. Темные компоненты Вселенной медленно проявляются // Журнал экспериментальной и теоретической физики. 2017. Т. 151. Вып. 2. С. 416–428.
4. Винер Н. Кибернетика и общество. М.: АСТ, 2019. 288 с.
5. Ильенков Э. В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. 320 с.
6. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Мысль, 1994. 591 с.
7. Колмогоров А. Н. Три подхода к определению понятия «количество информации» // Проблемы передачи информации. 1965. Вып. 1, № 1. С. 3–11.
8. Ляпунов А. А. Проблемы теоретической и прикладной кибернетики. М.: Наука, 1980. 336 с.
9. Майоров Г. Г. Теоретическая философия Готфрида В. Лейбница / М.: Изд-во МГУ, 1973. 264 с.
10. Носов Н. А. Психологические виртуальные реальности. М.: Ин-т человека РАН, 1994. 196 с.
11. Нуруллин Р. А. Метафизика виртуальности: монография. Казань: Изд-во Казан. гос. технол. ун-та, 2009. 544 с.
12. Петров А. З. Геометрия и физическое пространство-время // Итоги науки и техники. Серия Алгебра. Топология. Геометрия. Фундаментальные направления / Под ред. Р. В. Гамкрелидзе. М.: ВИНТИ, 1968. Т. 5. С. 221–265.
13. Спасков А. Н. Природа времени: субстанционально-информационная онтология // Метафизика. 2019. № 1 (31). С. 27–35.
14. Федотова Н. Г., Максимова Е. В. Культурная память города как символический ресурс // Socio Time / Социальное время. 2019. № 4 (20). С. 107–120.

15. Хайдеггер М. Европейский нигилизм. Пять главных рубрик в мысли Ницше // *Время и бытие. Статьи и выступления* / Пер. с нем. В. В. Библихина. М.: Республика, 1993. 447 с.
16. Ashby W. R. Principles of the Self-Organizing System. in: H. von Foetster and G. Zopf, eds. of Self-Organizing. New York: Pergamon Pres, 1962. Pp. 255–278.
17. Baudrillard J. La société de consommation. Ses mythes et ses structures. Paris: S.G.P.P., 1970. 304 p.
18. Bohr N. The Causality Problem in Atomic Physics // *New Theories in Physics*. Paris, 1939. Pp. 11–30.
19. Darvas G. The unreasonable effectiveness of symmetry in the sciences // *Symmetry: Culture and Science*. March. 2015. No. 26 (1). Pp. 39–82.
20. Doolittle W. F., Sapienza C. Sapienza. Selfish genes, the phenotype paradigm and genome evolution // *Nature*. 1980. Vol. 284, no. 5757. Pp. 601–603.
21. Friedman A. Über die Krümmung des Raumes // *Zeitschrift für Physik*, 1922. Vol. 10. S. 377–386.
22. Hubble E. A relation between distance and radial velocity among extra-galactic nebulae (англ.) // *Proc. N. A. S.* 1929. Vol. 15. Pp. 168–173.
23. Linde A. Inflation and String Cosmology // *Progress of Theoretical Physics Supplement*. May 2006. Vol. 163. Pp. 295–322.
24. Miller G. A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two // *The Psychological Review*. 1956. Vol. 63. Pp. 81–97.
25. Orgel L. E., Crick F. H. Selfish DNA: the ultimate parasite // *Nature*. April 1980. Vol. 284, no. 5757. Pp. 604–607.
26. Plait P. C. Death from the skies. New York: Viking Penguin, Physical Desc, 2008. 326 p. Pp. 259–261.
27. Savile A. Routledge Philosophy GuideBook to Leibniz and the Monadology. London, July, 2000. 256 p.
28. Schopper H. Symmetriprinzipien und Naturgesetze // *Naturwissenschaften*. 1963. Bd50. No. 6. Pp. 205–211.
29. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication // *Bell System Technical Journal*. 1948. Vol. 27. Pp. 379–423, pp. 623–656.
30. The Relikt-1 experiment – New results / I. A. Strukov et al. // *Monthly Notices of the Royal Astronomical Society*. 1992. Vol. 258. P. 37–40.

Авторская справка

НУРУЛЛИН Рафаиль Асгатович – доктор философских наук, профессор кафедры общей философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия. E-mail: nurulla958@mail.ru

UDC 101.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.44

PHILOSOPHICAL PROBLEMS OF DETERMINING THE PHENOMENON OF INFORMATION REDUNDANCY

R. A. Nurullin

Kazan (Volga) Federal University, Kazan (Russia)

Introduction. The article raises the relevant problem of information redundancy. On the one hand, the phenomenon of redundancy is associated with the possibility of transmitting the quantity and quality of information through communication channels and is a necessary condition for controlling real processes. On the other, at a certain value, redundancy begins to act as a limiting factor for the recipient in extracting meanings and content from the information flow.

Methods. The research methodology is based on dialectics, which allows creating speculative constructions of complex multidimensional objects based on the identity of opposite categories. The work also uses general scientific methods and principles: correspondence, complementarity, consistency, and synergetics, which allow considering the world as a multi-level self-developing system of vertical and horizontal relations.

Results. Philosophy is focused on revealing the genesis of the emergence and transformation of the qualities of things and does not deal with the exact determination of the number of changes both in ensemble and in time. Understanding the quantitative sides of the boundaries of the measure of existence of the qualities of phenomena is the prerogative of science. But philosophy, based on the most general ideas about the laws of the organization of being, can actualize this problem for scientific knowledge as significant. The phenomenon of information redundancy correlates with the metaphysical ideas of G. Leibniz. He presented the world in the form of vertical levels of the formally possible, real, and actually possible, where each of the lower levels acts as a condition for the realization of ideas, forms, and essences for the upper ones. Information in its pure form cannot be realized into action and always requires certain conditions, which manifests itself in the phenomenon of information redundancy.

Conclusion. Today, in the era of the formation of an information civilization, a person becomes an active determining factor in organizing the world around them and their relations with each other on a planetary scale. The solution to this problem results in the description of a new cosmological (universal) invariant associated with the scientific definition of the boundaries of the measure of information redundancy, which could provide answers to many questions for the analysis and assessment of both the past systems of organization and the construction of new optimal control systems at all levels.

Keywords: reality, information, information redundancy, management, man, society, mankind, Universe

References

1. Aristotel'. *Cochineniya*, 4 t [Aristotle works, 4 vols]. Moscow: Mysl', 1976. Vol. 1. 552 p. (In Russian)/
2. Betina L. K. *Informatsiya i soznanie* [Information and consciousness], Consciousness and physical reality [Consciousness and physical reality]. 2002/ Vol. 6, no. 6. (URL: <http://nowimir.ru/DATA/070909.htm>, date of access 19.01.2016). (In Russian).
3. Burdyuzha V. V. *Temnye komponenty Vselennoi medlenno proyasnyayutsya* [Dark components of the Universe are slowly clearing up]. *Zhurnal Eksperimental'noi i Teoreticheskoi Fiziki* [Journal of Experimental and Theoretical Physics]. 2017. Vol. 151, rel. 2. Pp. 416–428. (In Russian).
4. Winer N. *Kibernetika i obshchestvo* [Cybernetics and Society]. Moscow, AST, 2019. 288 p. (In Russian).
5. Il'enkov E. *Dialekticheskaya logika. Ocherki istorii i teorii* [Dialectical Logic. Essays on its History and Theory]. Moscow, Politizdat Publ., 1984. 320 p. (In Russian).
6. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason], trans. by N. O. Losskogo. Moscow, Mysl', 1994. 591 p. (In Russian).
7. Kolmogorov A. N. *Tri podkhoda k opredeleniyu ponyatiya "kolichество informatsii"* [Three Approaches to the Definition of the Notion "Amount of Information"]. *Problemy peredachi informatsii*. 1965. Rel. 1, no. 1. Pp. 3–11. (In Russian).
8. Lyapunov A. A. *Problemy teoreticheskoi i prikladnoi kibernetiki* [Problems of theoretical and applied cybernetics]. Moscow, Nauka, 1980. 336 p. (In Russian).
9. Maiorov G. G. *Teoreticheskaya filosofiya Gotfrida V. Leibnitsa* [Theoretical philosophy of Gottfried W. Leibniz]. Moscow, Izd-vo MGU, 1973. 264 p. (In Russian).
10. Nosov N. A. *Psikhologicheskie virtual'nye real'nosti* [Psychological virtual reality]. Moscow, In-t cheloveka RAN, 1994. 196 p. (In Russian).
11. Nurullin R. A. *Metafizika virtual'nosti: monografiya* [Metaphysics of virtuality: monograph]. Kazan: Izd-vo Kazan. Kazan Publishing House state Technol. University, 2009. 544 p. (In Russian).
12. Petrov A. Z. *"Geometriya i fizicheskoe prostranstvo-vremya"* [Geometry and physical space-time]. *Itogi nauki i tekhniki. Seriya Algebra. Topologiya. Geometriya. Fundamental'nye napravleniya*. Moscow, VINITI. 1968. Vol. 5. Pp. 221–265. (In Russian).
13. Spaskov A. N. *"Priroda vremeni: substantional'no-informatsionnaya ontologiya"* [The Nature of Time: Substantial-Informational Ontology]. *Metafizika*, 2019. No. 1 (31). Pp. 27–35. (In Russian).

14. Fedotova N. G., Maksimova E. V. City's cultural memory as a symbolic resource. Socio Time / Социальное время. 2019. No. 4 (20). Pp. 107–120.
15. Haydegger M. Evropeiskii nihilizm. Pyat' glavnykh rubrik v mysli Nitszshe [European nihilism. Five main headings in the mind of Nietzsche. Heidegger]. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya [Being and Time]. Trans. by V. V. Bibikhina. Moscow, Respublika, 1993. 447 p. (In Russian).
16. Ashby W. R. Principles of the Self-Organizing System. in: H. von Foetster and G. Zopf, eds. of Self-Organizing. New York, Pergamon Pres. 1962. Pp. 255–278.
17. Baudrillard J. La société de consommation. Ses mythes et ses structures. Paris, S. G. P. P., 1970. 304 p.
18. Bohr N. The Causality Problem in Atomic Physics. New Theories in Physics. Paris, 1939. Pp. 11–30.
19. Darvas G. The unreasonable effectiveness of symmetry in the sciences. Symmetry: Culture and Science. March 2015. No. 26 (1). Pp. 39–82.
20. Doolittle W. F., Sapienza C. Sapienza. Selfish genes, the phenotype paradigm and genome evolution. Nature: journal. 1980. Vol. 284, no. 5757. Pp. 601–603.
21. Friedman A. Über die Krümmung des Raumes. Zeitschrift für Physik, 1922. Vol 10. Pp. 377–386.
22. Hubble E. A relation between distance and radial velocity among extra-galactic nebulae. Proc. N.A.S. 1929. Vol. 15. Pp. 168–173.
23. Linde A. Inflation and String Cosmology. Progress of Theoretical Physics Supplement. May 2006. Vol. 163. Pp. 295–322.
24. Miller G. A. The Magical Number Seven, Plus or Minus Two. The Psychological Review. 1956. Vol. 63. Pp. 81–97.
25. Orgel L. E., Crick F. H. Selfish DNA: the ultimate parasite. Nature: journal. April 1980. Vol. 284, no. 5757. Pp. 604–607.
26. Plait P. C. Death from the skies. New York, Viking Penguin, Physical Desc, 2008. 326 p.
27. Savile A. Routledge Philosophy GuideBook to Leibniz and the Monadology. London, July, 2000. 256 p.
28. Schopper H. Symmetriprinzipien und Naturgesetze. Naturwissenschaften. 1963. Bd50. No. 6. Pp. 205–211.
29. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication. Bell System Technical Journal. 1948. Vol. 27. Pp. 379–423, pp. 623–656.
30. Strukov I. A. et al. The Relikt-1 experiment – New results. Monthly Notices of the Royal Astronomical Society. 1992. Vol. 258. Pp. 37–40.

Author's Bio

NURULLIN Rafail Asgatovich – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of General Philosophy Institute of social and philosophical Sciences and Mass communications of the Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia. E-mail: nurulla958@mail.ru

Библиографическая ссылка

Нуруллин Р. А. Философские проблемы определения феномена информационной избыточности // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 44–58. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.44

УДК 101.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.59

ОТЧУЖДЕНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ И СПОСОБЫ БОРЬБЫ

А. П. Хохлова

Поволжский государственный технологический университет,

г. Йошкар-Ола, Россия

Введение. Данная работа посвящена злободневной теме отчуждения в области образования в рамках современного общества. Стоит упомянуть, что на данный момент современное общество принято называть обществом потребления. Так как образование играет одну из определяющих ролей в формировании человека, является необходимостью внимательно изучить происходящие процессы в данной области.

Методы. Использован метод сравнения, позволяющий сопоставить различные подходы к интерпретации проблемы отчуждения в образовательной среде, а также индуктивный метод, позволивший вывести общие закономерности в развитии отчуждения в образовании на основе конкретных социальных процессов.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Проанализированы различные проявления этого многогранного феномена, рассмотрены основные предпосылки, приводящие к формированию отчуждения. Оценено общее состояние образовательной системы как одного из ключевых факторов, влияющих на развитие отчуждения. Описывается влияние государства на процессы формирования отчуждения в образовании. Большую роль в ходе работы сыграла тенденция на дистанционное образование из-за пандемии COVID-19. Выявлены социальные и личностные точки воздействия, через которые отчуждение все глубже укореняется в образовательной системе и личности. Описывается дефицит взаимодействия образовательного процесса в реальной практической деятельности. Поднимается острая тема отчуждения учеников от педагогов, что ведет к потере доверия и связи между поколениями. Вышеупомянутые тенденции также приводят к процессу самоотчуждения в образовательной среде с обеих сторон. В статье прослеживается путь отчуждения в образовательной среде от самого раннего возраста до завершения образовательного процесса, ведущий к крайней его форме – самоотчуждению, а также раскрывается контекст общества потребления, чьи ценности приводят к трансформации образовательного процесса.

Заключение. Сделаны выводы о действиях, которые необходимо предпринять для преодоления отчуждения от образовательной среды.

Ключевые слова: отчуждение, образовательная среда, цифровизация образования, информационное общество, информационная избыточность.

Введение. В настоящее время в социально-философском дискурсе можно проследить рост интереса к вопросам воздействия общества потребления на формирование отчужденного состояния личности. Исследования процессов отчуждения и ключевых факторов, определяющих их развитие, были актуальны на любом этапе исторического развития социально-философской парадигмы. В современном обществе из-за динамичных изменений окружающей среды человека и погружения личности в информационное пространство феномен отчуждения не только не потерял актуальности, но и расширил свое влияние практически на все социальные и личностные классы индивидов. Кроме того, трансформации современного социума говорят о ключевой роли процессов общества потребления в формировании комплексного отчуждения человека. Постепенное усложнение и активные изменения обще-

ственных факторов, процессов и механизмов, обуславливающих социально-психологическую среду обитания человека, крайне значительно влияют на преобразования характера и личности, наиболее значимым из которых представляется феномен отчуждения.

Если говорить об образовательной сфере, то отчуждение можно представить не просто как один из вариантов развития отдельных личностей, но как общесистемный феномен, охватывающий все сферы социальной жизни. Его существование и распространение происходят за счет того, что в любой упорядоченной организации фундаментальным базисом является система обезличенных отношений с четко определенными задачами и функциями отдельных ее элементов, что формирует некоторую бюрократическую структуру. Кроме того, любая массовая форма организации располагает к формированию отчужденного состояния личности. Оценка этого состояния как комплексного явления позволяет рассмотреть различные его степени в образовательном процессе, а не просто говорить о его наличии или отсутствии.

Методы исследования. Для написания данной работы использован метод сравнения, позволяющий сопоставить различные подходы к интерпретации проблемы отчуждения в образовательной среде, а также индуктивный метод, позволивший вывести общие закономерности в развитии отчуждения в образовании на основе конкретных социальных процессов.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Развитие индустриальной цивилизации серьезно трансформировало проявления отчуждения в образовательной среде. Несмотря на то, что государственная система остро нуждается в активном развитии образовательной системы как ключевого фактора ускорения научно-технологического и экономического прогресса и укрепления общемировых позиций и репутации, развитое интеллектуально и культурно общество крайне негативно влияет на устойчивость политического и идеологического режимов.

Результатом разрешения данного конфликта стало формирование образовательной системы, жестко скованной регламентами и нормативными документами. В таком формате система образования позволяла сформировать требуемые интеллектуальный, культурный и технический уровни специалистов, достаточные для интенсивного развития государства. И одновременно с этим за счет строгого ограничения предоставляемого банка знаний и постоянного идеологического воздействия на формирующиеся личности образовательная система «образовывает» оптимальное политическое и идеологическое мировоззрение, тем самым формируя единое, лояльное и доступное для влияния государства общество. Эта образовательная система включала в себя учебные программы, содержащие прошедшие многоуровневую проверку материалы, которые позволяли проводить политическое и идеологическое воспитание молодежи.

Кроме того, стоит отметить наличие очевидных социальных фильтров, несмотря на объявленное всеобщее равенство предоставления образовательных услуг. В отношении способностей обучающихся образовательная система также проводит определенный отбор, однако социально-классовая фильтрация была куда более зна-

чимым процессом. Целью такого подхода являются сохранение и стабилизация существующей структуры государства, что дополнительно подкрепляется использованием образовательного критерия при отборе кандидатов на значимые должности.

На любой стадии формирования и развития общественно-политической системы отчуждение в образовательной среде инициировалось в первую очередь «сверху» и заключалось в дистанцировании граждан государства от возможного влияния на развитие учебно-воспитательной системы. Разработка и внедрение стандартов образования, государственный контроль и принятие программ обучения, принципы и процессы формирования педагогических кадров на всех уровнях образования, использование и выбор образовательных технологий и учебных материалов – все эти вопросы находятся под жестким контролем государства, и даже ключевые организации и наиболее авторитетные специалисты в соответствующих областях обычно крайне слабо задействованы в формировании фундамента системы образования [1].

Важным моментом является процесс формирования отчуждения благодаря влиянию господствующей общественной и идеологической системы и внедрению в образовательный и воспитательный процессы ее принципов и правил. За счет этого уже имеющиеся в социуме отчужденческие тенденции в политической, культурной и психологической сферах напрямую воздействуют на формирование и развитие личности учеников, что усиливает общее отчужденное состояние.

В идеальном формате (как было, например, в Советском Союзе) образовательная система является иной формой первичной семьи, то есть проактивным элементом, который формирует практически все окружение человека. Он имеет множество сходств с изначальной семьей: круг общения, фильтры информации, воспитание, определенная идеология. Благодаря этому образовательная среда в целом была куда более близкой к человеку, и обучающийся был гораздо глубже погружен в эту среду как в социальном, так и в личностном плане. В настоящее время, учитывая общее падение уровня дисциплины педагогов, особенно в младшей и средней школе, образование является скорее пассивно воздействующей на человека средой, на которую у индивида развивается определенный комплекс реакций, а не активным элементом, формирующим эти реакции.

Кроме того, немаловажно отметить пассивность и несамостоятельность всей образовательной системы. Если раньше человек шел в общий детский сад, школу и институт, где всех учили примерно одному и тому же, то сейчас образовательный процесс сильно индивидуализируется – каждый родитель сам подбирает своему ребенку кружки, секции и даже предметы в школе, которые именно он, родитель, а не система образования и не сам ребенок хотел бы изучать. Подобное отстраненное позиционирование образовательной системы как магазина с яркими витринами влияет на ее общее отчужденное восприятие современными поколениями обучающихся.

Проблемы других социальных институтов также влияют на образовательную систему. Например, подавляющее большинство студентов подвержено влиянию сложившейся в обществе системы взглядов на успешность человека и текущих тенденций на трудовом рынке, которые обусловлены экономическими,

политическими или даже просто модными веяниями. Значительная часть студентов приходит в образовательные учреждения не за саморазвитием или получением профессиональных навыков, к которым имеется предрасположенность, а за возможностью попасть затем на работу, где больше платят, или где более высокий общественный авторитет. В любом случае ни одна из этих причин никак не коррелируется со всесторонним развитием человеческой личности и характера.

Характерной также является тенденция к разделению обучающихся в зависимости от их школьного и дошкольного уровня образования. Такая проблема возникает за счет широкого распространения платных образовательных программ, в зависимости от количества и качества которых очень сильно разнится уровень подготовки обучающихся одного возраста. Всеобщая доступность этих программ не позволяет снизить уровень неравенства в базовом уровне подготовки. Таким образом, на уровень образования напрямую влияет платежеспособность семьи обучающегося, что усугубляет социальное неравенство и отчуждение людей от образовательной системы.

Немаловажным фактором дискредитации образовательной системы становятся навязываемые информационным обществом потребления идеалы успешных людей, добившихся профессиональных, личных и карьерных успехов вообще без какого-либо образования. В совокупности с высокой стоимостью и низкой доступностью качественных образовательных услуг подобные примеры значительно усиливают отчуждение от образовательной среды, особенно в малообеспеченных социальных слоях [2].

Важной формой отчуждения становится *отчуждение учебного труда*. Оно проявляется в особой форме отношения обучающегося к образовательному процессу, при котором объекты и субъекты его деятельности (результаты труда, преподаватели, администрация, прочие обучающиеся, различные социальные группы) как носители норм, установок и ценностей учебной деятельности воспринимаются им как нечто противостоящее ему самому в различной степени (вплоть до открытого конфликта). В результате человек испытывает сильные негативные переживания (одиночество, обособленность, отчуждение), что проявляется в поведенческих девиациях, противоположных гуманистическим понятиям близости и тождественности.

В последнее время все больший масштаб приобретает такая характерная для образовательной среды форма, как *отчуждение обучающихся от педагогов*. Основным фактором его формирования является дискредитация и снижение авторитета как личного статуса преподавателя, так и профессии в целом. К сожалению, работа в образовательной среде в современной России не является престижной и высокооплачиваемой. Скорее даже наоборот, одна из самых уважаемых и сложных профессий теперь заслуживает только снисходительной оценки в призме общественного мнения, и тем более в молодежной среде. Таким образом, преподавательская деятельность не является привлекательной для профессионалов высокого уровня подготовки, что серьезно снижает качество педагогических кадров. А к тем энтузиастам, которые, несмотря на общие непривлекательные условия, продолжают рабо-

тать в профессии из идеалистических мотивов, государство и общество не проявляют достаточной благосклонности [3].

Еще одно проявление отчуждения формируют активно развивающиеся в настоящий момент дистанционные технологии образования. Подмена личной работы ученика и педагога, рост авторитета автоматизированных технологий по сравнению с личностью преподавателя приводят к деградации прямого общения и серьезным трансформациям в личностном развитии человека.

Отдельным фактором, формирующим отчуждение, является дефицит взаимодействия образовательного процесса и реальной практической деятельности. Начинается все с того, что будущий студент в большинстве случаев понятия не имеет, на какую профессию ему нужно идти учиться. Он не знает ни особенностей различных профессий, ни собственных предпочтений к форме деятельности. И даже если абитуриенты определяют с будущей специальностью, они обычно не понимают, с чем им придется сталкиваться в повседневном трудовом процессе. Проблема формируется как за счет недостатка в профориентационной работе со стороны образовательных организаций (причем и текущих – среднего образования, и будущих – высшего и специального образования), так и за счет общесистемной недостаточной практической направленности. Таким образом, будущие специалисты попадают в чуждую им профессиональную среду, к которой они не только психологически и социально не готовы, но и не могут эффективно выполнять свои функции из-за дефицита требуемых личностных качеств.

Наиболее эффективным способом определения внешних и внутренних факторов развития отчуждения является комплексное рассмотрение современного российского социума и системы образования, в частности, как систем в кризисном состоянии. Сложившаяся ситуация в данной сфере обуславливается несколькими факторами.

Во-первых, нельзя не отметить сложное геополитическое положение государства, которое вкупе с выбранным ранее направлением развития через интеграцию в европейскую и мировую систему образования за счет внедрения Болонской системы в высшем образовании и стандартов Worldskills входит в диссонанс со стратегическими целями, которые ставятся во всех программах развития на ближайшие 10–20 лет.

Во-вторых, можно отметить деструктивные и деградационные тенденции в общемировой системе образования, которая должна органично встроиться в новую систему ценностей, предоставляемую информационным обществом потребления, учитывая особенности научно-технологического развития, воздействия информационной среды на социум и глобализационные процессы в экономической и политической областях. Таким образом, Болонская система образования в целом, уже давно находящаяся в состоянии стагнации, постепенно приходит к неразрешимым в текущих реалиях противоречиям, что с высокой вероятностью приведет к ретроградным тенденциям в образовательных системах развитых стран [4].

Из вышесказанного можно сделать вывод, что для поиска причин отчуждения, которое формируется в студенческом социуме и негативно влияет на качество и ин-

тенсивность участия студентов в образовательном процессе, имеет смысл выявить основные негативные тенденции, существующие в образовательной системе России, а затем попытаться найти способы их нейтрализации и определить пути выхода из существующей кризисной ситуации.

Основные факторы, которые отвечают за формирование отчуждения в образовательном процессе, можно разделить на три класса по сущности их формирования.

В качестве внешних причин выделяются текущие:

- общественная, экономическая и политическая обстановка в государстве;
- состояние биржи труда в целом и неустойчивые позиции на ней выпускников вузов;
- имидж высшего образования в глазах ключевых работодателей в любой сфере деятельности и др.

Внутренними факторами являются:

- собственно образовательная модель, принятая в стране на данный момент;
- характер взаимодействия между субъектами учебного процесса;
- материально-технические условия;
- способы и общий уровень предоставляемых образовательных услуг.

Кроме этого, нельзя забывать об индивидуально обусловленных причинах, таких как:

- психологические особенности студентов;
- адаптация студентов к характеру учебного процесса;
- отношение студентов к обучению;
- мотивационные вопросы, связанные как с внутренним осознанием необходимости получения образования, стремления к саморазвитию, раскрытию и применению своих способностей, так и внешней необходимостью достижения определенного положения в обществе, финансового, социального и личностного комфорта.

Важной группой причин являются личные отношения человека с окружающими социальными институтами. Безусловно, нарушение всех естественно присущих человеку жизненных процессов вследствие агрессивного влияния общества потребления и информационной среды является сильнейшим отчуждающим фактором. В частности, примером подобных изменений является потеря семейных родовых связей и традиций, которые раньше являлись важной опорой человека в социальной среде. Сам процесс формирования отчуждения начался очень давно, как только процесс образования человека вышел за пределы семейного круга. Однако в современных информационно-экономических условиях разрыв образования и врожденных ценностей индивида значительно усугубился и лишь подчеркивает разрыв между традиционными социальными институтами и семейной средой. В связи с тем, что учебные заведения больше не выступают в роли социокультурного центра притяжения, обучающийся больше не чувствует некоторой преемственности, не несет семейных традиций, не опирается на свои родовые взаимосвязи и характеристики.

В сложившейся образовательной системе утрачена функция воспитательной среды. Теперь учебные заведения всего лишь предоставляют определенный ком-

плекс образовательных услуг, полностью соответствующих прайс-листу. Из-за глубокого конфликта между техническим и гуманитарным образованием обучающиеся отчуждаются от фундаментальных гуманистических ценностей. Результатом этого являются кризисные тенденции в современной образовательной и воспитательной системе, которые стали прямым следствием органических социальных противоречий существующей общественной формации, деградации и упадка института семьи, не выполняющего более функции по воспитанию, образованию и социализации подрастающего поколения.

Важным вопросом является включенность обучающегося в образовательный процесс. Здесь можно выделить несколько отдельных сторон отчуждения, к ним относятся:

- *отчуждение в области мышления*, отражающееся в формировании жестко упорядоченного, неэластичного типа мышления с низкой способностью к переключению от одной темы к другой;
- прямым его развитием является *отчуждение в разговоре*, проявляющееся в полном отождествлении человека с собственным мнением, не допускающим каких-либо противоречий и точек зрения, отличных от собственной;
- *отчуждение в чтении*, когда книга или любой другой материал являются для человека всего лишь простым возбудителем, и сам процесс чтения превращается в чисто потребительский как средство удовлетворения собственного культурного состояния;
- *отчуждение может формироваться и в области знания*, когда собственно знание подменяется понятием обладания знанием, являющимся лишь навязанной извне потребностью;
- *отчуждение в собственно обучении* – результирующая форма перечисленных аспектов. Оно также становится ориентированным на обладание знанием, а не на получение реальных практических навыков и развитие личности человека. Весь передаваемый преподавателем материал в лучшем случае фиксируется в записях, а не в мышлении и сознании человека, что приводит к отсутствию связи между содержанием занятий и студенческими навыками.

Обучение по принципу обладания знаниями уничтожает творческую составляющую образовательного процесса, в его ходе не может сформироваться нечто новое, что-то, что сможет поставить под вопрос утверждаемую стандартами систему знаний и навыков. В результате знания получаются студентом только как некоторое имущество, не работающее на пользу человека. В итоге мы получаем лишь некоторый комплекс знаний высокого уровня, подтверждающих статус и тешащих самолюбие, однако не имеющих взаимосвязи с реальной жизнью и слабо применимых в процессах повседневной трудовой и социальной деятельности [5].

Если говорить о высшем образовании, то его можно представить как комплекс двух принципиально различных по своей природе процессов обучения:

- *собственно образовательная деятельность* ставит своей целью индивидуальное развитие человека, личностное самоопределение, модификацию мышления и

сознания, формирует рефлексивное отношение к окружающей среде и собственной жизни;

- *профессиональная подготовка* удовлетворяет требования государства и социально-экономической сферы к воспитанию кадровых резервов.

Активное участие в образовательном процессе является признаком мотивации человека к профессиональной и индивидуальной социализации. Однако в современных работах социологов и психологов говорится о том, что в молодежной среде формируется массовая тенденция к отчуждению от профессиональной деятельности в принципе, воспринимаемая как нечто навязанное извне, не являющееся реально необходимым, неким рудиментом индустриального общества, отмирающим вместе с ним. Этот процесс логично приводит к отчуждению от собственно учебного процесса. Проанализируем эти тенденции более детально.

Первая разновидность отчуждения – *от собственной профессии* – является прямым следствием того, что получаемая в высшем образовании профессия не является обязательной частью дальнейшей жизни человека. Из-за того, что большинство людей современного поколения не работает по специальности, у молодежи складывается мнение, что те знания и навыки, которые они получают в высшем образовательном учреждении, совершенно никакой пользы не принесут. Отсутствует понимание того, что приобретенные профессиональные умения будут кормить их и их семью на протяжении всей жизни. Это не лишено смысла, так как и навыки даются, прямо скажем, не лучшим образом по причине снижения общего качества образования, и с большой вероятностью работать по профилю студентам не придется. Поэтому образовательный процесс для большинства обучающихся является лишь промежуточным средством, неким трамплином или перевалочным пунктом для последующих шагов по жизни. Возрастает значимость формальной социализации, которая заключается в необходимости получения «корочек», подтверждающих наличие высшего образования, для нормальной интеграции в общественные процессы, причем настолько, что эта функция образования превалирует над функцией получения профессиональных навыков. И если профессия требует значительной концентрации и усилий для освоения, то последствия подобного отчуждения будут критическими.

Второй вид отчуждения – *от образовательного процесса* – можно проследить в привыкании и приспособлении к нему, увеличении важности внешних стимуляций к образовательному процессу, таких как контроль посещаемости, стипендиальное премирование, социальное и психологическое воздействие организационных структур учебных заведений и др. Постепенно утрачивается понимание необходимости собственного активного участия в образовательном процессе, теряется мотивация для получения новых знаний и профессионального самоопределения.

В результате у студентов формируется потребительский подход к образовательной системе. Обучающиеся считают, что им должны оказать определенный комплекс образовательных услуг: преподаватели должны красиво и интересно обучить профессиональным навыкам, заинтересовать в изучаемых дисциплинах и к окончанию учебного заведения подготовить из студентов высококвалифицированных специалистов. Реально же образование является процессом приобретения опре-

деленного типа мышления, которое в дальнейшем позволит получить и создать новые знания. С этим способом мышления связаны креативность в решении жизненных проблем, нестандартное мышление при встрече с новыми задачами, самоосознанность самого себя и своего признания. Отчуждение же личности для студента проявляется как раз в деформации формы мышления студента, для которого описанный способ личностного и интеллектуального устройства остается чуждым.

Одной из ключевых проблем в контексте глобального кризиса образовательной системы является *отчуждение обучающихся в вузах от собственной личности (самоотчуждение)*. У студентов больше не формируется законченное представление о своем будущем, они больше не понимают и не принимают свое призвание. Кроме того, профессиональная подготовка отодвигает на второй план развитие в сфере человеческих отношений. Это проявляется в потере значимости семейных ценностей, трансформации институтов материнства, отцовства, их взаимоотношений и семьи в целом. Несмотря на то, что в современном мире (пока еще) понятие «счастье» подразумевает ценности брака и семьи, реально они перестают быть значимой частью в жизни молодежи. Культивируемый информационной средой образ успешного гражданина совершенно не рассматривает рефлексивные и историко-психологические вопросы, такие как личные жизненные цели человека, его судьба, отношения с близкими людьми, окружающим миром и самим собой.

Безусловно, это не весь круг проблем, связанных с отчуждением в образовательной среде. Окружающая среда и само образование динамично и непрерывно изменяются, что ведет к возникновению новых вопросов и трансформации привычных задач в данной среде. Поэтому важно тщательно подобрать подходы к преодолению деструктивных и деградиционных явлений. И это исследование было бы неполным, если бы мы не сделали попытку дать ответ на вопрос преодоления отчуждения.

Сам по себе феномен отчуждения не является чем-то уникальным, проявляющимся только в рамках одного социального института. Это явление широкомасштабное, сопровождает формирование информационного общества потребления и «идеального потребителя» как основной ролевой модели поведения индивида в его рамках. Поэтому способы его преодоления лучше расценивать комплексно, в тесной взаимосвязи с прочими факторами социальной среды.

Проследим формирование отчуждения от самого начала жизни человека, постаравшись избежать формирующих отчуждение тенденций, факторов и процессов социально-психологического характера.

Человек начинает свое обучение еще в совсем нежном возрасте. Первые столкновения с процессом обучения происходят у всех в разное время, это зависит от семьи, социального, национального и религиозного аспектов. Однако практически всегда это происходит до 7 лет, значительно раньше школьной скамьи, когда ребенка учат читать, считать и писать, обучают базовым навыкам. И если раньше этот процесс был довольно естественным и даже при определенном отторжении со стороны ребенка легко стимулируемым, то теперь заставить ребенка учиться гораздо сложнее.

Ключевым в этой тенденции является влияние информационной среды. С самого раннего возраста дети смотрят огромное количество развивающих программ и мультфильмов, ведь они гораздо интереснее скучных прописей и столбиков с цифрами. Более того, сейчас уже с 4-5 лет практически любой ребенок имеет свой гаджет, в который он бездумно погружается на долгие часы, когда остается без присмотра родителей. Подобная информационная избыточность в столь раннем возрасте как один из побочных эффектов развивает отчуждение от образования. Поэтому крайне важно на этом этапе развития пользоваться цифровыми средствами коммуникации исключительно дозированно и под контролем родителей. Никто не заставляет полностью отказаться от мобильных телефонов, планшетов и компьютеров, однако нельзя бездумно в столь нежном возрасте оставлять ребенка одного в виртуальном пространстве. Грамотное использование современных средств коммуникации подразумевает осознанность собственных действий, которых нет и не может быть у совсем маленьких детей. Поэтому ограничение использования гаджетов является необходимым аспектом в борьбе с формированием у них отчуждения.

Больше того, старшему поколению семьи также необходимо ограничить себя в использовании информационно-коммуникационными средствами. Ведь дети в первую очередь формируют свое поведение и характер на ранней стадии развития, исходя из подражания окружающим людям, а кто как не мы сами подаем им негативный пример, проводя все свободное время, глядя на экран телефона или компьютера. Все меньше реального внимания уделяем мы подрастающему поколению, так в нем нуждающемуся, и это, в свою очередь, развивает не только отчуждение от процесса обучения, но и от семьи в целом, как социального института, и, впоследствии, от самих себя.

В младшем школьном возрасте образование обычно выходит за границы семьи. Поэтому к поведению ребенка внутри семьи добавляется школьная среда, в которой субъектами влияния на личность человека становятся круг общения и учителя. Здесь также важно ограничить влияние технических устройств цифровой коммуникации на личность человека. Никакая виртуальная среда не заменит эффективность личного общения как со сверстниками, так и с учителями в процессе социализации человека в обществе. Да, безусловно, виртуальная среда расширяет возможности простого общения, однако процесс взаимодействия в нем сильно отличается от естественного. В реальном мире ты должен смотреть и слушать собеседника, следить за его мимикой, интонацией и жестами и, что особенно важно, быстро и адекватно реагировать на его действия, чего нельзя сказать о виртуальной среде, где есть неограниченное время на анализ текста речи на экране. Поэтому адаптация в реальном мире куда эффективнее виртуального пространства.

В образовательном же процессе цифровые технологии, изначально задуманные как помощники человека в решении сложных задач, теперь подменяют интеллектуальные функции личности. С самого раннего обучения дети используют калькуляторы и различные приложения для анализа решения заданий, при этом зачатую они не могут самостоятельно выполнить даже элементарных действий. Это закладывает фундамент очень опасной тенденции, которая затем проявится в более старшем воз-

расте, – отказ от творческой и интеллектуальной деятельности в пользу готовых решений из виртуальной среды. Так что очень важно ограничивать использование гаджетов в образовательном процессе хотя бы на протяжении первых 3–5 лет школы.

Семейный контроль на этой стадии не теряет своей актуальности. В раннем школьном возрасте человек еще не имеет самостоятельных суждений, поэтому семья должна направлять и корректировать его развитие, в том числе и в области учебной деятельности. Важно не перегружать ребенка образовательными институтами, что особенно актуально в современном обществе потребления. Сегодня с самого раннего возраста дети ходят в танцевальные, музыкальные, спортивные, развивающие и прочие кружки (и никто не отменяет собственно школьные занятия), что приводит как к рассеиванию концентрации внимания, так и к формированию общей усталости от процесса обучения. Очень важно помнить, что образование является длительным, ступенчатым, непрерывным процессом, который продолжается десятки лет и требует взвешенного и разумного подхода к распределению учебной нагрузки.

В средней и старшей школе постепенно роль семейного контроля снижается. Формируется «вторая» семья, которая состоит из круга общения молодого человека. Однако предпосылки ее формирования закладываются в юном возрасте, поэтому контроль и мониторинг деятельности человека в начальной и средней школе крайне важны [6].

Здесь на первый план выходят уже другие факторы. С ростом осознанности и тренировкой перцептивных систем человека все более значимой становится фигура учителя. Поэтому очень важно поддерживать высокий уровень профессионализма и мотивации педагогических кадров. Это ключевой вопрос, который необходимо решать стратегически, инициативой от самых верхних слоев общественно-политической системы. Из-за низкого престижа в обществе и невысокой оплаты труда профессиональные и личностные качества педагогов становятся реальной проблемой как в средней, так и высшей школе. Именно они закладывают отношение, авторитет и смысл образовательного процесса, которые практически невозможно наверстать на более поздних стадиях обучения.

Кроме того, очень важной проблемой становится сама парадигма потребительского общества, в рамках которой образовательная система воспринимается исключительно как сфера услуг. Отходит на второй план или вообще забывается формирующая роль обучения как для профессионального роста человека, так и для формирования личностных и социальных качеств человека и гражданина.

Безусловно, в современном мире, пронизанном информацией, необходим контроль за наполнением информационной среды обитания молодежи. Огромное количество информации разной степени ценности выливается на неподготовленные умы детей и подростков, что приводит к развитию деструктивных процессов формирования личности. В итоге формируется синдром информационной усталости, который приводит к редукции способности к критическому мышлению и объективному анализу информации. Более того, постоянное воздействие информационной среды

позволяет формировать качества личности, которые выгодны информационному обществу потребления, однако не имеют ничего общего с гуманистическими и социально важными семейными и гражданскими ценностями.

Все вышеперечисленные аспекты актуальны и для высшей школы, и для профессионального образования. По сути, современная кризисная ситуация в высшем образовании формируется значительно раньше, задолго до поступления человека в университет. Здесь лишь наиболее ярко вскрываются накопленные за время предыдущих образовательных процессов проблемы, обнажается истинное отношение человека к обучению. В этом возрасте студент уже в состоянии сам выбирать свою жизненную траекторию, давать субъективную оценку происходящему вокруг него и складывать собственную картину мира. Одним семейным контролем и государственной пропагандой довольно сложно внушить доверие к образовательной системе, которая слабо выполняет свои функции и дискредитирует себя как с профессиональной точки зрения, так и в вопросе адаптации к современным условиям общества потребления. Эта проблема характерна для всех исторически значимых социальных институтов (семья, религия, образование), которые и адаптироваться не хотят к условиям внешней среды, и прежнего качества человеку дать не могут, проигрывая внедряемым симулякрам информационного пространства.

Заключение. Таким образом, отчуждение в образовании является весьма комплексной проблемой, которая отражает не только состояние образовательной системы на текущий момент, но и в целом обусловлена общими тенденциями современного мира. Информационное общество потребления превращает все социальные институты в систему предоставления услуг с четко структурированным прайс-листом, при этом подменяя основные ценности традиционных институтов собственными субъектами, которые предназначены для формирования оптимальной для социализации в таком обществе личности – идеального потребителя. Результатом этих процессов являются серьезные личностные и социальные конфликты человека с окружающей средой и самим собой, которые отражаются в отчуждении от основных социальных институтов (от образования в том числе) и от самого себя. Решение этой проблемы должно быть комплексным, стратегически спланированным, затрагивать как информационную среду в целом, так и сопутствующие социальные институты в частности, оно невозможно без выработки единого общественного курса по нейтрализации отчужденческих тенденций.

Список литературы

1. Николаева А. Б. Философско-герменевтическое осмысление проблемы отчуждения в образовании // Вестник ОмГУ. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-germenevticheskoe-osmyslenie-problemy-otchuzhdeniya-v-obrazovanii> (дата обращения: 26.05.2022).
2. Квеско Р. Б., Букина Е. Е. Отчуждение в профессиональном образовании и пути его преодоления: современные аспекты проблемы // Вестник БГУ. 2015. № 15. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otchuzhdenie-v-professionalnom-obrazovanii-i-puti-ego-preodoleniya-sovremennye-aspekty-problemy> (дата обращения: 29.05.2022).
3. Кожевникова Э. П. Анализ предпосылок возникновения профессионального отчуждения в педагогической деятельности в условиях инновационного образования // Современное педагогическое

образование. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-predposylok-vozniknoveniya-professionalnogo-otchuzhdeniya-v-pedagogicheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-innovatsionnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 27.05.2022).

4. Peters M. A., Jandric P. Philosophy of education in the age of digital reason, Review of Contemporary Philosophy, 2015. Vol. 14. Pp. 162–181.

5. Дудник С. В., Марков Б. В. Кризис образования в цифровую эпоху // Вестник СПбУ. Философия и конфликтология. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-obrazovaniya-v-tsifrovuyu-epohu> (дата обращения: 26.05.2022).

6. Ларина Е. Д. Предпосылки и социальные последствия цифровизации системы образования в России и Китае // Вестник СПбУ. Социология. 2020. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-sotsialnye-posledstviya-tsifrovizatsii-sistemy-obrazovaniya-v-rossii-i-kitae> (дата обращения: 29.05.2022).

Авторская справка

ХОХЛОВА Александра Петровна – старший преподаватель кафедры социальных наук и технологий, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия.

E-mail: Hohlovaap@volgatech.net

UDC 101.1

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.59

ALIENATION IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT: FORMS OF MANIFESTATION AND WAYS TO COMBAT

A. P. Khokhlova

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. This work is devoted to the burning topic of alienation in the field of education within the framework of modern society. It is worth mentioning that at the moment, modern society is commonly called a consumer society. Since education plays one of the defining roles in the formation of a person, it is necessary to carefully study the ongoing processes in this area.

Methods. The comparison method was used to compare different approaches to the interpretation of the problem of alienation in the educational environment, as well as the inductive method. He made it possible to derive general patterns in the development of alienation in education, based on specific social processes.

Results. Various manifestations of this multifaceted phenomenon are analyzed, the main prerequisites leading to the formation of alienation are considered. The general state of the educational system is assessed as one of the key factors influencing the development of alienation. The influence of the state on the processes of formation of alienation in education is described. The trend towards distance education associated with the pandemic has played a large role in the process. Social and personal points of influence are revealed through which alienation takes root deeper and deeper in the educational system and personality. Describes the lack of interaction of the educational process in real practice. The acute topic of alienation of students from teachers is raised, leading to a loss of trust and communication between generations. The aforementioned trends also lead to a process of self-alienation in the educational environment on both sides. The article traces the path of alienation in the educational environment from the earliest age to the completion of the educational process leading to its extreme form – self-alienation, and also reveals the context of the consumer society, whose values lead to the transformation of the educational process.

Conclusion. Conclusions are drawn about the actions that need to be taken to overcome alienation from the educational environment.

Keywords: alienation, educational environment, digitalization of education, information society, information redundancy.

References

1. Nikolaeva A. B. Philosophical and hermeneutical understanding of the problem of alienation in education. Vestnik OmGU. 2022. No. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-germenevticheskoe-osmyslenie-problemy-otchuzhdeniya-v-obrazovanii> (accessed 05.26.2022).
2. Kvesko R. B., Bukina E. E. Alienation in vocational education and ways to overcome it: modern aspects of the problem. Bulletin of the Belarusian State University. 2015. No. 15. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/otchuzhdenie-v-professionalnom-obrazovanii-i-puti-ego-preodoleniya-sovremennye-aspekty-problemy> (accessed 05.29.2022).
3. Kozhevnikova E. P. Analysis of the prerequisites for the emergence of professional alienation in pedagogical activity in the conditions of innovative education. Modern Pedagogical Education. 2019. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-predposylok-vozniknoveniya-professionalnogo-otchuzhdeniya-v-pedagogicheskoy-deyatelnosti-v-usloviyah-innovatsionnogo> (accessed 05.27.2022).
4. Peters M. A., Jandric P. Philosophy of education in the age of digital reason, Review of Contemporary Philosophy, 2015. Vol. 14. Pp. 162–181.
5. Dudnik S. I., Markov B. V. The crisis of education in the digital age. Bulletin of St. Petersburg State University. Philosophy and conflictology. 2020. No. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/krizis-obrazovaniya-v-tsifrovuyu-epohu> (accessed 05.26.2022).
6. Larina E. D. Prerequisites and social consequences of the digitalization of the education system in Russia and China. Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2020. No. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-i-sotsialnye-posledstviya-tsifrovizatsii-sistemy-obrazovaniya-v-rossii-i-kitae> (accessed 05.29.2022).

Author's Bio

KHOKHLOVA Aleksandra Petrovna – Senior Lecturer, Department of Social Sciences and Technology, Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola, Russia.
E-mail: Hohlovaap@volgatech.net

Библиографическая ссылка

Хохлова А. П. Отчуждение в образовательной среде: формы проявления и способы борьбы // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 59–72. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.59



УДК 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.73

ПОРТРЕТЫ-ТИПАЖИ ГОРОДСКИХ СТАРЬЕВЩИКОВ НАШИХ ДНЕЙ

О. А. Киреева

Некоммерческое партнерство «Творческий центр «Доверие», г. Москва (Россия)

Введение. Статья призвана систематизировать имеющиеся знания о современных городских старьевщиках, род деятельности которых уходит в глубокое прошлое. Людей, ежедневно соприкасающихся со старыми вещами и материалами, в том числе ради заработка, становится все больше. Однако это явление как объект научного исследования редко входит в поле зрения отечественных ученых.

Методы. Качественные методы: включенное наблюдение и глубинное интервью сделали возможным составить портреты тех людей, кого причисляют к старьевщикам. Обобщить полученные данные позволил метод типологизации. Сравнительный анализ помог выявить специфику обсуждаемой деятельности, сопоставить ее с аналогичной в разные исторические периоды.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Актуализирована современная интерпретация понятия «старьевщик», обозначен широкий круг лиц и выявлены следующие категории: «домашний», ведущим стимулом деятельности которого является общественная среда («социальный предприниматель», «антиквар-коллекционер», «антиквар-торговец», «накопитель поневоле»); «уличный» – с преобладающими экономическими факторами («вторсырьевщик», «мелкоторговец», «нищий», «экономный»); «улично-домашний» – с важной психологической составляющей модели поведения («профессионально-заинтересованный» или «увлеченный», «идейный», «склонный к болезненному накопительству»). В сравнении с дореволюционным и советским историческими периодами содержание деятельности российских старьевщиков осталось прежним – это приобретение (присвоение) и возможная перепродажа предметов материальной культуры. Механизм реализации, сложившийся за века, также почти не изменился: бытует самостоятельная продажа на блошиных рынках, через стационарные магазины, складские помещения, пункты приема вторичного сырья благодаря личным связям. Однако сегодня значимая роль отведена рекламе в СМИ, включая Интернет (специализированные сайты, доски объявлений, социальные сети).

Заключение. Городские старьевщики – люди с разными материальными возможностями, «профессиональными» потребностями и моделями экономического поведения. Значимые факторы, обуславливающие специфику их деятельности, – экономико-социокультурная амбивалентность, территориальность: «жилище» или «улица» / «жилище и улица».

Реализуя модель циклической экономики, старьевничество способствует устранению негативных последствий сверхпотребления в обществе.

Ключевые слова: старьевщик, крючочник, тряпичник, барахольщик, маклак, антиквар, коллекционер, хоардинг, циклическая экономика, ресейл.

Введение. Современное информационное общество живет пережитками общества потребления, когда вещь не успевает сноситься, техника – сломаться, но им уже ищут замену. Эти и другие социально-экономические факторы, несомненно, влияют

на поведенческую модель населения во всем мире: миллионы людей (около 2 % [1, с. 28]) зарабатывают на жизнь, возвращая в оборот бывшие в употреблении вещи и то, что многие привыкли называть хламом.

В современном словаре Т. Ф. Ефремовой понятие «старьевщик» трактуется достаточно широко: «1. Тот, кто скупает и продает старые, подержанные вещи. 2. Разг. Любитель собирать и хранить старые вещи» [2]. Также бытуют синонимы: барахольщик, мусорщик.

Деятельность старьевщиков уходит корнями в глубокое прошлое, ведь проблема использования старых вещей стояла перед человечеством с незапамятных времен. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас легенды и предания Древнего мира (в частности Египта, Индии), в которых упоминается этот необычный род занятий. И все же достоверных сведений нет. Однако египтологи многое могут рассказать об удивительных коллекциях фараонов. Например, Тутанхамон собирал посохи и другие атрибуты власти. Посмел бы кто-нибудь назвать его барахольщиком?

В период Средневековья, выискивая что-либо ценное, слонялись по улицам мусорщики-ходоки с корзиной и специальной клюкой (ей удобно было ворошить кучи отбросов и подцеплять нужное). Благодаря бродячему образу жизни ходоки слыли интересными рассказчиками: толкаясь на ярмарках, привлекали покупателей историями из жизни, сказками и фокусами, песнями и плясками [1].

В Новое время ремесло, основанное на реализации бывших в употреблении вещей, предметов быта и материалов, распространилось повсеместно. Что же считалось наиболее ценным? Все, что возможно перепродать с выгодой, – ношенные одежда и обувь, старая кухонная утварь; материалы – металл, дерево, мех, бумага, кости животных, и многое другое. Начиная с XVI века стал процветать сбор ветоши, старой ткани, служивших сырьем для производства бумаги.

В Европе старьевничество наиболее активно стало развиваться со второй половины XIX века. Уже в то время во Франции «число людей, непосредственно занятых им, доходило до 100 000, и до 500 000 человек прямо или косвенно жили с доходов от него: уличные сборщики, продавцы ношенной одежды, трепальщики» [3] и множество других работников. Среди них существовала своя жесткая иерархия.

Ниже всех в иерархии находились мусорщики, у которых не было четко обозначенной зоны сбора, и им приходилось перебегать с места на место, чтобы набить котомку уличным хламом. Чуть выше стояли «ходоки» (или «клюкари») – у них был свой рабочий инвентарь: заплечная корзина, фонарь и крюк (клюка). Далее шел «сбытчик», как правило, он имел тележку, запряженную лошадью и место, куда складировал найденное. Также сбытчику позволялось лично осматривать отходы в некоторых домах. Благодаря небольшим услугам, оказываемым жильцам и их прислуге, сбытчик имел дополнительный источник дохода. Такие прибыльные места нередко оставались в одной семье, переходя «по наследству».

На верхней ступени иерархии были тряпичники, которые владели складами с наемными рабочими, день и ночь сортировавшими товары, прежде чем продавать их оптом.

В тот же период в Париже домовладельцев обязали обзавестись специальными коробами для хранения отходов, в определенное время их должны были ставить в местах общественного пользования. Туда за ними приезжали на телеге мусороборщики. Причем уже в то время власти думали о раздельном сборе отходов – коробка были трех типов: «один – для веществ, склонных к гниению, другой – для бумаги и тряпок, третий – для осколков посуды, стекла, горшечной глины, пустых раковин морских моллюсков и т. п.» [3]. Необходимость вносить и выносить коробка была поручена консьержам. Однако те передоверяли эту работу помощникам – собирателям хлама.

Нововведение нескольких десятилетий вызывало сопротивление как самих помощников, так и обычных городских жителей, несших дополнительные траты. Несмотря на протесты, практика распространилась по всей Франции, а после Второй мировой войны стала обыденным явлением городской жизни множества стран и существует по сей день.

Американский опыт старьевничества отличался от европейского меньшей иерархичностью: в XIX в. «специалисты по подержанным вещам», именуемые «рэг-пикеры» (в основном итальянцы), доставали свои трофеи из мусорных баков, подбирали у магазинов и на свалках – все это перепродавалось оптовикам-ирландцам (много позже, после отмирания традиционного ремесла, прибыльный мусорный бизнес в Америке начнут контролировать итальянские мафиозные структуры) [3]. Кроме того, благодаря американским гуманитарным организациям уже в XIX веке появились социальные бизнес-проекты типа Second hand, дошедшие до нас почти в неизменном виде.

Люди, копошащиеся в старье, почти всегда олицетворяли принадлежность к низшим слоям общества, ассоциировались с торгашеством, мздоимством. Это не помешало им со временем приобрести статус социально-культурного феномена во многом благодаря художникам (Э. Мане, Ж.-Ф. Рафаэлли, П. П. Бенькову, В. Г. Перову, А. Архипову и др.) и литераторам (И. Т. Кокореву, Н. С. Лескову, В. А. Гиляровскому, А. И. Куприну, А. М. Горькому, М. М. Зощенко, А. П. Гайдару и др.), запечатлевшим в художественных произведениях колоритный образ человека, зарабатывающего на хлеб скупкой, разбором и перепродажей старья.

Крючочник, ветошник, тряпичник, маклак, выжижник, шматник – уже по этим русским названиям мы представляем себе типаж, многократно описанный бытописателями XIX в. «Человек неопределенных лет, одетый тоже неопределенно, с мешком под мышкою, иногда за плечами, в который он сваливает свой товар, свою куплю, потому что человек этот – не разносчик, а скупщик, род комиссионера» [4, с. 23]. Он «идет в захоlustья, в переулки, где живут люди не щекотливые, знакомые с нуждою и горем не по слуху, которым ничуть не стыдно показать свои обноски» (там же).

В те времена отношение к вещам, домашней утвари было бережливым, причем в семьях с разным достатком и социальным статусом. Наиболее значимые предметы передавались по наследству; добротные, но лишние вещи отдавали прислуге. Все, что подлежало выбросу, складывалось до прихода скупщиков. Дворник был их

главным конкурентом, ведь именно он нередко первым оказывался у хозяйского старья, сдавал его на утилизацию или продавал.

В России иерархия в профессии примерно соответствовала европейской: ходили и всеми презираемые крючочники-мусорщики с непременным атрибутом в виде длинной палки с крюком на конце; орудовали тряпичники, собиравшие вещи по домам. Они могли наняться к торговцу старыми вещами, а если работали на себя – сами сортировали и отвечали за реализацию товара. Совсем непригодную ветошь и утварь могли отдать нищим бесплатно. Вещи покрепче, поновее продавались обычным покупателям, ремесленникам и оптовикам; самые ценные – находили пристанище в домах коллекционеров и любителей старины.

Описывая будни московского скупщика старья, И. Т. Кокорев замечает: «Как ни велика деятельность и как ни многосторонни обороты старьевщика, он, в свою очередь, тоже комиссионер разных людей, у которых или карман потолще его, или которым не сподручно самим закупать из первых рук кое-какие предметы, необходимые им. Старье сапожное и платяное покупается разными мастеровыми» [4, с. 25], а «прочие товары гуртом сбываются заводчикам» (там же).

Нередко торговали старьем на рынке, куда, по словам В. А. Гиляровского, «одних гнала нужда, других – азарт наживы, а третьих – спорт, опять-таки с девизом «на грош пятаков» [5, с. 36]. Рассказывая об обитателях знаменитого московского Сухаревского рынка, бытописатель отмечал: «Букинисты и антиквары (последних звали «старьевщиками») были аристократической частью Сухаревки. Они занимали место ближе к Спасским казармам. Здесь не было той давки, что на толкучке. Здесь и публика была чище: коллекционеры и собиратели библиотек, главным образом из именитого купечества» [5, с. 40].

Несмотря на то, что ремесло считалось непрестижным, иной раз собиратели старья зарабатывали значительные суммы, а некоторые в итоге становились богатыми. Так, история сохранила имя петербуржца М. В. Зива, который прошел путь от крючочника до купца первой гильдии и в старости жил в своем великолепном доме-дворце.

Вплоть до 1970-х годов XX в. скупщики, нередко работая в составе артели, ходили по домам и помогали населению освобождать закутки, шкафы, антресоли от лишних вещей и материалов. Уже с первых лет установления советской власти стало возможным сдавать бумажную макулатуру, металл, стекло в пункты приема вторсырья, где собиратели старья стали завсегдатаями.

Если не принимать в расчет неухающий спрос на коллекционные предметы, антиквариат и связанные с этим товарно-денежные отношения, то в СССР к началу 1970-х годов былое старьевничество естественным путем угасло. У населения осталась возможность сдавать все лишнее в государственные комиссионные магазины, принимавшие не только одежду и обувь, но и предметы быта, спортивный инвентарь, технику.

В наши дни в виду роста финансовых возможностей у многих граждан возникла острая проблема затоваривания. За рубежом с подобной ситуацией столкнулись много ранее, в начале 1960-х годов. Решая вопрос, во многих странах Запада и Аме-

рики были созданы музеи старого быта, открыты бесчисленные блошиные рынки, активней стали развиваться социальные бизнес-проекты типа Second hand.

Ввиду перенасыщения потребительского рынка неудивительно, что в городах становится больше людей, по тем или иным причинам собирающих бывшие в употреблении вещи, предметы, материалы, – забытый промысел вновь набирает оборот. Кто это – современные старьевщики? В какой мере унаследовали они традиции предшественников?

По мнению К. Сильги, проводившей исследование во Франции, люди, собирающие все старое, – в основном «безработные, инвалиды, пенсионеры, заключенные, душевнобольные, непризнанные художники», словом, граждане, отверженные обществом или неимущие [3].

В Индии, где старьевничество популярно многие столетия, до сих пор часто работают артелями, а знание всех тонкостей ремесла передают из поколения в поколение. Люди, самостоятельно обрабатывающие мусор, как правило, принадлежат к низшей касте индийского общества и проживают в трущобах. В то же время, исследуя социально-психологические аспекты сборщиков мусора в Мумбаи, ученые зафиксировали у них состояние «функциональной амбивалентности» – «одновременного переживания противоположных ориентаций на свою работу и жизнь», что способствовало «как принятию, так и чувству свободы действий, что вполне позволяло им вести такой образ жизни» [6].

Опираясь на возможности нейронных сетей, индийские ученые составили своеобразную дорожную карту, помогающую соотечественникам повысить доходность сбора и сортировки мусора. В ней выделено четыре элемента, влияющих на продуктивность работы: принадлежность к неправительственным (социальным) организациям, грамотность, использование надлежащего оборудования и технологий, а также численность коллектива «мусорщиков» [7].

Анализ показал, что старьевничество и связанные с ним процессы практически не входят в сферу интересов отечественной науки, оставаясь темой для публицистики. Причиной может служить направленность исследований на близкий по смыслу, но более злободневный вопрос оценки уровня жизни населения, а также некоторая щепетильность темы. Между тем междисциплинарность тематики позволяет вести обсуждение на стыке истории и социальной экономики, социальной экологии и социологии культуры, а также психологии, этнографии и других научных направлений.

Отдельные аспекты темы частично освещены в работах Т. И. Ивановой, Д. Б. Литвинцева, И. В. Нарского, Е. Ю. Наумовой, А. В. Соколовой и других.

Так, А. В. Соколова, исследуя социально-экономический аспект российского фриганизма (фриганства) (от англ. free – «свободный, бесплатный» и vegan – «веганизм»), акцентирует внимание на его взаимосвязи с циклической экономикой [8].

И. В. Нарский, описывая блошиный рынок как территорию для реализации старых вещей, делает акцент на психологизме его обитателей; считает это пространство «хронотопом», местом «встречи людей и вещей, специфического обращения с прошлым, альтернативной коммуникацией» [8, с. 104].

Иррациональное экономическое поведение человека и его социально-правовые предпосылки изучались Т. И. Ивановой [10], Д. Б. Литвинцевым [11], Е. Ю. Наумовой [12]. Патологическое накопительство ненужных вещей, по мнению исследователей, часто продиктовано «осознанной необходимостью «спасения» предметов и страданиями, связанными с их выбрасыванием» [11, с. 338].

С медицинской точки зрения это же явление изучали Д. С. Петелин, А. Н. Гамирова, О. Ю. Сорокина. Соавторы пришли к выводу, что патологическое накопительство нередко является симптомом в составе обсессивно-компульсивного расстройства и без должного лечения может прогрессировать [13].

Целью статьи автор обозначил систематизацию имеющихся разрозненных знаний о современных старьевщиках. Объект нашего интереса – городской старьевщик, в отличие от деревенского (сельского), свободен от бартерных отношений, обладает более широкими возможностями в плане приобретения и реализации вещей. В ходе исследования проработаны следующие **задачи**: проанализирован генезис старьевничества как социального процесса потребления (присвоения) подержанных вещей, предметов, материалов и проведена аналогия с сегодняшними реалиями; рассмотрены различные методологические подходы к проблеме унификации городских жителей, подпадающих под определение «старьевщик», составлены их портреты-типажи, и на этом материале разработана соответствующая типология; выявлены факторы, обуславливающие специфику старьевничества, определена его роль в современном обществе.

Методы исследования. Феномен старьевничества изучался через призму социологии потребления, охватывающей пограничную зону экономической и культурной областей жизни общества, поведенческую экономику.

Нам показалось важным составить «живой» портрет «специалиста по подержанным вещам», чья деятельность нередко бывает скрыта от посторонних глаз. Этим продиктован выбор качественных методов: включенное наблюдение (собственный опыт взаимодействия с продавцами и покупателями блошиного рынка); глубинные (диалоговые) интервью с людьми, считающими скупку и реализацию старых вещей основным занятием; беседы с людьми творческих устремлений, коллекционерами позволили раскрыть их образ жизни, понять мотивацию и характер работы.

После сбора эмпирических данных (2021-2022, г. Москва) последовали их обобщение и типологизация; благодаря сравнительному анализу выявлялись взаимосвязи и различия между деятельностью современных старьевщиков и их предшественников в дореволюционной России и в СССР.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Длительное пребывание в «профессиональной» среде и неформальное общение с теми горожанами, кто собирает и хранит, скупает и продает подержанное имущество, позволили отметить среди них «домашних», «уличных» и «улично-домашних», то есть идентифицировать по территориальной составляющей их деятельности. Разделение носит условный характер, ведь процесс приобретения (присвоения) может происходить повсюду, но в данном случае важна частота.

«Домашние» старьевщики», как и прежде, работают по одному или в составе артели.

1. «Социальный предприниматель». Часто это группы единомышленников, реализующие социальные бизнес-инициативы. Находясь на пересечении бизнеса и благотворительности, эти проекты призваны решить важные социальные, экологические и культурные проблемы общества. Наиболее известные среди них – «Ночлежка», «Спасибо», «Добрые вещи», «Доктор Лиза», «Милосердие» – действуют в крупных городах России.

Например, реализуя один из проектов в г. Москве, специалисты приезжают по вызову населения, помогая избавиться от ставших ненужными одежды, обуви, сумок, игрушек, спортивного инвентаря и т. п. Также в городе расположены фирменные стационарные приемные пункты и контейнеры для сбора вещей. Механизм их реализации следующий: имущество сортируют и продают оптом; одна часть вырученных средств идет на покупку оборудования для реабилитационных центров Московского региона, другая – на развитие самого проекта. Вещи в отличном состоянии или новые бесплатно выдают нуждающимся через магазины партнеров; вещи с дефектами поступают на вторичную переработку – это ведет к уменьшению «экологического следа» населения города [14].

Таким образом, социальные предприниматели, работающие в этой сфере, – продолжатели традиций тряпичников, но с несколько иными целями и механизмом сбыта продукции.

Следующий тип «домашних» старьевщиков – антиквары; к ним причисляют знатоков и собирателей «предметов старинного искусства, старинных ценных книг и вещей» или же торговцев антиквариатом [15]. Антиквары – своего рода аристократы среди коллег: большинство образованны, респектабельны, материально обеспечены. Работая с антиквариатом (коллекционируя или торгуя), учитывают не только возраст вещей, но и их редкость, художественную или историческую ценность и еще массу показателей.

Здесь мы проводим грань между антикваром-коллекционером и антикваром-торговцем.

2. «Антиквар-коллекционер». В современном мире масс-культуры, когда товары штампуются огромными тиражами, унифицируется само понятие индивидуальности. Поэтому найти то, чего нет у других, крайне сложно. Именно к этому стремятся многие коллекционеры.

Антиквар-коллекционер приобретает вещи на обмен или перепродажу, но чаще всего – для своей коллекции, источниками пополнения которых могут стать предложения от дарителей, обмен с коллегами, специализированные Интернет-ресурсы, аукционы и блошинные рынки. Деятельность антикваров-коллекционеров часто не является их основным средством дохода, носит больше культурно-исторический и культурно-досуговый характер.

Один из самых известных в стране «домашних» любителей старых вещей – А. А. Васильев. Театральный художник, коллекционер предметов моды, историк, писатель рассказывал, что в 1960-е годы городское население при массовых переездах выбрасывало вещи своих предков (мебель, картины и т. д.), представляющие

немалый интерес для антикваров. Мелочевка, по словам коллекционера, доставалась подросткам: «Я был тут как тут: подбирал, чистил, реставрировал». С той поры началось увлечение, переросшее в знаменитую во всем мире коллекцию – пополнить ее предметами своего гардероба многие почитают за честь [16].

3. «Антиквар-торговец». Его интересуют ценные, редкие предметы быта и искусства – вещи советского и дореволюционного периодов, книги («антиквар-букинист»). Существовая на доход от посреднической деятельности, он часто выкупает предметы оптом, сильно занижая цену. Каналы сбыта в основном находит через Интернет. Антиквар-торговец вполне соответствует классическому типу барахольщика прошлого: приобретает старые вещи на дому (реже – на рынках и аукционах) с целью перепродажи, сам занимается реализацией, может работать в составе артели (группы).

Мы познакомились с Е. – молодой пенсионеркой, членом Московского общества коллекционеров. В ходе разговора удалось выяснить, что ее коллекция старинной одежды материальных выгод практически не приносит – это для души. Основной же источник дохода – купля-продажа предметов ушедших эпох.

Е. дает объявления в СМИ и кладет в почтовые ящики домов визитки с указанием оказываемой услуги: «скупка вещей периода СССР и ранее – оптом», «вывозу имущество из Вашей квартиры». Женщина обладает необходимой в таких делах жесткостью, деловой хваткой, предприимчивостью. В то же время экзальтирована, искренне восторгается культурными артефактами, негодует из-за того, что масса редких вещей, важных для нашей исторической памяти, по незнанию владельцев оказывается на свалке. Так, недавно в одной из квартир, куда Е. пригласили для разбора хлама, она заметила старую шубку, уже приготовленную к утилизации. Женская шубка оказалась раритетом 1920-х годов в хорошем состоянии. По словам Е., она «приобрела это чудо и долго любовалась», а потом «отпустила» дальше. В основном продажа осуществляется через Интернет-аукционы, сайты объявлений и социальные сети, где у Е. несколько тысяч подписчиков. Сама себя Е. идентифицирует именно со старьевщицей, очень любит свое дело, находит его интересным и творческим.

4. «Накопитель поневоле» (бытовое «затоваривание»). Человек на протяжении жизни приобретает или принимает в дар массу интересных вещей и полезных предметов – со временем происходит бытовое «затоваривание». Накопительство здесь не носит болезненный характер, если владелец способен критически отнестись к проблеме.

Мы поговорили с тремя «домашними» собирателями. Все они – пенсионеры, накопившие за долгую жизнь большое имущество. Ситуацию в общих чертах характеризуют так: «Не знаю, куда деть! Выкинуть жаль – вещи недешевые. Можно подарить, но некому, а продавать не умею (не привык, стыдно)». А главное, «жизнь приучила не выбрасывать».

Часто вопрос излишков решается с посторонней помощью (можно обратиться к социальным предпринимателям, специализирующимся на вывозе излишков).

Отметим, что в раздел «домашнего» приобретения вещей не вошло ситуативное получение (находка) жителями имущества, специально оставляемого в подъездах

соседями по дому. Явление это хоть и массовое, но напоминает скорее дарение в кругу знакомых.

«Уличные старьевщики». В советское время (вплоть до начала 1970 годов) люди, живущие за счет перепродажи старья, ходили в основном по квартирам и домам, реже – искали в мусорных баках и на свалках. Сегодня, в эпоху перепроизводства и сверхпотребления, немало ценных вещей можно найти как раз на улице – в мусоре. Как и в былые времена, трофеи «охотников» зависят от сезона (зимой горожане массово выкидывают не порадовавшие их новогодние подарки, ближе к лету – перебирают нательные вещи, ремонтируют жилье и т. д.).

Общеизвестно, что в СССР население жило достаточно экономно – на помойку что-либо отправлялось в самом крайнем случае. Но уже в 1990-е годы, а тем более начиная с 2000-х, там находили и крепкую мебель, и добротную кухонную утварь, и новую одежду.

5. **«Нищий»** (способ ухода от нищеты и бедности). В эту категорию могут быть отнесены лица, именуемые маргинальными. По нашим наблюдениям, разница между «уличным» старьевщиком, нищим и пьющим, нищим и отсидевшим срок, безработным и т. д. часто нивелируется. «Нищих» в этом контексте можно соотнести с «крючочниками» прошлых столетий – самой низкой ступенькой ремесла.

С., 38 лет, живет с тремя детьми-школьниками и мужем, который лишился работы после тяжело перенесенного инсульта. Сама С. иногородняя, выросла в детском доме. Некоторое время назад вышла из колонии, куда попала «по глупости». Подрабатывает от случая к случаю уборщицей. Не пьет. Сетует, что люди, выходя из зоны, практически лишены возможности устроиться на работу, да и в целом, механизм их реабилитации не продуман государством. Пособия на детей и мужа-инвалида уходят на аренду комнаты. В «салатницах» (так уличные собиратели называют мусорные баки) несколько раз в неделю С. разыскивает вещи и еду для семьи. Благодаря списанным продуктам, которые некоторые магазины выбрасывают, минуя специальную утилизацию, семья С., по ее словам, получила возможность питаться «вдоволь и дорого».

С. знает, что ее занятие считается в обществе непrestiжным или осуждается, но говорит, что ей «все равно».

6. **«Экономный»** (экономия как стиль жизни). За два года мы встретили десять человек (среди них трое мужчин), которых причислим к категории экономных. Все они пенсионного или предпенсионного возраста, в финансовом плане относительно благополучны – многие работают или подрабатывают. Одеваются чисто и аккуратно.

Н., 65 лет. Трудится уборщицей в государственной организации. Живет в семье замужней дочери. Как-то давно увидела выброс списанных продуктов из магазина и попросила часть у работника. С тех пор ходит по разным мусорным точкам (5-6 раз в неделю). Когда не успевает к моменту выброса, достает продукты палкой с крюком прямо из мусорных баков. Зная это, дочь из-за брезгливости купила Н. отдельный холодильник.

Пенсионерка сильно огорчается из-за валяющегося в мусоре хлеба. «Я послевоенный ребенок, не могу на такое смотреть. Лучше сухари сделаю или для птиц

возьму!» Также она берет на помойках наиболее полезные в хозяйстве вещи. Но не продает их (не умеет), а раздает родственникам, друзьям, знакомым. Из последних находок – около сотни новых пакетов для заморозки продуктов. Вместительные, удобные – они быстро разошлись среди ближнего круга Н.

Женщина смирилась и с неодобрением в семье, и с осуждающими взглядами прохожих. Хотя и чувствует себя неловко, но изменить увлечению не может. По ее словам, причина уличного занятия кроется в «желании сэкономить» и «привычке к дармовому».

7. *«Вторсырьевицк»* (вторсырье как источник дополнительного дохода). Лица, занимающиеся исключительно поиском и реализацией вторичного сырья (картона, металла, реже – пластика). Как правило, это трудовые мигранты из бывших союзных республик. Так, Н-м. работает дворником, найденный металл сдает на вторичную переработку, при этом следит за изменениями цены, подгадывая под период высоких цен. Н-м. радуется, что «каждый год после недели Масленицы люди выкидывают много сковородок». Согласился с автором, что «в моде минимализм, поэтому многим людям проще к следующему сезону купить новую сковороду, чем хранить ее год».

Иногда в мусорных баках Н-м. находит старинные книги, открытки, но, не зная их истинную ценность, сдает в макулатуру. Помимо заработной платы, которую мигрант отправляет жене в Таджикистан, сбор вторсырья – неплохой источник дополнительного дохода.

8. *«Мелко торговец»* (независимая розничная торговля). А., 47 лет – профессионал со стажем. По его словам, всю жизнь занимался деятельностью, не требующей больших усилий (работал сторожем, вахтером). Старьевничеством заинтересовался случайно около 20 лет назад, когда у мусорных баков начал находить «интересные вещицы». Через некоторое время оставил работу в госучреждении и переключился на сбор, сортировку и продажу найденного, сделав это основным доходом. Специализируется на мусорных баках (контейнерах).

Найденные вещи А. раньше продавал на блошином рынке, а теперь выставляет в Интернете на сайтах бесплатных объявлений, реже – на аукционах. На одном из Интернет-ресурсов имеет профессиональный аккаунт – сейчас в продаже там около 2000 вещей, еще больше ждут своего часа.

Занятие, по словам А., очень расширило его кругозор, сделало эрудитом, ведь «найденную вещь необходимо атрибутировать, оценить, сфотографировать и дать верное описание». Мужчина хранит найденные вещи в квартире, гараже (есть старенький отечественный автомобиль) и на дачном участке.

Наш интервьюер следит за общемировой повесткой дня – интересуется политическими и экономическими новостями. «Не шикует, но своей жизнью доволен». Большим плюсом считает независимость от традиционных рабочих отношений, от «обязаловки». Не без гордости называет себя «санитаром леса», имея в виду общественно-полезную функцию занятия. За один «обход по маршруту», который приравнивается к охоте, мужчине удастся обойти до 20 мусорных точек. Частота походов «за трофеями» – 6-7 раз в неделю по 2-3 часа.

Описанный образ жизни олицетворяет традиционную форму свободного нищенствования, когда «улов» собирателя зависел только от удачного стечения обстоятельств, а сам он трудился лишь себе во благо.

Следующая категория – *«улично-домашний» любитель старых вещей*. Речь идет о тех, кто находит, приобретает вещи как в квартирах (домах), так и на улице.

9. *«Профессионально заинтересованный»*, он же *«увлеченный»*. Профессиональный интерес нередко приводит к «уличной деятельности» людей творческих специальностей. Фотографы, декораторы ищут на помойках реквизит для съемок и креативных проектов; художники-живописцы – предметы для натюрмортных постановок; у реставраторов, дизайнеров – тоже свой, специальный интерес. Там же могут «отовариваться» умельцы-ремесленники и люди с разнообразными творческими увлечениями (например, популярен апсайклинг – работы из использованных материалов).

А-р. – в прошлом краснодеревщик и специалист по реставрации мебели. Сейчас он на пенсии и работает для души, в частности регулярно «спасает» на помойках стулья, а затем дает им «вторую жизнь». Нередко и малознакомые люди отдают ему ставшую ненужной мебель, но, если А-р. отказывается, просто выносят ее на свалку.

А-р. жалеет, что владельцы раритетов, доставшихся им от прошлых поколений, далеки от искусства и не хотят вникнуть в ценность артефактов, поэтому даже значительные произведения нередко оказываются утраченными, если вовремя не попадут к коллекционерам. Из недавних уличных находок пенсионер называет три стула Антонина Шумана – знаменитого чешского дизайнера 1960-х годов. Стоимость одного неотреставрированного стула этой модели на европейском аукционе начинается с тысячи евро. Поэтому А-р. очень рад удаче: «и стулья спас, и денежка будет!»

10. *«Идейный»*. К этой категории причислены «собиральщики», движимые значимыми для общества идеями; часто это гипертрофированное уважение человеческого труда или решимость позаботиться о сохранении природной среды.

Нам встретилось несколько людей пенсионного и предпенсионного возраста, воспитанных в духе идей К. Маркса, в которых под ценностью продукта подразумевается квинтэссенция труда человека. Именно для этих людей, выросших в годы дефицита, наиболее трудным стало потребление как стиль жизни. Они определенным образом представляют себе цену вещи – не на ценнике, а в эквиваленте трудозатрат. Отсюда – благоговейное уважение к труду как к одной из высших общечеловеческих ценностей.

Многие дети советских людей были воспитаны в том же ключе, потому сегодня среди поколения 40–50-летних убеждения пенсионеров о недооцененности труда находят живой отклик.

Идеи сохранения природной среды актуализируются людьми молодыми – до 30 лет. Один из известных экологических законов Б. Коммонера сформулирован так: «Все должно куда-то деваться». Поэтому, в силу активной экологической позиции развитого экологического сознания, молодежь не может позволить себе «выкинуть вещь в никуда», зная, что это навредит нашей планете.

Мы познакомились с В., 30 лет, которая выставляет на сайтах бесплатных объявлений необычные вещи и материалы. Например, отдает даром (или за символическую плату) коробочки-ячейки от яиц, пустые баночки от крема, пластиковые упаковки от йогуртов, засохшие букеты цветов, клипсы от хлебобулочных изделий, то есть все то, что мы привыкли выкидывать, не задумываясь. По словам В., она уверена, что многое из того, что идет в мусорный бак, пригодилось бы для творчества или бытовых нужд. На популярном сайте объявлений у В. сотня подписчиков и масса благодарностей от покупателей.

В категорию «идейных» отнесем и фриганов – тех, кто по морально-этическим принципам старается не покупать продукты и вещи, а добывает их бесплатно на свалках, в мусоре и т. д. Это называется «спасением» продуктов и вещей. Современные фриганы – молодые люди 20–30 лет, которые в более позднем возрасте так же демонстрируют активную общественную позицию, но выражать ее могут иначе: выступают с лекциями в защиту природы, становятся членами экологических организаций и т. д.

В «классическом» фриганстве речь не идет об экономии – здесь задачи иные: использовать минимальное количество ресурсов, ослабить «машину перепроизводства», разрушить сформировавшееся потребительское отношение к окружающей среде. Между тем А. В. Соколова на основании проведенного исследования российского движения фриганов и интервью с отдельными его представителями полагает, что «фриганизм дошел до России в модифицированной форме: многие «фриганы» (если таких активистов можно к ним причислить) ищут товары, только чтобы сэкономить в условиях относительной бедности» [8, с. 138].

Нередко приходилось наблюдать фриганов «за работой»: молодых людей не интересует грязный бытовой мусор – они приходят прицельно к «выбросам» из магазинов и предприятий общественного питания. В одной популярной социальной сети мы насчитали более десятка групп фриганов, ежедневно предлагающих нуждающимся бесплатные продукты и вещи: «трофеи» берут с запасом, если предполагают ими поделиться.

11. *«Склонный к болезненному накопительству»* (также синдром Плюшкина, хоардинг, диспозофобия, силлогомания). Речь идет о патологическом накоплении – нежелании выбрасывать или расставаться с ненужными вещами, мусором, приводящими к захламлению жилища. К болезненному накопительству причисляют:

- «пригодизм» – когда человек в большом количестве несет в жилище разные предметы, считая, что они рано или поздно пригодятся в хозяйстве;

- «приобретение большого количества животных» в виде «коллекционирования» бездомных кошек или собак;

- «винтажизм» – чрезмерное приобретение предметов различных эпох;

- «консервизм» – страсть к сохранению продуктов путем консервирования сверх меры;

- «сентиментализм» – «тщательный сбор и хранение в течение длительного времени всех предметов, напоминающих об ушедшем дорогом человеке» [10];

– «псевдоколлекционирование» – собирание непригодных вещей, захламляющих жилище [12].

В последнее десятилетие распространилось цифровое накопительство, которое также причисляется к патологическому накоплению (хоардингу) [11].

Однако следует различать пустое накопительство и коллекционирование. Как считает Г. Чассон, доцент психологии Иллинойского технологического института, «коллекционирование обычно вызывает чувство гордости и положительные эмоции, в то время как накопительство, как правило, связано со стрессом и дезорганизацией» [17].

Каждая из представленных моделей потребительского поведения сформирована под влиянием различных факторов. Было установлено, что, помимо возможной финансовой составляющей, важным стимулом деятельности «домашних» старьевщиков является общественная среда, включая социальные группы и статусы, к которым они стремятся или относят себя.

У «уличных» собирателей в большинстве случаев решающими стали экономические факторы: уровень доходов, цены на реализуемое и т. д.

В категории «улично-домашних» на первый план вышла психологическая составляющая модели поведения: восприятие мира, мировоззрение, направленность личности.

Традиционной, общепринятой трактовке понятия «старьевщик» наиболее отвечают:

– «социальный предприниматель» (с некоторыми оговорками, касающимися цели и содержания работы),

– «антиквар-торговец», «вторсырьевщик», «мелкотоговец» – здесь приобретение и реализация товара служат основой деятельности, а сам ее механизм отлажен веками.

Разговорному употреблению понятия соответствуют: «антиквар-коллекционер», «накопитель поневоле», «профессионально заинтересованный», «идейный», «склонный к болезненному накопительству», «нищий», «экономный». Эти категории людей скорее собирают и хранят старое имущество, чем продают его.

Автор допускает, что не были учтены еще какие-либо типы «специалистов по подержанным вещам», а значит, изучение темы продолжится.

Заключение. Феномен старьевничества рассматривается учеными в связи с его экологической составляющей, ввиду изучения психологических, социальных, правовых и медицинских аспектов, при исследовании специальных (профессиональных) навыков. Условное деление на «домашних», «уличных» и «улично-домашних» позволило соотнести современных старьевщиков с предшественниками (в наиболее изученном временном промежутке с XIX в. по 1970 годы XX в.). Констатируем, что содержание деятельности за прошедшие десятилетия существенно не изменилось: это приобретение (присвоение) и последующая продажа предметов материальной культуры (от самых дешевых, рожденных повседневным спросом, до весьма дорогих артефактов прошлого).

Современные реалии внесли коррективы в сложившийся веками механизм реализации приобретенного (купленного или найденного): возможна самостоятельная

продажа товара не только на блошиных рынках, но и через стационарные магазины, складские помещения, через знакомых или пункты приема вторичного сырья. Значимую роль в реализации играет реклама в СМИ, включая Интернет (специализированные сайты, доски объявлений, социальные сети). При этом, как и раньше, небольшая часть вещей остается владельцу, основная – идет на продажу, а самая малая – в дар. Однако это не относится к артелям (группам), занятым в социальном предпринимательстве, где механизм распределения может быть принципиально иным.

Довлеющая потребительская идеология, поддерживаемая производителями и другими заинтересованными в ней лицами, ведет к быстрому обесцениванию и устареванию вещей, усугубляет неблагоприятную экологическую обстановку. Реализуя модель циклической экономики, старьевничество способствует устранению негативных последствий сверхпотребления в обществе, в том числе:

- возвращает практически утраченные вещи в систему ценностно значимых для человека категорий и дает им возможность максимально выработать свой ресурс;
- содействует сохранению и адресному распределению артефактов прошлого, несущих историко-культурную информацию новым поколениям;
- снижает излишнюю нагрузку на окружающую природную среду, уменьшая экологический след человека.

На этом основании специфической особенностью деятельности можно считать ее территориальность («жилище» или «улица» / «жилище и улица») и экономико-социокультурную амбивалентность.

Список литературы

1. Ермолаева Ю. В. Мусорособиратели: вредный труд, необходимый обществу // Химия и жизнь. 2013. № 8. С. 28–33.
2. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. 1084 с. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/249902/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D1%89%D0%B8%D0%BA?ysclid=lgjw2oj42i348906567>
3. Сильги К. История мусора: от средних веков до наших дней / Пер. с фр. И. Васюченко, Г. Зингера. М.: Текст, 2022. 288 с. URL: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/220131-katrin-silgi-istoriya-musora.html>
4. Кокорев И. Т. Москва сороковых годов. Очерки и повести о Москве XIX века. М.: Московский рабочий, 1959. 280 с.
5. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. Минск: Народная асвета, 1981. 350 с.
6. Intersectionality in Intractable Dirty Work: How Mumbai Ragpickers Make Meaning of Their Work and Lives / D. A. Shepherd, S. Maitlis, V. Parida, J. Wincent, T. B. Lawrence // Academy of Management Journal. 2022. Vol. 65, no 5. Pp. 1680–1708. URL: <https://doi.org/10.5465/amj.2019.0125>
7. Modelling ragpickers' productivity at the bottom of the pyramid: the use of artificial neural networks (ANNs) / N. Johnson, S. Prasad, A. Vahedian, N. Altay, A. Jain // International journal of operations & production management. 2022. Mar 29. Pp. 552–576. DOI: 10.1108/IJOPM-01-2021-0031
8. Соколова А. В. Взаимосвязь феномена фриганства и циклической экономики // Телескоп. 2021. № 3. С. 133–138.
9. Нарский И. В. Анонимная жизнь, анонимная смерть, анонимные вещи: о блошином рынке и вторичной материальности // Вестник Пермского университета. Сер. История. 2019. № 1 (44). С. 101–113.

10. Иванова Т. И. Синдром Плюшкина: причины, стадии развития, симптомы и лечение болезни // Depressio.ru. URL: <http://depressio.ru/drugie-bolezni/manii/750-sindrom-plyushkina.html> (дата обращения: 06.05.2023).

11. Литвинцев Д. Б. Иррациональное экономическое поведение в условиях трансформации социально-экономической системы // Актуальные вопросы архитектуры и строительства: материалы XIII Международной научно-технической конференции. Новосибирск, 22–24 сентября 2020 г. Новосибирск: Сибстрин, 2020. С. 337–342.

12. Наумова Е. Ю. Патологическое накопительство как психическое расстройство в зрелом возрасте // Лучшая студенческая статья 2018: сборник статей XVIII Международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 20 декабря 2018 г. / Под ред. Г. Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. Ч. 1. С. 217–219.

13. Диагностика и терапия расстройств обсессивно-компульсивного спектра в общей медицинской и неврологической практике / Д. С. Петелин, А. Н. Гамирова, О. Ю. Сорокина, Д. В. Трошина, С. А. Семин, М. Ш. Болтуева, Б. А. Волель // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2023. № 15 (2). С. 98–105. DOI 10.14412/2074-2711-2023-2-98-105

14. Dobrove.ru. URL: <https://dobrove.ru/?ysclid=liaviwp4wr411705017> (дата обращения: 06.05.2023).

15. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Полиграфресурсы, 1999. Т. 1. 702 с. URL: <https://lexicography.online/explanatory/mas/?ysclid=liglaih44r733738426>

16. Мирошкин А. Раритеты с блошиного рынка. Александр Васильев о семье, моде и истоках своей коллекции // НГ exlibris. URL: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-04-11/14_978_vasilev.html?ysclid=lhcje4tzi791002524%C2%BB (дата обращения: 06.05.2023).

17. Delete Never: The Digital Hoarders Who Collect Tumblrs, Medieval Manuscripts, and Terabytes of Text Files. Gizmodo.com. URL: <https://gizmodo.com/delete-never-the-digital-hoarders-who-collect-tumblrs-1832900423> (дата обращения: 06.05.2023).

Авторская справка

КИРЕЕВА Олеся Андреевна – кандидат педагогических наук, директор Некоммерческого партнерства «Творческий центр «Доверие», г. Москва, Россия. E-mail: ekotvorec@yandex.ru

UDC 316.4

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.73

PORTRAITS-TYPES OF URBAN JUNK DEALERS OF OUR DAYS

O. A. Kireeva

Non-profit partnership Creative Center «Trust», Moscow (Russia)

Introduction. The article is intended to systematize the existing knowledge about modern urban junk dealers, whose occupation goes back to the deep past. There are more and more people who daily come into contact with old things and objects, including for the sake of earning money. However, this phenomenon as an object of scientific research rarely enters the field of view of domestic scientists.

Methods. Qualitative methods: participant observation and in-depth interviews made it possible to draw up portraits of those people who can objectively be classified as junk dealers. The method of typology allowed to generalize the obtained data. Comparative analysis helped to identify the specifics of the activities under discussion and compare them in different historical periods.

Results. Based on the modern interpretation of the definition of «junk dealer», a wide range of people were included in them, and the following types were identified: «home» – whose activities are stimulated by the social environment («social entrepreneur», «antique collector», «antique dealer», «accumulator involuntarily»); «street» – with prevailing economic factors («recycler», «small trader», «beggar», «thrifty»); «street-home» – with an important psychological component of the behavior model («professionally interested» or

«enthusiastic», «ideological», «prone to morbid hoarding»). In comparison with the pre-revolutionary and Soviet historical periods, the content of the activities of Russian junk dealers remained the same: this is the acquisition (appropriation) and possible resale of objects of material culture. The mechanism of sale, which has developed over the centuries, has also hardly changed: there is an independent sale at flea markets, through stationary stores, warehouses, collection points for secondary raw materials, and thanks to personal connections. However today a significant role is assigned to advertising in the media, including the Internet (specialized sites, bulletin boards, social networks).

Conclusion. Urban junk dealers are people with different financial capabilities, «professional» needs and models of economic behavior; significant factors that determine the specifics of their activities are economic and sociocultural ambivalence, territoriality: «dwelling» or «street» / «dwelling and street». By implementing the model of a circular economy, junk dealers of the conflict eliminate the negative consequences of overconsumption in society.

Keywords: junk dealers, junk shop, rag-picker, hoarding, antiquary, collector, recyclables, cyclical economy, resale.

References

1. Ermolaeva Yu. V. Musorosobirately: vrednyy trud, neobkhodimyy obshchestvu. *Khimiya i zhizn'* [Chemistry and life]. 2013. No. 8. Pp. 28–33. (In Russian).
2. Efremova T. F. Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy [New dictionary of the Russian language. Explanatory derivational] Moscow, Rus.yaz., 2000. Vol. 2. 1084 p. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/249902/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%80%D1%8C%D0%B5%D0%B2%D1%89%D0%B8%D0%BA?ysclid=lgjw2oj42i348906567> (accessed 06.05.2023). (In Russian).
3. Sil'gi K. Istoriya musora: ot srednikh vekov do nashikh dnei [Histoire Des Homes Et De Leurs Ordures Du Moyen Age A Nos Jours] transl. by I. Vasyuchenko, G. Zinger. Moscow, Tekst, 2022. 288 p. Available at: <https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/istoriya/220131-katrin-silgi-istoriya-musora.html>
4. Kokorev I. T. Moskva sorokovykh godov. Ocherki i povesti o Moskve XIX veka [Moscow of the forties. Essays and stories about Moscow of the 19th century]. Moscow, URSS Publ., Moskovskiy rabochiy, 1959. 280 p. (In Russian).
5. Gilyarovskiy V. A. Moskva i moskvichi [Moscow and Muscovites]. Minsk, URSS Publ., Narodnaya asveta, 1981. 350 p. (In Russian).
6. Shepherd D. A., Maitlis S., Parida V., Wincent J., Lawrence T. B., Intersectionality in Intractable Dirty Work, How Mumbai Ragpickers Make Meaning of Their Work and Lives. *Academy of Management Journal*. 2022. Vol. 65, no. 5. Pp. 1680–1708. Available at: <https://doi.org/10.5465/amj.2019.0125>
7. Johnson N., Prasad S., Vahedian A., Altay N., Jain A. Modelling ragpickers' productivity at the bottom of the pyramid: the use of artificial neural networks (ANNs). *International journal of operations & production management*. 2022, Mar 29. Pp. 552–576. DOI: 10.1108/IJOPM-01-2021-0031
8. Sokolova A. V. Vzaimosvyaz' fenomena friganstva i tsiklicheskoy ekonomiki. *Teleskop* [Teleskop]. 2021. No. 3. Pp. 133–138. (In Russian).
9. Narskiy I. V. Anonimnaya zhizn', anonimnaya smert', anonimnye veshchi: o bloshinom rynke i vtorichnoy material'nosti. *Vestnik Permskogo universiteta, Seriya Istoriya* [Bulletin of the Perm University, Series: history]. 2019. Vol. 44, no 1. Pp.101–113. (In Russian).
10. Ivanova T. I. Cindpom Plyushkina: ppichiny, ctadii pazvitiya, cimptomyy i lechenie bolezni. *Depressiya.ru* [Depressio.ru]. Available at: <http://depressio.ru/drugie-bolezni/manii/750-sindrom-plyushkina.html> (accessed 6 May 2023). (In Russian).
11. Litvintsev D. B. Irratsional'noe ekonomicheskoe povedenie v usloviyakh transformatsii sotsial'no-ekonomicheskoy sistemy [Irrational economic behavior in the context of the transformation of the socio-economic system]. Aktual'nye voprosy arkhitektury i stroitel'stva: Materialy KhIII Mezhdunarodnoy nauchno-tekhnicheskoy konferentsii. Novosibirsk, 2020. Pp. 337–342. (In Russian).

12. Naumova E. Yu. Patologicheskoe nakopitel'stvo kak psikhicheskoe rasstroystvo v zreloem vozraste [Pathological hoarding as a mental disorder in adulthood]. Luchshaya studencheskaya stat'ya 2018: sbornik statey XVIII Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. Nauka i Prosveshchenie. Penza, 2018. Ch.1. Pp. 217–219. (In Russian).

13. Petelin D. S., Gamirova A. N., Sorokina O. Yu., Troshina D. V., Semin S. A., Boltueva M. Sh., Volel' B. A. Diagnostika i terapiya rasstroystv obsessivno-kompul'sivnogo spektra v obshchemeditsinskoy i nevrologicheskoy praktike. *Nevrologiya, neyropsikhiatriya, psikhosomatika* [Neurology, neuropsychiatry, psychosomatics]. 2023. Vol. 15, no 2. Pp. 98–105. DOI 10.14412/2074-2711-2023-2-98-105

14. Dobrove.ru. Available at: <https://dobrove.ru/?ysclid=liaviwp4wr411705017> (accessed 6 May 2023). (In Russian).

15. Slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t. [Dictionary of the Russian language: In 4 volumes]. Moscow, Poligrafresursy, 1999. T. 1. 702 p. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/mas/?ysclid=liglaii44r733738426> (accessed 6 May 2023). (In Russian).

16. Miroshkin A. Raritety s bloshinogo rynka. Aleksandr Vasil'ev o sem'e, mode i istokakh svoey kolleksii. *Novaya gazeta ekslibris* [New Newspaper exlibris]. Available at: https://www.ng.ru/ng_exlibris/2019-04-11/14_978_vasilev.html?ysclid=lhcje4ztzi791002524%C2%BB (accessed 6 May 2023). (In Russian).

17. Delete Never: The Digital Hoarders Who Collect Tumblrs, Medieval Manuscripts, and Terabytes of Text Files. *Gizmodo.com*. Available at: <https://gizmodo.com/delete-never-the-digital-hoarders-who-collect-tumblrs-1832900423> (accessed 6 May 2023).

Author's Bio

KIREEVA Olesya Andreevna – Candidate of Pedagogy, Director of the Non-profit partnership Creative Center «Ttrust», Moscow, Russia. E-mail: ekotvorec@yandex.ru

Библиографическая ссылка

Киреева О. А. Портреты-типажи городских старьевщиков наших дней // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 73–89. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.73

УДК 484.6

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.90

ВЛИЯНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ НА СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТУРИСТИЧЕСКИХ УСЛУГ

Н. А. Зюляев

Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола (Россия)

Введение Мировой туризм постепенно восстанавливается после отмены антиковидных ограничений. В 2022 году было совершено 917 млн туристических прибытий, что составило 63 % от допандемийного уровня. Постепенное восстановление туризма в новых геополитических условиях происходит и в России, его драйвером является внутренний туризм. В статье рассматривается влияние геополитических рисков на спрос и предложение туристических услуг.

Методы. В исследовании использованы общелогические, эмпирические и статистические методы. Информационной базой для исследования послужили научные статьи зарубежных и российских ученых, официальная статистика Всемирной туристической организации Федеральной службы государственной статистики России.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В статье отмечается, что геополитические риски привели к фрагментации единого мирового туристического рынка на рынки дружественных и недружественных стран. Закрытие российского воздушного пространства для авиакомпаний из недружественных стран увеличило полетное время и стоимость полета из Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Отмена многими авиакомпаниями прямых авиарейсов в Россию, усложнение получения Шенгенских виз и использование международных банковских карт привели к изменению спроса россиян на выездной туризм, а иностранных граждан – на поездки в Россию. В спросе россиян на выездной туризм повысилась доля стран ближнего зарубежья и Ближнего Востока, а доля европейских стран снизилась. Называются причины сокращения въездного туризма в нашу страну.

Отмечается, что запрет россиянам на въезд в Польшу, Финляндию, Чехию и страны Балтии привел к потере российских туристов, особенно в Финляндии и странах Балтии, где значительную долю среди иностранных туристов занимают россияне, которых в сложившихся условиях невозможно компенсировать туристами из других стран.

Усложнение логистики путешествия, оплаты туристических услуг за рубежом повысили роль туроператоров на туристическом рынке, организованного туризма. В статье представлены глобальные изменения на рынке бронирования отелей после ухода с российского рынка агрегатора Booking com.

Геополитические риски не только изменяют спрос на туристические услуги, но и ведут к избыточному их предложению.

Заключение. Делается вывод о фрагментации единого мирового туристического рынка на рынки дружественных и недружественных стран, что отражается на спросе россиян на зарубежные поездки, а иностранных граждан – на путешествие в Россию.

Закрытие воздушного пространства России для авиакомпаний из недружественных стран увеличило полетное время и стоимость перелета из европейских стран в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Усложнение логистики путешествий и оплаты туристических услуг за границей банковскими картами российских банков повысило интерес россиян к работе туроператоров, что привело к росту организованного туризма.

Уход с российского рынка агрегатора Booking com привел к глобальным изменениям на рынке бронирования отелей.

Геополитические риски изменили не только спрос на туристические услуги, но и привели к избыточному предложению этих услуг.

Ключевые слова: геополитические риски, санкции, количество туристов, спрос на туристические услуги, предложение туристических услуг, туристические поездки.

Введение. Жизнь современного человека немыслима без путешествий, позволяющих ему не только восстановить свою работоспособность, но и познать этнокультурное и социальное пространство. Развитие туризма сегодня стало индикатором благосостояния общества. Как известно, в 2020-2021 годах международный туризм развивался в условиях, вызванных пандемией COVID-19, которые привели к изменениям не только в образе жизни и социально-психологическом состоянии человека, но и поиску новых бизнес-моделей туристической деятельности [1, с. 15].

В 2022 году эпидемиологическая обстановка улучшилась, и большинство стран мира постепенно отменили различные ограничения на туристические поездки. Стали возобновляться авиасообщения, что привело к увеличению количества туристических прибытий на 5,7 % по сравнению с предыдущим годом. Рост туристической активности отмечен во всех регионах мира, и общее количество иностранных туристов достигло 917 млн человек (63 % допандемийного уровня), что свидетельствовало о реализации огромного отложенного спроса на туристические поездки. Наилучшее восстановление туризма отмечено на Ближнем Востоке (83 %) и в Европе (79 %) за счет внутрирегиональных поездок, а наихудшее – в Азиатско-Тихоокеанском регионе (33 %) из-за жестких антиковидных ограничений в Китае [2] (рис. 1).

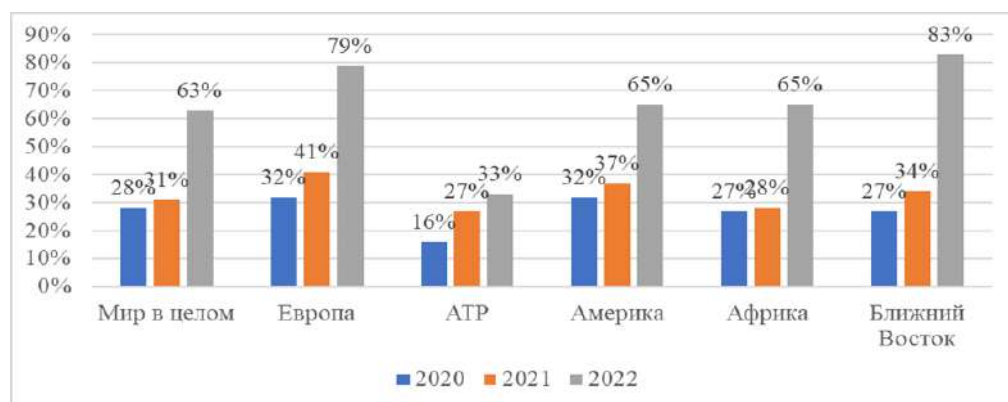


Рис. 1. Динамика восстановления международного туризма в 2020–2022 годах (2019 г. = 100 %)

Источник: UNWTO. World Tourism Barometer. Vol. 21. Iss. 1. January 2023, расчеты автора

В Российском союзе туриндустрии считают, что страна находится в общем тренде постепенного восстановления туризма, драйвером которого стал внутренний туризм, достигший 90 % допандемийного уровня. Это обусловлено государственной поддержкой этого вида туризма и отменой авиасообщений с рядом зарубежных стран, популярных у россиян [3, с. 79]. Восстановление въездного и выездного туризма происходит медленнее (рис. 2).

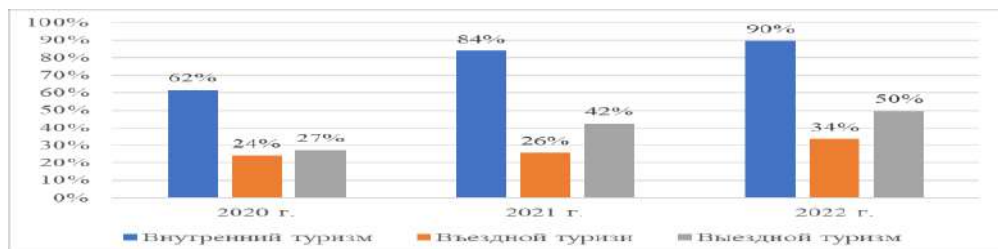


Рис. 2. Динамика восстановления внутреннего, въездного и выездного туризма в России в 2020–2022 годах (2019 г. = 100 %)

Источник: данные Росстата [4], расчеты автора

Туристическая отрасль подвержена влиянию множества экзогенных (геополитических, демографических, экономических, социально-культурных, эпидемиологических, климатических) факторов, различающихся по степени и направленности воздействия. По мнению Генерального секретаря UNWTO Зураба Пололикашвили, на неуклонное восстановление международного туризма существенно влияют имеющиеся геополитические проблемы [5]. По мнению экспертов Ассоциации туроператоров России, сложившийся геополитический кризис гораздо сложнее пандемии, поскольку ограничения коснулись не только всей цепочки предоставления туристических услуг, но и финансовых взаимоотношений между субъектами туристической отрасли.

Цель данной статьи – исследовать влияние геополитических рисков на спрос и предложение туристических услуг как на глобальном уровне, так и на туризм в России, оказавшейся в центре геополитических рисков.

Методы исследования. В работе использовались общелогические (анализ, синтез), эмпирические (наблюдения, измерения) и статистические (группировка, индексы) методы.

Общелогические методы позволили в общем туристическом потоке выделить отдельные их направления, эмпирические методы – получить достоверные факты и новые знания о состоянии и тенденциях развития туризма в современных геополитических условиях, а статистические методы – оценить влияние геополитических рисков на мировой туризм в целом и в отдельных странах в частности.

Информационной базой для исследования послужили официальные данные и отчеты Всемирной туристической организации (UNWTO), Федеральной службы государственной статистики (Росстат), аналитические материалы Ассоциации туроператоров России (АТОР), Российского союза туриндустрии (РСТ), научные статьи зарубежных и российских ученых.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В XXI веке происходит дальнейшее усиление глобализации, которое вместо гармонического взаимодействия и справедливости между странами и народами фактически привело к доминированию интересов коллективного Запада и однополярности мира, со всеми вытекающими из этого противоречиями. В связи с этим возникла тенденция полярно-многополярных концентраций западных и незападных аттракторов в

мире, увеличился рост рисков их противостояния за лучшие геополитические статусы в новом мире [6].

Проблемы геополитических рисков исследуются российскими и зарубежными учеными. Российские ученые И. Б. Эжиев [7, 8], А. В. Юдин [9], В. В. Глущенко [10] рассмотрели сущность, виды и функции геополитических рисков, факторы их возникновения и последствия.

Обзор зарубежных научных статей по проблемам геополитических рисков в туризме дан в статье Giray Gozgor G., Marco Chi Keung Lau M. C. K., Y. Zeng, Y. Cheng, Z. Lin [11]. Основное внимание зарубежные ученые уделили негативному влиянию геополитических рисков на количество иностранных туристов (E. Demir, G. Gozgor, S. R. Paramati [12]; F. Balli, G. S. Uddin, S. J. H. Shahzad [13]; Tiwari Das и Dutta [14]), доходы от туризма (Alola, Cop and Adewale [15]). При этом они отмечают, что геополитические риски незначительно влияют на страны с популярными туристическими направлениями.

Геополитический риск – это вероятность возможного возникновения на региональном или глобальном уровне неблагоприятных последствий, вызванных определенными действиями правительств или других субъектов и направленных на получение собственной выгоды. Этот риск является функцией возрастающего числа взаимозависимых событий в мире между отдельными странами и народами и может возникать при следующих условиях:

- ухудшение взаимоотношений между странами;
- развертывание военных действий;
- изменение расстановки политических сил;
- нарушение международных политических соглашений;
- утрата суверенитета и политического имиджа;
- снижение национальной безопасности и т. д.

Для измерения геополитических рисков Caldar и Iacoviello в 2018 г. предложили использовать индекс геополитического риска (GPR index), рассчитываемый ежемесячно методом контент-анализа статей, опубликованных в ведущих национальных и международных изданиях по проблеме геополитической напряженности, деленное на общее количество статей [16].

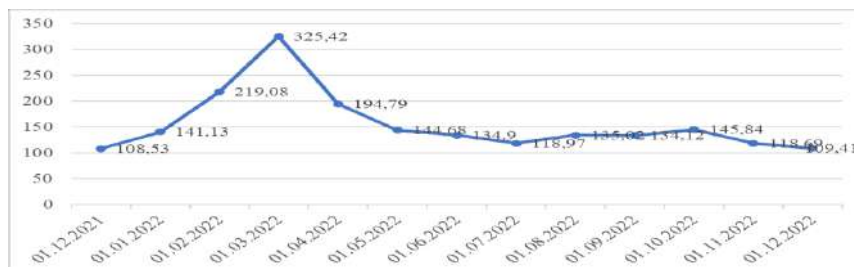


Рис 3. Динамика GPR index в 2022 году
Источник: Economics Policy Uncertainty [17]

Мониторинг динамики этого индекса риска свидетельствует о том, что геополитические риски в 2022 г. были выше, чем в предыдущем году, а максимального значения достигли в марте, когда началась специальная военная операция России на Украине, направленная на защиту национальной безопасности в связи с угрозой непосредственного приближения военной инфраструктуры НАТО к границам нашей страны (рис. 3). В ответ на эту операцию коллективный Запад ввел беспрецедентное количество санкций, среди которых на развитие туризма повлияли:

- запрет американским и европейским авиакомпаниям на полеты в Россию, а российским авиакомпаниям – на полеты в страны коллективного Запада;
- зеркальное закрытие Россией с 26.02.2022 г. своего воздушного пространства для авиакомпаний из 36 стран мира;
- запрет поставки в Россию гражданских самолетов и запчастей к ним, техническое обслуживание и страхование самолетов, аннулирование летных сертификатов 740 самолетов российских авиакомпаний, зарегистрированных на Бермудских островах;
- прекращение работы в России с 10.03.2022 г. международных платежных систем Visa / Mastercard, лишившее россиян возможности оплачивать трансфер и гостиничные услуги за рубежом;
- уход из России агрегатора бронирования отелей Booking.com, работавшего в стране 13 лет;
- приостановление с 19.09.2022 г. действия упрощенного визового режима ЕС с Россией, что привело к росту стоимости визы с 35 до 80 евро, увеличению срока оформления визы с 10 до 45 дней, сокращению количества выдаваемых виз и выдаче только на запрашиваемый срок. (У россиян имеется около одного млн шенгенских виз);
- запрет россиянам на въезд в Латвию, Литву, Эстонию, Польшу с 19.09.2022 г., Финляндию – с 30.09.2022 г., Чехию – с 25.10.2022 г.; по мнению авторов, для россиян посещение Европы должно стать привилегией.

Все эти геополитические решения привели прежде всего к фрагментации мирового туристического рынка, который разделился на дружественные и недружественные страны. Как отметил президент банка ВТБ Андрей Костин, глобализация в прежнем виде закончилась, и, вероятно, мир будет снова жестко поделен на «своих» и «чужих».

От геополитических рисков страдает весь международный туризм. По подсчетам консалтинговой фирмы ForwardKeys, закрытие российского воздушного пространства для авиакомпаний из недружественных стран в 2022 г. увеличило полет-

ное время из Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона на 23 %, а средние цены на авиабилеты повысились на 53 % по сравнению с 2021 г. и на 20 % – по сравнению с 2019 г. [18]. В сложившейся ситуации конкурентное преимущество получили авиакомпании из Китая, Индии, Вьетнама и стран Центральной Азии, для которых открыто воздушное пространство России.

Компания OAG, предоставляющая данные о глобальной индустрии авиаперевозок, сообщала об отмене нескольких регулярных рейсов в Финляндию, Швецию и страны Восточной Европы из-за их географической близости к зоне военных действий.

Фрагментация мирового туристического рынка привела к изменению спроса россиян на туристические поездки. Если в доковидном 2019 г. россияне совершили 45,3 млн путешествий в 176 зарубежных стран, то в новых геополитических условиях эти возможности резко снизились, поскольку прямыми и стыковочными рейсами возможны лишь 45 туристических направлений. Усложнилось получение Шенгенских виз (их выдают 16 стран из 26), что привело к снижению выездного турпотока в 2022 г. до 22,5 млн чел. Наши расчеты на основе официальных данных Росстата показали изменение спроса россиян на выездной туризм, выразившийся в увеличении доли выезда россиян в страны ближнего зарубежья, с 33 % в 2019 г. до 52 % в 2022 г., доли стран Ближнего Востока – с 11 % до 28 %, а доля поездок россиян в европейские страны сократилась с 35 % до 8 % соответственно.

Как и прежде, наибольшим спросом у россиян пользовались пляжные туры в Абхазию, Турцию, ОАЭ, Египет (рис. 4).

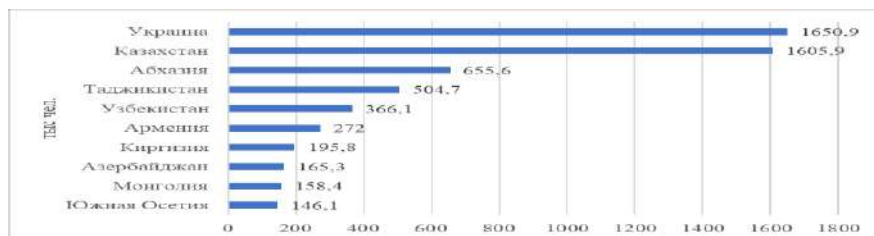


Рис. 4. Топ-10 стран по количеству выезда россиян (тыс. чел.)

Источник: данные Росстата

Запрет россиянам на туристические поездки в Чехию, Польшу, Финляндию и страны Балтии прежде всего негативно сказался на развитии туризма в данных странах, поскольку численность российских туристов здесь значительно превышает въезд граждан перечисленных стран в Россию (рис. 5). В 2019 г. количество российских туристов в Эстонии (1,8 млн чел.) превысило численность населения страны (1,5 млн чел.).

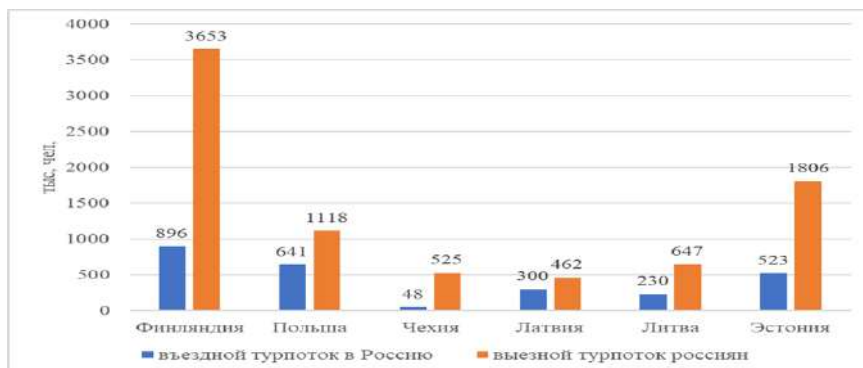


Рис. 5. Выездной турпоток россиян и въездной турпоток в Россию в 2019 году, тыс. чел.

Источник: данные Росстата

Российские туристы в Финляндии, Эстонии, Латвии и Литве занимают ощутимую долю среди иностранных туристов в этих странах (рис. 6), и, соответственно, на них приходится значительная доля импорта туристических услуг в общих доходах от интуристов (рис. 7).

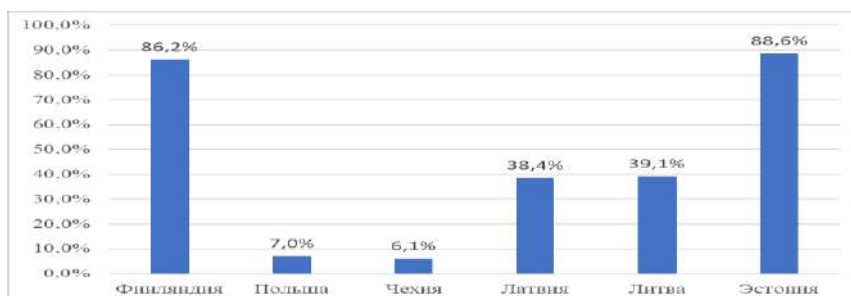


Рис. 6. Доля российских туристов среди иностранных туристов в 2019 году

Источник: данные Росстата, расчеты автора

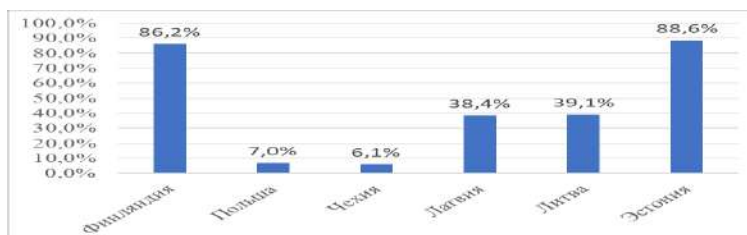


Рис. 7. Доля импорта российских туристических услуг в общих доходах от интуристов в 2019 году

Источник: UNWTO Tourism Highlights 2020 Edition [19], расчеты автора

Запрет россиянам на въезд в эти страны привел к потере российских туристов, которую невозможно компенсировать другими туристами, поскольку лживая пропаганда о возможном нападении России на страны Балтии отпугивает иностранных туристов от поездки в эти страны. По предварительным данным, въездной турпоток в Финляндию в 2022 г. сократился на 25 %, а потеря эстонского ВВП составила 3–5 % [20]. Отсутствие возможности посещать Санкт-Петербург, являющемуся ключевой достопримечательностью круизов по Балтийскому морю, сократило на 50 % число заходов круизных лайнеров в Таллин, а в Латвии в 2022 г. наблюдалась отмена бронирования отелей до 60 % [21].

Геополитические риски привели к усложнению логистики путешествия, бронирования отелей и оплаты за границей туристических услуг банковскими картами, выпущенными российскими банками, что заставило россиян все больше обращаться в туркомпании, доля которых на рынке выездного туризма достигла 69 %. В РСТ в текущем году рассчитывают на увеличение организованного зарубежного турпотока на 22–24 % [22].

По мнению представителей туристической отрасли, использование россиянами в заграничных путешествиях стыковочных рейсов привело к увеличению продолжительности тура до 10 дней и его стоимости.

Геополитические риски снизили конкурентоспособность России на мировом туристическом рынке, что подтверждается сокращением въездного турпотока в 2022 г. в три раза по сравнению с 2019 г. Спрос иностранцев на туры в Россию сдерживается следующими факторами:

- негативным информационным фоном вокруг нашей страны;
- отсутствием прямых авиасообщений и длительностью перелета стыковочными рейсами;
- сложностью оформления виз и оплаты туристических услуг из-за ухода платежных систем Visa / Mastercard;
- малым количеством платежеспособного населения из дружественных стран Африки, Азии и Латинской Америки и дороговизной авиаперелета из этих стран в Россию.

Геополитические риски привели к значительным потерям иностранных туристов из таких стран, как Германия, Франция, Италия, Республика Корея, в наибольшей мере поставляющих классических туристов (рис. 8).

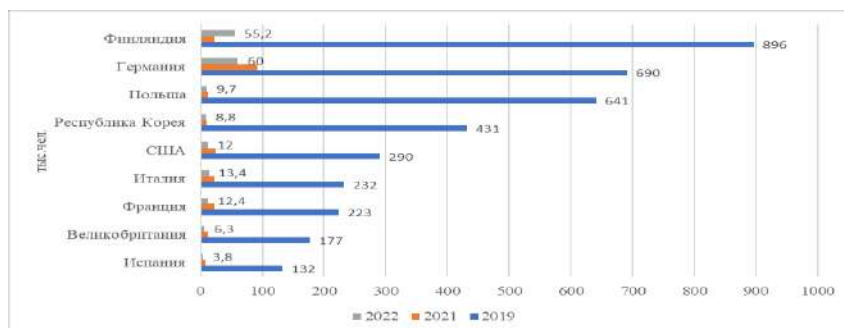


Рис. 8. Динамика классических иностранных туристов (тыс. чел.)

Источник: данные Росстата

По данным Пограничной службы ФСБ России, в первом квартале 2023 г. в нашу страну, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, с туристическими целями въехало на 10 тыс. иностранных граждан больше. Однако пока о восстановлении въездного туризма в России говорить очень рано.

Для упрощения процедуры получения разрешения на въезд в Россию групповым и индивидуальным туристам запущена электронная виза. В будущем туроператоры рассчитывают на рост туристов из Китая, которые были лидерами по въездному туризму до пандемии COVID-19, чему может поспособствовать возобновление механизма безвизовых групповых поездок между двумя странами.

Уменьшение количества иностранных туристов, вызванное геополитическими рисками, сопровождается сокращением загрузки гостиниц, транспортных компаний и предприятий общественного питания, что свидетельствует об их избыточном предложении.

Падение количества бронирований отелей на 30–50 % отмечено в Болгарии, Хорватии, Венгрии, Польше, Словакии, Словении, странах Балтии [20].

Например, в начале 2022 г. российские авиакомпании эксплуатировали более 700 самолетов Boeing и Airbus, числящихся в лизинге, на выкуп которых правительство направило 300 млрд руб., но они не могут летать во многие страны из-за запрета и опасности ареста в зарубежных аэропортах.

В нашей стране, несмотря на рост количества внутренних туристов, сокращение количества иностранных туристов вызвало сокращение количества размещенных лиц в коллективных средствах размещения с 76 млн чел. в 2019 г. до 73,1 млн чел. в 2022 г. (на 3,8 %). От сокращения иностранных туристов наиболее сильно пострадал гостиничный бизнес Москвы и Санкт-Петербурга, где за аналогичный период количество размещенных лиц уменьшилось соответственно на 38,1 % и 16,4 % (рис. 9).

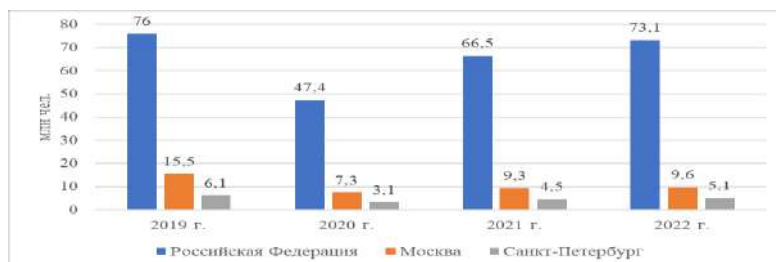


Рис. 9. Динамика количества размещенных лиц в коллективных средствах размещения (млн чел.)

Источник: данные Росстата, расчеты автора

По мнению специалистов гостиничного бизнеса, это связано с тем, что среди постояльцев гостиниц было много сотрудников международных компаний, которые ушли с российского рынка после начала специальной военной операции.

Несмотря на сокращение числа лиц, размещенных в коллективных средствах размещения, их доходы в 2022 г. были выше на 18,3 %, чем в 2019 г., а средний доход с номера – на 6,2 % (рис. 10).



Рис. 10. Динамика дохода гостиниц (трлн руб.) и среднего дохода с номера (руб.) (правая шкала)
 Источник: данные Росстата, расчеты автора

Уход из России агрегатора Booking com, проработавшего в стране 13 лет, привел к глобальным изменениям на рынке бронирования отелей, выразившемся в увеличении с 11 % до 46 % доли прямого бронирования отелей, которые предлагают цены ниже, чем туристические онлайн-платформы. Успешно осваивают рынок онлайн-бронирования российские системы Ostrovok.ru (31,0 % бронирований), 101hotels.com (12,2 %), Яндекс Путешествия (6,6 %) и другие.

Вывод. Восстановление международного туризма после пандемии COVID-19 происходит в условиях обострения геополитических рисков, вызванных специальной военной операцией России на Украине и беспрецедентным количеством санкций, введенных странами коллективного Запада против нашей страны. Эти риски привели к драматическим изменениям в мировом туризме, выразившимся в запрете авиасообщений между отдельными странами и въезда россиянам в ряд стран коллективного Запада, в использовании международных банковских карт, в визовых ужесточениях и т. п.

В результате исследования сделан вывод о фрагментации мирового туристического рынка на дружественные и недружественные страны, что, естественно, отразилось в спросе на туристические услуги, выразившемся в увеличении доли выезда россиян в дружественные страны ближнего зарубежья до 52 %, в дружественные страны Ближнего Востока – до 28 %, в уменьшении поездок в недружественные европейские страны – до 8 %.

Запрет россиянам на въезд в Польшу, Финляндию, Чехию и страны Балтии привел к потере российских туристов, особенно в Финляндии и странах Балтии, в которых среди иностранных туристов значительная доля приходится на россиян и которых невозможно компенсировать туристами из других стран.

Усложнение логистики путешествий и сложности с оплатой туристических услуг за границей банковскими картами российских банков повысили интерес россиян к работе туроператоров, что привело к повышению организованного туризма.

Закрытие воздушного пространства России для авиакомпаний из недружественных стран увеличило полетное время и стоимость перелетов из Европы в страны Азиатско-Тихоокеанского региона.

Уход с российского рынка агрегатора Booking.com привел к глобальным изменениям на рынке бронирования отелей, выразившемся в увеличении количества прямого бронирования отелей и успешном освоении рынка онлайн-бронирования российскими системами.

Список литературы

1. Зюляев Н. А. Влияние инфекционных заболеваний на туризм // Вестник национальной академии туризма. 2021. № 2. С. 12–15.
2. UNWTO. World Tourism Barometer. January 2023. Vol. 21. Iss. 1. URL: https://en.unwto.org/news/worldtourismbarometer_january2023/ (дата обращения: 15.03.2023).
3. Зюляев Н. А. Спрос на туристские услуги в условиях пандемии // SocioTime / Социальное время. 2022. № 2. С. 76–87.
4. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: www.gks.ru (дата обращения: 14.03.2023).
5. Tourism set to return to pre-pandemic levels in some regions in 2023. URL: <https://www.unwto.org/news/tourism-set-to-return-to-pre-pandemic-levels-in-some-regions-in-2023> (дата обращения: 15.03.2023).
6. Шалаев В. П. Становление новой теории общества: на путях становления нового мира // Socio Time / Социальное время. 2022. № 4 (32). С. 39–47.
7. Эжиев И. Б. Геополитический риск как политическая категория // Власть. 2009. № 12. С. 143–146.
8. Эжиев И. Б. Геополитический риск: предмет, объект, классификация, анализ, прогнозирование // Власть. 2011. № 1. С. 50–53.
9. Юдин А. В. О понятийно-категориальном аппарате социально-философской концептуализации геополитического риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2011. Т. 11. Вып. 5. С. 96–98.
10. Глушенко В. В. Стратегическая оценка и управление геополитическим риском государства в условиях глобализации // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 2. С. 11–18.
11. The Impact of Geopolitical Risks on Tourism Supply in Developing Economies: The Moderating Role of Social Globalization / Gozgor Giray, Lau Marko Chi Keung, Zeng Yan, Cheng Yan, Zhibin Lin // Journal of Travel Research. 2022. Vol. 61 (4). Pp. 872–886. URL: <https://journals.sagepub.com/toc/jtrb/61/1> (дата обращения: 16.03.2023).
12. Demir E., Gozgor G., Paramati S. R. Do Geopolitical Risks Matter for Inbound Tourism? // Eurasian Business Review 2019. Vol. 9 (2). Pp. 183–91. URL: https://www.researchgate.net/publication/330461041_Do_geopolitical_risks_matter_for_inbound_tourism (дата обращения: 18.03.2023).
13. Balli F., Uddin G. S., Shahzad S. J. H. Geopolitical Risk and Tourism Demand in Developing Economies // Tourism Economics. 2019. Vol. 25 (6). Pp. 997–1005. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1354816619831824?icid=int.sj-abstract.similar-articles.4> (дата обращения: 19.03.2023).
14. Tiwari A. K., Das D., Dutta A. Geopolitical Risk, Economic Policy Uncertainty and Tourist Arrivals: Evidence from a Developing Country // Tourism Management. 2019. Vol. 75. Pp. 323–327. URL:

https://www.researchgate.net/publication/333556144_Geopolitical_risk_economic_policy_uncertainty_and_tourist_arrivals_Evidence_from_a_developing_c (дата обращения: 20.03.2023).

15. Alola U. V., Cop S., Adewale A. A. The Spillover Effects of Tourism Receipts, Political Risk, Real Exchange Rate, and Trade Indicators in Turkey // *International Journal of Tourism Research*. No. 21 (6). Pp. 813–23. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00472875211004760> (дата обращения: 22.03.2023).

16. Caldara D., Iacoviello M. Measuring Geopolitical Risk. Washington, DC: FRB International Finance Discussion. Paper (1222). URL: <https://www.federalreserve.gov/econres/ifdp/files/ifdp1222.pdf>

17. Geopolitical Risk Index. Economics Policy Uncertainty. URL: <https://www.policyuncertainty.com/gpr.html> (дата обращения: 19.03.2023).

18. Impact of the Ukraine war on travel from Russia. URL: <https://forwardkeys.com/impact-of-the-ukraine-war-on-travel/> (дата обращения: 21.03.2023).

19. UNWTO Tourism Highlights 2020 Edition. URL: <https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284422456> (дата обращения: 20.03.2023).

20. Latest Tourism Data. URL: <https://www.unwto.org/unwto-world-tourism-barometer-data> (дата обращения: 19.03.2023).

21. Новая реальность Эстонии: страна лишилась и газа, и туристов из России. URL: <https://news-front.info/2022/12/23/novaja-realnost-jestonii-strana-lishilas-i-gaza-i-turistov-iz-rossii/> (дата обращения: 23.03.2023).

22. В Россию с осторожностью // Въездной турпоток пытается восстановиться / Коммерсант. 04.05.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5967660?from=main> (дата обращения: 04.05.2023).

Авторская справка

ЗЮЛЯЕВ Николай Александрович – кандидат экономических наук, доцент кафедры сервиса и туризма, Поволжский государственный технологический университет, г. Йошкар-Ола, Россия.
E-mail: nazulyaev@gmail.com

UDC 484.6

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.90

THE IMPACT OF GEOPOLITICAL RISK ON THE DEMAND AND SUPPLY OF TOURISM SERVICES

N. A. Zyulyaev

Volga State University of Technology, Yoshkar-Ola (Russia)

Introduction. World tourism after the abolition of anti-COVID restrictions began to gradually recover. In 2022, there were 917 million tourist arrivals, which was 63 % before the pandemic level. A gradual recovery of tourism is also taking place in Russia, driven by domestic tourism. This recovery of tourism is taking place in a new geopolitical environment. The article examines the impact of geopolitical risks on the demand and supply of tourism services.

Methods The use of general logical methods in the study made it possible not only to consider general trends in tourism, but also its individual areas, empirical methods – to obtain reliable facts about the development of tourism in modern geopolitical conditions, and statistical methods – to assess the impact of geopolitical risks on world tourism in general and in individual countries.

The information base of the study was scientific articles by foreign and Russian scientists, official statistics of UNWTO to the Federal State Statistics Service of Russia.

Results. The article notes that geopolitical risks have led to the fragmentation of the single world tourism market into the markets of friendly and unfriendly countries. The closure of Russian airspace to airlines from non-friendly countries has increased the flight time and cost of a flight from Europe to countries in the Asia-Pacific region.

The cancellation of direct flights to Russia by many airlines, which made it difficult to obtain Schengen visas and the use of international bank cards, led to a change in the demand of Russians for outbound tourism and the demand of foreign citizens for trips to Russia. In the demand of Russians for outbound tourism, the share of the countries of the Near Abroad and the Middle East increased, while the share of European countries decreased. The reasons for the reduction in inbound tourism to our country are called

It is noted that the ban on Russians from entering Poland, Finland, the Czech Republic, and the Baltic countries led to the loss of Russian tourists in these countries. In Finland and the Baltic countries, there is a large proportion of Russians among foreign tourists, who, under the current conditions, cannot be compensated by tourists from other countries.

The complication of travel logistics, payment for tourist services abroad have increased the role of tour operators in the tourism market and organized tourism. Showing global changes in the hotel booking market after the departure from the Russian market of the Booking com aggregator,

Geopolitical risks not only change the demand for tourism services, but also lead to their excess supply.

Conclusion. The conclusion is made about the fragmentation of the single world tourism market into the markets of friendly and non-friendly countries, which affected the demand of Russians for foreign trips and the demand of foreign citizens for travel to Russia.

The closure of Russian airspace for unfriendly airlines has increased flight time and the cost of flights from European countries to countries in the Asia-Pacific region

The complication of travel logistics and payment for tourist services abroad with bank cards of Russian banks increased the interest of Russians in the work of tour operators, which led to the growth of organized tourism.

The departure of the Booking com aggregator from the Russian market has led to global changes in the hotel booking market.

Geopolitical risks have not only changed the demand for tourism services, but have led to an oversupply of these services.

Keywords: geopolitical risks, sanction, number of tourists, demand for tourism services, supply of tourism services

References

1. Zyulyaev N. A. Impact of infectious diseases on tourism. Bulletin of the National Academy of tourism. 2021. No. 2. Pp. 12–15.
2. UNWTO. World Tourism Barometer. January 2023. Vol. 21. Iss. 1. Available at: https://en.unwto.org/news/worldtourismbarometer_january2023/ (accessed 15.03.2023).
3. Zyulyaev N. A. Demand for tourism services during the Pandemic. Socio Time. 2022. No. 2 (30). Pp. 76–86.
4. Official website of the Federal State Statistics Service of Russia (Rosstat). Available at: www.gks.ru (accessed 14.03.2023).
5. Tourism set to return to pre-pandemic levels in some regions in 2023. Available at: <https://www.unwto.org/news/tourism-set-to-return-to-pre-pandemic-levels-in-some-regions-in-2023> (accessed 15.03.2023).
6. Shalaev V. P. The Formation of a new theory of society: on the path to a new world. SocioTime. 2022. No. 4 (32). Pp. 39–47.
7. Ezhiev I. B. Geopolitical risk as a political category. Power. 2009. No. 12. Pp. 143–146.

8. Ezhiev I. B. Geopolitical risk: subject, object, classification, analysis, forecasting. Power. 2011. No. 1. Pp. 50–53.
9. Yudin A. V. In this article we defined concepts and categorical apparatus of the socio-philosophical conceptualization of geopolitical risk. Particular. Bulletin of the Saratov University. New episode. Series Sociology. Political science. 2011. Vol. 11. Release 5. Pp. 96–98.
10. Glushchenko V. V. Strategic assessment and management of the geopolitical risk of the state in the context of globalization. National interests: priorities and security. 2007. No. 2. Pp. 11–18.
11. Gozgor Giray, Lau Marko Chi Keung, Zeng Yan, Cheng Yan, Zhibin Lin The Impact of Geopolitical Risks on Tourism Supply in Developing Economies: The Moderating Role of Social Globalization. Journal of Travel Research. 2022. Vol. 61 (4). Pp. 872–886. Available at: <https://journals.sagepub.com/toc/jtrb/61/1> (accessed 16.03.2023).
12. Demir E., Gozgor G., Paramati S. R. Do Geopolitical Risks Matter for Inbound Tourism? Eurasian Business Review. 2019. Vol. 9 (2). Pp. 183–91. Available at: https://www.researchgate.net/publication/330461041_Do_geopolitical_risks_matter_for_inbound_tourism (accessed 18.03.2023).
13. Balli F., Uddin G. S., Shahzad S. J. H. Geopolitical Risk and Tourism Demand in Developing Economies. Tourism Economics. 2019. Vol. 25 (6). Pp. 997–1005. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/1354816619831824?icid=int.sj-abstract.similar-articles.4> (accessed 19.03.2023).
14. Tiwari A. K., Das D., Dutta A. Geopolitical Risk, Economic Policy Uncertainty and Tourist Arrivals: Evidence from a Developing Country. Tourism Management. 2019. Vol. 75. Pp. 323–27. Available at: https://www.researchgate.net/publication/333556144_Geopolitical_risk_economic_policy_uncertainty_and_tourist_arrivals_Evidence_from_a_developing_c (accessed 20.03.2023).
15. Alola U. V., Cop S., Adewale A. A. The Spillover Effects of Tourism Receipts, Political Risk, Real Exchange Rate, and Trade Indicators in Turkey. International Journal of Tourism Research. 21 (6): 813–23. Available at: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/00472875211004760> (accessed 22.03.2023).
16. Caldara D., Iacoviello M. Measuring Geopolitical Risk. Washington, DC: FRB International Finance Discussion. Paper (1222). Available at: <https://www.federalreserve.gov/econres/ifdp/files/ifdp1222.pdf> (accessed 22.03.2023).
17. Geopolitical Risk Index. Economics Policy Uncertainty. Available at: <https://www.policyuncertainty.com/gpr.html> (accessed 19.03.2023).
18. Impact of the Ukraine war on travel from Russia. Available at: <https://forwardkeys.com/impact-of-the-ukraine-war-on-travel/> (accessed 21.03.2023).
19. UNWTO Tourism Highlights 2020 Edition. Available at: <https://www.unwto.org/doi/pdf/10.18111/9789284422456> (accessed 20.03.2023).
20. Latest Tourism Data. Available at: <https://www.unwto.org/unwto-world-tourism-barometer-data> (accessed 19.03.2023).
21. The new reality of Estonia: the country has lost both gas and tourists from Russia. Available at: <https://news-front.info/2022/12/23/novaja-realnost-jestonii-strana-lisilas-i-gaza-i-turistov-iz-rossii/> (accessed 23.03.2023).
22. To Russia with caution Inbound tourist flow is trying to recover. Kommersant. 04.05.2023. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5967660?from=main> (accessed 04.05.2023).

Author's Bio

ZYULYAEV Nikolay A. – Volga State University of Technology, Department of Service and Tourism, Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Yoshkar-Ola, Russia. E-mail: nazyulyaev@gmail.com

Библиографическая ссылка

Зюляев Н. А. Влияние геополитических рисков на спрос и предложение туристических услуг // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 90–103. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.90

УДК: 94(73)

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.104

АМЕРИКАНСКАЯ ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ОРУЖЕЙНАЯ КУЛЬТУРА

Д. А. Палей*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург (Россия)*

Введение. В статье рассмотрена проблематика свободного распространения гражданского оружия и его влияния на формирование гражданской идентичности. Наряду с этим работа обращается к дихотомии национальной и гражданской идентичности, определяя роль оружейной культуры в формировании корпуса идентичностных идей и убеждений.

Методы. В рамках исследования феномена американской гражданской идентичности, помимо общенаучных методов, во время обработки данных социологических исследований применялся метод контекстуального анализа, позволившего обратиться к определенному набору факторов, влиявших на формулировки респондентов.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Современное американское общество предстает крайне противоречивым полем исследований, в данном случае – исследования вопроса идентичности и определения ее характера. Изучив результаты ряда социологических опросов, а также дискурсивных практик, существующих в американских медиа, автор пришел к выводу о гражданском характере идентичности с осязаемым влиянием в первую очередь корпуса идейно-политических убеждений, преобладающих над национально-этническими компонентами.

Заключение. Данное исследование, являясь лишь малым аспектом последующей диссертации, в дальнейшем будет развито в более широкую концепцию, рассматривающую новый уровень американской оружейной культуры с переходом в политическое поле и влияющую на современное положение гражданской идентичности в США.

Ключевые слова: гражданское оружие, оружейная культура, гражданская идентичность, Вторая поправка к Конституции США.

Введение. Американское общество последних десятилетий отличается высокой степенью социально-политической динамичности, переходящей в беспрецедентную поляризацию. Следуя различным идейно-политическим ориентирам, американцы все чаще сталкиваются с проблемой самоопределения. Ввиду своей неоднородности и исторической разнообразности, американская идентичность представляет собой комплекс традиционных и динамичных составляющих. «Плавильный котел» наций, этносов, религий, традиций и культур образует американскую нацию и точно так же вызывает современный кризис американской гражданской идентичности. Ввиду отсутствия единого национально-этнического культурного ядра, американской нации приходилось строиться и оформляться вокруг множества динамичных и нетрадиционных аспектов.

Так, в настоящее время традиционные критерии в виде знания языка, факта рождения на территории страны и вероисповедания уходят на второй план, а опреде-

ляющей линией, по которой проходит американская идентичность, становятся вопросы социально-политические. Современная общественная проблема поляризации на «правый-левый» выходит за пределы только политических исследований и оседает в каждом хоть сколько-нибудь значимом социальном вопросе. Члены общества поляризуются и определяют себя «американцами», исходя из своих политических убеждений. Так, закрепленные в Конституции гражданские права, религиозные догмы, общественно-бытовые нормы и т. п. начинают трактоваться согласно политическим идеям, которые разделяет индивид. Вопросы государственного устройства, налогообложения, миграции, расизма, гендерных проблем и т. п. занимают первостепенное место в том, как американцы сегодня определяют свое собственное «Я».

Целью исследования является определение характера американской идентичности и фактора влияния оружейной культуры современной формации на процесс идентичностного формирования.

В представленной работе предметом исследования выступит проблема свободного гражданского оружия и ее роль в определении гражданской идентичности. Оружейная смертность, высокие показатели суицидов и поражающие своей частотой трагичные случаи массовых расстрелов выводят этот вопрос в один из наиболее обсуждаемых. Огнестрельное оружие в Америке нынешних дней – одна из центральных внутренних линий общественного раскола. Разумеется, стрелковое оружие не может вызывать такой деструктивной реакции. Этот вопрос разделяет общество на уровне культурно-историческом: традиционное желание следовать оружейной культуре или свежий взгляд – отмена Второй поправки к Конституции США и полный запрет гражданского огнестрельного оружия [1]. Эти две позиции транслируются виднейшими политическими и общественными деятелями уже несколько десятилетий, формируя вокруг себя самые настоящие полюса неприятия и социального противостояния.

Методы исследования. Для работы с оружейной культурой как элементом культурно-историческим применяется метод исторического анализа обращен к ряду исторических артефактов-источников, связанных с оружейной культурой, и способствует пониманию процессов трансформации социально-конструируемого института. Следующим важным методом выступает работа с данными социологических опросов, проводимых Pew и Gallup. Эти данные позволяют пролить свет на действительное положение оружейной культуры в американской социальной среде. Наряду с этим полезными для исследования оказались и качественные интервью с людьми, ассоциирующими себя с оружейной культурой, позволяющими получить доступ к крайне обширной и качественной информации, а именно личному опыту, убеждениям и мотивам всех косвенных и прямых акторов оружейной культуры.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Практическое рассмотрение американской идентичности позволяет определить ос-

новные столпы вместе с совершенно новым аспектом, образующимися идеями внутри общества, формирующего индивида и его идентичностную породу. Так, традиционными (*национальными*) были определены следующие четыре критерия:

- 1) способность говорить на английском языке;
- 2) уважение и следование традициям и обычаям;
- 3) факт рождения на территории страны;
- 4) принадлежность к христианской конфессии.

Для того чтобы считаться американцем в традиционном представлении, по мнению 77 % населения, индивид должен быть способен пользоваться английским языком; 71 % респондентов считают уважение и следование традициям определяющим фактором; 35 % полагают необходимым факт рождения на территории США; те же 35 % определяют христианство как один из столпов американской идентичности. Поэтому, говоря о традиционном и, что важно, валовом рассмотрении всего американского общества, можно прийти к выводу о том, что американская идентичность на 74 % (среднее от мажоритарных показателей: 77 % и 71 %) определяется обществом как способность индивида воспринимать культурно-языковые особенности, использовать и применять их; 35 % респондентов считают крайне важными территориальный и религиозный аспекты при определении идентичности.

Таким образом, основные тенденции традиционной американской идентичности строятся исключительно вокруг языка и американского образа жизни с его обычаями и традициями, уделяя меньшее внимание факту происхождения и вероисповедания [10]. Однако этот фактор исключительно национальный, определяющийся языком, происхождением и религией.

Тем не менее, рассматривая американскую идентичность сквозь призму оружейной культуры и современной оружейной политики в ее формировании, необходимо будет обратиться к примордиалистскому и конструктивистскому взглядам. Базовые черты американской идентичности зиждутся на гражданско-институциональных основах – абстрактных идеях свободы, равенства и республиканизма [9].

Оружейная проблематика с наслонившейся медийно-политической оболочкой становится самым настоящим полем боя за гражданские свободы и идеи отцов-основателей. Вместе с этим группы населения склонны трактовать границы свободы и равенства в комфортной для них степени – отсюда возникает поляризация, ведущая к серьезным дебатам как на политическом, так и на бытовом уровнях. Там, где прореспубликанец назовет оружие своим правом на защиту (как на уровне физическом, так и на уровне политико-правовом), демократ даст оружию характеристику главной угрозы как жизни, так и демократии в целом. Так, обе стороны в рамках единого оружейного дискурса создают некий парадокс трактовок и интерпретаций.

Подход к традиционному рассмотрению динамичной гражданской идентичности необходимо дополнять, все чаще обращаясь к динамичным факторам – идентичностная порода начинает строиться вокруг, в первую очередь, идейных мотивов. Следовательно, идентичность национальную можно определить исключительно по признакам географической, исторической и культурной принадлежностей. Опираясь на приведенные выше данные, мы можем заключить, что «национальность» как качество американской идентичности строится вокруг языкового, традиционного, религиозного и территориального компонентов. Гражданская идентичность, напротив, больше подходит американской вере в индивидуальность и индивидуализм, строясь на правах, свободах, убеждениях и ответственности любого отдельно взятого гражданина. Так, для описания феномена американской идентичности следует придерживаться характеристики ее как «гражданской».

Возвращаясь к кризису интерпретаций и многостороннему восприятию символов, можно обратиться к тексту Второй поправки к Конституции США: «*A well regulated Militia, being necessary to the security of a free State, the right of the people to keep and bear Arms, shall not be infringed*» [3]. «В случае необходимости обеспечить безопасность свободного Государства (штата), право хорошо организованного ополчения на хранение и ношение Оружия не должно быть нарушено».

Интерпретация этих 27 заветных слов (как в целом и всех слов в Билле о правах) широко обсуждается и трактуется. Отсутствие четких смысловых границ вызывает спорные трактовки в тексте, начиная от изначально всеобщей сути до определенных деталей. К примеру, *state* может подаваться как с позиций федерализма, так и нести в себе сепаратистский интерпретационный смысл – либо единое государство, либо отдельный штат.

Оружие как центральный символ и основа также воспринимается многополярно – как радикально-традиционное, где оружие представляется неотъемлемой гарантией *индивидуальных* прав и свобод граждан [5], так и прогрессивное – оружие как пережиток прошлого и потенциальная угроза будущей государственности Соединенных Штатов [8].

Следующий пример разделения с ярким конкурентным характером предстает на уровне лоббистско-политических структур. Про- и антиоружейные группы интересов, представленные мощнейшей лоббистской национальной стрелковой ассоциацией, с одной стороны, и разрозненной группой небольших антиоружейных или прооружейно-контролирующих организаций – с другой. Обе группы обладают собственными аудиториями и публиками для трансляции идей, однако они весьма несоизмеримы и носят абсолютно различный характер.

Прооружейная аудитория характеризуется высокой степенью вовлеченности и находится на постоянной идейной подпитке со стороны национальной стрелковой ассоциации, активно работающей в медиаполе, выпуская ряд специализированных журналов, проводя просветительские мероприятия и на более высоком уровне –

ежегодные политические съезды с привлечением широкого ряда республиканских политиков. Напротив, пример антиоружейной стороны общества не отличается высокой степенью консолидации, однако может быть отмечен высокой стихийностью. Трагичные случаи массовых расстрелов, к примеру, поднимают вопрос об ужесточении контроля над огнестрельным оружием в топы обсуждений, выводя инфоповод в разряд серьезного политического вопроса, на котором политики демократической партийной принадлежности зачастую умело играют, обращая его в собственную и общепартийную выгоду.

Идейный уровень в нарративах обеих сторон также разительно отличается. Национальная стрелковая ассоциация, имея негласный статус сильнейшего лоббистского актора, несет вместе с собой корпус прооружейных идей, основывающихся на свободном гражданском огнестрельном оружии как средстве защиты прав и свобод, а сама организация называет себя правозащитной. В то же время группы интересов антиоружейного характера крайне разносторонни: их цели, методы действия и ресурсные подпитки разобщены и по отдельности находятся на несравнимо низком уровне. В целом таких организаций можно выделить 29 единиц вместе с сотнями лидеров мнений, когда-либо высказывавшихся против свободного гражданского стрелкового оружия.

Так, ACORN, являясь международной организацией, на территории США задействован в сфере обеспечения безопасности в жилых районах, в районах здравоохранения и устройства гражданской инфраструктуры; движение NRA Boycott действует скорее из протестных настроений по отношению к лоббистской деятельности ассоциации и носит исключительно гражданско-инициативный и стихийный характер, а Stop Handgun Violence видят своей основной целью полный запрет огнестрельного оружия в США, скорее даже – полное исчезновение оружия из гражданского оборота. Следовательно, основные глашатаи про- и антиоружейных идей находятся на совершенно разных уровнях организации, ресурсных возможностей и качества своих идей. Но так или иначе за каждой из этих организационно-структурных инициатив стоят люди, граждане США, чьи полярные взгляды и интересы представляют эти ассоциации, движения и организации.

Отношение к гражданскому стрелковому оружию изменилось среди всех слоев американского населения. Проблема стала привлекать к себе куда большее внимание, а в политическом контексте вышла из «серой» зоны, став одной из аванпостных точек поляризации современного американского общества.

С начала и до середины XX-го века винтовка или пистолет олицетворяли собой средство организации досуга (список стрелковых хобби весьма и весьма обширный). В своих исследованиях Дэвид Йемен именует этот этап оружейной культурой 1.0, представляющей собой символическое восприятие оружия как исключительно рекреационного элемента [12]. Однако в 1960–70-е годы на волне широких социаль-

ных потрясений, ряда политических убийств и повышения уровня преступности в больших городах, гражданское огнестрельное оружие превращается сначала в способ, а далее – в символ права на защиту себя, своей семьи и жилища. Реакция со стороны государства не заставила себя долго ждать, и в 1968 году появился один из самых значимых законов в сфере гражданского оружия – акт 1968 года о контроле огнестрельного оружия, введший федеральный контроль наличия лицензий на оружие у физических лиц вместе с лицензированием всей торговли, а также запретом на перевозки оружия между штатами лицам, не имеющим дилерских лицензий [6].

Следом национальная стрелковая ассоциация, отвечая тенденциям времени, в начале 1970-х годов начала поляризоваться в своей дальнейшей позиции сохранить приверженность исключительно рекреационной деятельности или же активно заняться правозащитной деятельностью в сфере политического лоббизма. В результате в 1975 году появился Институт законодательной деятельности (*Institute of Legislative Action – ILA*). Вместе с развитием ассоциации и ее лоббистского института менялось и отношение американцев к оружию как символу. К концу XX-го века оружие оформилось и как символ собственной физической безопасности и самообороны, оформляя этим самым большой пласт, по Йемени, оружейной культуры 2.0 [12], дающей начало общественной поляризации и острому делению американского общества по вопросам контроля или свободы огнестрельного оружия.

Эволюция оружейной культуры, описанная в работе Ричарда Хофstadтера, прослеживается до своего состояния на момент 1970-х годов. Однако, значительно изменяясь и преобразовываясь, культура получила новый виток своего развития, уходя в поле политико-правового символизма [7]. Национальная стрелковая ассоциация закрепила за собой статус одного из сильнейших лоббистских акторов, а вместе с этим именует себя правозащитной организацией, выводя свои политико-лоббистские предприятия в сферу защиты гражданских прав, гарантированных Второй поправкой к Конституции. Ассоциация видит Вторую поправку чуть ли не основной – ей отводится правовая роль, во-первых, самозащиты, а во-вторых, защиты государства от возможной тирании.

Оружейная идея породила массу субкультур внутри общей культурной институции. Каждая рассматривает оружие как утилитарный материальный объект, но индивидуализм и различные идейные корпуса наделяют огнестрельный объект различными смыслами и видят его роль в обществе совершенно иначе – меняются представления, потребительские привычки и подчас образ жизни вместе с политическими настроениями и убеждениями.

Одним из центральных сломов порядка оружейной культуры является шестикратное уменьшение количества охотников и коллекционеров. 17 миллионов охотников, приобретших 28,3 миллиона лицензий в 1982 году, сократилось до 11,5 миллиона в настоящее время, составляя лишь 4 % всего населения [4]. Таким образом,

оружие как единица, используемая для рекреации и досуга, уходит в прошлое и привлекает все большее количество людей, приобретающих и использующих оружие для самообороны и защиты. Как раз на этой почве и зародилась мощная лоббистско-политическая активность национальной стрелковой ассоциации, культивирующая интерес в рамках правозащитной повестки и затем отстаивающая его, создавая некий эффект эхокамерности.

Заключение. В своей работе я представлю несколько выводов, которые раскроют различные аспекты американской оружейной культуры и ее роли в формировании идентичности.

1. Американский тип идентичности, связанный с оружейной культурой, можно рассматривать как исключительно гражданский. Это связано с тем, что понятие оружейной культуры проникает в различные сферы общества, включая социальную, политическую, правовую и экономическую. Таким образом, оружейная культура становится неотъемлемой частью американской гражданской идентичности.

2. Оружейная культура прошла длительный путь развития и эволюции, и сегодня она представляет собой важный институт, оказывающий значительное влияние на внутреннюю политику Соединенных Штатов. В 1975 году прооружейно-настроенная часть населения создала собственное лоббистское представительство и сумела защитить ряд своих прав. Она также использует лоббистские инструменты, чтобы влиять на политическую арену и результаты выборов на разных уровнях.

3. Современная оружейная культура представляет собой широкий институт, включающий в себя два уровня: 1.0 и 2.0. Уровень 1.0 связан с рекреационным использованием оружия, в который входят охота и спортивная стрельба, а уровень 2.0 – с оборонительными аспектами владения оружием, включающими самозащиту, защиту своей семьи и имущества.

Такие выводы помогают лучше понять оружейную культуру в Соединенных Штатах и ее влияние на идентичность американской нации. Тем не менее к дальнейшему рассмотрению предстают вопросы влияния оружейной культуры на социально-политический ландшафт Соединенных Штатов наряду с рассмотрением ряда положительных или отрицательных особенностей оружейной культуры в ее современной форме.

Список литературы

1. Американская сложная связь с оружием. URL: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2017/06/22/americas-complex-relationship-with-guns/>

2. Американцы имеют больше оружия, чем в любой другой стране мира, и продолжают покупать еще. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-05-25/how-many-guns-in-the-us-buying-spree-bolsters-lead-as-most-armed-country>

3. Конституция Соединенных Штатов. Вторая поправка. URL: <https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-2/>
4. Снижение числа охотников угрожает финансированию консервации. URL: <https://cnr.ncsu.edu/news/2021/01/decline-in-hunting-threatens-conservation-funding/>
5. Волох Юджин. Оружие и Конституция // THE WALL ST. J., 12 апреля 1999 года.
6. Пистолеты, убийства и Закон об оружии 1968 года: из слушаний о Законе об управлении пистолетами. 1982. С. 318–338. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/handguns-homicides-and-gun-control-act-1968-handgun-control>
7. Хофстадтер Р. Америка как оружейная культура // Американское наследие. 1970.
8. Левинсон С. Как затруднительна Вторая поправка. 1989.
9. Сонг С. Что значит быть американцем. 2009. URL: <https://www.amacad.org/publication/what-does-it-mean-be-american>
10. Взгляд на национальную идентичность. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2021/05/05/1-national-identity/>
11. Что такое Вторая поправка, и как она определяется. URL: <https://www.nraila.org/what-is-the-second-amendment-and-how-is-it-defined/>
12. Ямане Д. Социология оружейной культуры США // Социологический компас. 2017. URL: https://www.researchgate.net/publication/318176136_The_sociology_of_US_gun_culture
13. Палей Д. А., Цветкова Н. А. Лоббистская деятельность национальной стрелковой ассоциации // История и современное мировоззрение. 2021. Т. 3, № 2. С. 25–31. DOI 10.33693/2658-4654-2021-3-2-25-31

Авторская справка

ПАЛЕЙ Дмитрий Алексеевич – аспирант второго года обучения, Санкт-Петербургский государственный университет; руководитель НОЦ «American Studies», г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: dmitr.paleyka@gmail.com

UDC: 94(73)

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.104

AMERICAN CIVIC IDENTITY AND GUN CULTURE

D. A. Paley

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg (Russia)

Introduction. The article deals with the problem of the free distribution of civilian weapons and its influence on the formation of civil identity. Along with this, the work addresses the dichotomy of national and civil identity, defining the role of gun culture in the formation of a body of identity ideas and beliefs.

Methods. As part of the study of the phenomenon of American civic identity, in addition to general scientific methods, during the processing of sociological research data, the method of contextual analysis was used, which made it possible to refer to a certain set of factors that influenced the respondents' formulations.

Results. Modern American society appears to be an extremely controversial field of research, in this case – the study of the issue of identity and the definition of its nature. Having studied the results of a number of sociological surveys, as well as a number of discursive practices that exist in the American media, the author came to the conclusion about the civic nature of identity with a tangible influence, first of all, a body of ideological and political beliefs that prevail over national and ethnic components.

Conclusion. This study, being only a small aspect of the subsequent dissertation work, will be further developed into a broader concept that explores a new level of American gun culture with its transition to the political field and influencing the current state of civic identity in the United States.

Keywords: USA, civic weapons, gun culture, civic identity, Second Amendment to the US Constitution.

References

1. America's complex relationship with guns. Available at: <https://www.pewresearch.org/social-trends/2017/06/22/americas-complex-relationship-with-guns/>
2. Americans Have More Guns Than Anywhere Else in the World and They Keep Buying More. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-05-25/how-many-guns-in-the-us-buying-sprees-bolsters-lead-as-most-armed-country>
3. Constitution of the United States. Second Amendment. Available at: <https://constitution.congress.gov/constitution/amendment-2/>
4. Decline in Hunting Threatens Conservation Funding. Available at: <https://cnr.ncsu.edu/news/2021/01/decline-in-hunting-threatens-conservation-funding/>
5. Eugene Volokh. Guns and the Constitution. THE WALL ST. J., Apr. 12, 1999.
6. Handguns. Homicides and the Gun Control Act of 1968. From Handgun Control Legislation – Hearings. 1982. Pp. 318–338. Available at: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/handguns-homicides-and-gun-control-act-1968-handgun-control>
7. Richard Hofstadter. America as a Gun Culture. American Heritage. 1970.
8. Sanford Levinson. The Embarrassing Second Amendment. 1989.
9. Sarah Song. What Does It Mean to be American. 2009. Available at: <https://www.amacad.org/publication/what-does-it-mean-be-american>
10. View about national identity. Available at: <https://www.pewresearch.org/global/2021/05/05/1-national-identity/>
11. What Is The Second Amendment And How Is It Defined. Available at: <https://www.nrila.org/what-is-the-second-amendment-and-how-is-it-defined/>
12. David Yamane. The sociology of U. S. gun culture. Sociology Compass. 2017. Available at: https://www.researchgate.net/publication/318176136_The_sociology_of_US_gun_culture
13. Paley D. A., Tsvetkova N. A. Lobbistskaya deyatel'nost' natsional'noy strelkovoy assotsia-tsii [Lobbying activities of the National Rifle Association]. Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie [History and modern worldview]. 2021. Vol. 3, no. 2. Pp. 25–31. DOI 10.33693/2658-4654-2021-3-2-25-31

Author's Bio

PALEY Dmitry Alekseevich – 2nd year postgraduate student, St. Petersburg State University; head of the REC “American Studies”, Saint Petersburg, Russia. E-mail: dmitr.paleyka@gmail.com

Библиографическая ссылка

Палей Д. А. Американская гражданская идентичность и оружейная культура // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 104–112. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.104



ИСТОРИЯ

УДК 659.442

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.113

СПЕКТР ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И НЕКОНФОРМНОСТИ КАК АСПЕКТЫ ЭВОЛЮЦИИ ТРАДИЦИОННЫХ НАРОДНЫХ ГРУЗИНСКИХ ТАНЦЕВ

Д. Р. Нагаева, Д. Р. Ахтямова, А. Р. Хасанов, Л. О. Изилева

Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа (Россия)

Введение. Проблема гендерной идентичности уже долгое время не теряет своей актуальности, являясь отражением социально-экономических взаимоотношений. Суть гендерных ролей подвергается преобразованию соответственно современным им историческим периодам, что выражается в танце с помощью движений, мимики, демонстрирующими настоящее положение мужчин и женщин в обществе. **Цель** исследования – попытка проследить эволюцию гендерных взаимоотношений и способы выражения неконформности, отражающие как внешнеполитические, так и внутрисоциальные события.

Методы. В качестве методов использованы анализ информационного материала для определения границ исследования и логико-исторический анализ, позволяющий раскрыть закономерность между историческими событиями и общественным настроением.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. В ходе исследования было выяснено, что народные танцы, в отличие от любых других, отражают не историю развития человечества, не являются универсальным способом коммуникации – они представляют собой переработанную и усвоенную поколениями летопись исключительно собственной нации, ее психологию, общественный строй и политическую обстановку, к тому же хранят в себе архаичные структуры и способны параллельно выражать личную историю танцовщика. Благодаря танцу представляется возможным конструирование эволюции народного мировоззрения и внутрисоциальных взаимоотношений.

Заключение. Последние несколько десятилетий общество в Грузии негативно относилось к любому отступлению от традиционных социально-культурных ролей, и принятые запрещающие дискриминацию законы не оказали должного влияния на общественное мировоззрение, что и отразилось на структуре национальных танцев. Однако сейчас можно заметить зарождение тенденции гендерной неконформности в области народного танца и возможности комбинаций мужских и женских движений, что, вполне вероятно, вскоре приведет к отсутствию строгого деления и возвращению архаичных структур танца.

Ключевые слова: гендер, взаимоотношения, танцы, национальность, общество, история, неконформность, традиционность.

Введение. Традиционные грузинские танцы, как и любые народные, являются своеобразной летописью истории, которая, одновременно сохраняя традиции своей нации, движения, остающиеся неизменными в течение тысячелетий, отражает перемены в жизни страны, настроения общества и культурное развитие.

Каждой эпохе соответствует определенный танец, озаменовывающий новую веху в развитии гражданских, политических, социальных, а также гендерных отношений. Со времени установления патриархата танец служит инструментом традиционного гендерного разделения и с помощью движений выражает социально одобряемые личностные качества, присущие определенному полу.

Особенно наглядно эволюцию гендерных взаимоотношений и распределение ролей можно рассмотреть на примере народных грузинских танцев благодаря четким границам мужских и женских образов.

Проблема, поставленная в данной статье, не потеряет своей актуальности, так как вопросы из области гендерных ролей, идентичности и неконформности остро стоят на протяжении нескольких столетий, меняясь относительно современного им исторического периода.

Гипотеза нашего исследования состоит в том, что эволюцию традиционных мужских и женских ролей в культуре Грузии можно проследить на примере народных танцев. Отражением не только современных тенденций, но и некоторых архаичных танцев, является широко распространенная на сегодняшний день гендерная неконформность – гендерное выражение или поведение человека, не совпадающее с принятыми в данном обществе гендерными нормами [2].

В настоящей статье мы рассмотрим процесс трансформации национальных грузинских танцев с социокультурной точки зрения соответственно современной им эпохе.

Методы исследования. В качестве методов использованы: анализ информационного материала – для определения границ исследования; логико-исторический анализ – для раскрытия закономерности между историческими событиями и общественным настроением.

Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение. Национальные танцы являются прямым отражением психологии и истории народа. На их содержание влияют как внешнеполитические события, так и внутреннее общественное устройство. Танцор одновременно рассказывает и личную историю с помощью движений, мимики, определенной эмоциональной окраски и историю своего народа, переданную через поколения, субъективно усвоенную и сформировавшую национальную самобытную психологию.

Как следствие, в каждом регионе существует собственная манера исполнения танца, называемая танцевальным диалектом. Он закрепляет разнообразие танцевального языка, способов его выражения, зависящих от местности и хроник событий. Существуют танцы кахетинский, карталинский, рачинский, сванский, мингрельский, имеретинский, гурийский, аджарский, мтиульский и другие [3]. Около середины II тысячелетия до н. э. с помощью хороводных плясок, имитирующих по-

ведение животных и процесс охоты, картвелы, родоначальники грузинской нации, стремились «призвать» удачу на свою сторону [4]. Позднее появились другие разновидности танцев («Шушпари», «Сакмисаи», «Адрекилаи», «Мелиа-Телепия», «Перхули-осхапуе»), которые приобрели ритуально-обрядовый характер. Они не имели деления строго по гендеру, хороводы исполнялись в основном смешанно.

Воинственная пляска-хоровод хоруми известна с древних времен и, несмотря на патриархальный общественный строй, она могла исполняться и женщинами. Народный артист Грузии Бесик Сванидзе утверждал, что раньше в горной Аджарии хоруми был смешанным танцем, также в детстве в Батуми он был свидетелем подобного женского перформанса, и, в конце концов, решил поучаствовать в постановке женско-мужского хоровода и в качестве хореографа, и в качестве танцора. Номер был подготовлен для тбилисской Олимпиады 1948 года режиссером Арчилом Чхартишвили совместно с его педагогами Александром Джиджейшвили и Энвером Хабадзе, который, аналогично Сванидзе, в детстве видел женский танец хоруми в Оладаури. До 1997 года об участии женщин в постановках танца не упоминается, возрождение давно забытого исполнения произошло на Республиканской олимпиаде народного творчества в Аджарии [5].

Триггером для большого количества воинственных танцев стали частые попытки завоевания Грузии – разнообразные спортивные игры служили способом развития в воинах силы и ловкости, соответственно и трюки с оружием являются частью танца. Так, греческий историк Петер Апиан, описывая захватнический поход Помпея в Грузию, утверждает, что во время посещений исторических мест полководец встретил сопротивление со стороны войск царей Албании и Иберии. После того как Помпей загнал противников в лес и устроил поджог, он обнаружил, что женщин-воительниц было не меньше, чем мужчин [7]. Истории известно множество имен женщин-героинь: Майя Цхнители, мать братьев Херхеулидзе, Маро Макашвили и другие.

Период христианизации ознаменовался крупными переменами во всей культурной жизни Грузии: архитектуре, живописи, литературе, танцах и т. п. Статус женщины изменился согласно религиозным законам, пропасть между социокультурным положением мужчины и женщины увеличилась. Культурно-обрядовая функция сменилась развлекательной. Церковь порицала включение в празднество подобных хороводов, и власть то поддерживала запрет (например, при царе Горгасали), то выступала против этого, как царица Тамара. Тем не менее, несмотря на неоднозначное отношение со стороны духовенства, со II века и при царском дворе, и в домах знати содержались целые группы танцоров, музыкантов и певцов, выступавших на различных пирах. Причем бывали случаи, когда актрисы выступали в мужском одеянии, а актеры – в женском. В процессе христианизации также не исчезла выра-

жаемая в танце гендерная неконформность, подкрепленная периодической исторической сменой стереотипных гендерных ролей [7].

Впоследствии народные грузинские танцы развивались медленно до открытия оперного театра с классической балетной труппой в Тифлисе в 1851 году, и затем только в 1930-х годах Вахтанг Чабукиани произвел революцию – первым на территории СССР объединил народный танец с балетом и положил начало национальному балету. Благодаря этому открытию XX век вошел в историю Грузии как эпоха возрождения древнейших национальных танцев, хранящих в себе вековую память о гендерных, социокультурных отношениях, наглядно демонстрирующих эволюцию межполовых взаимоотношений и гендерных ролей [4].

Сейчас грузинский танец претерпевает очередную трансформацию соответственно современной обстановке: новые формы, композиции, сюиты и постановки. В последние десятилетия преобладает патриархальная традиция – женщины двигаются плавно, изящно, часто не поднимая глаз, выражая скромность и покорность, мужские же движения, напротив, резкие, быстрые, часто дополняются прыжками или трюками с оружием. Если в армянских танцах девушка может быть воинственной, грубой, то в грузинских существует на данный момент единственный танец, где девушка не кажется слабой и беспомощной – это «Мтиулури» [7].

Реакция на отступление от традиционных ролей воспринимается как глубокое оскорбление. 19 февраля 2022 года в Голландии состоялась премьера постановки танца «Сванури» с мужчиной-танцором в розовой балетной пачке. Танцор Ладо Циташвили записал видео, в котором назвал постановку «проявлением неуважения и преступлением в отношении грузинской культуры». Политики и общественные деятели обратились к министерству культуры с требованием принять меры. В их числе был руководитель ансамбля «Рихос» Вахтанг Пилпани, его мнение: «Таким танцем наносят оскорбление нашей Сванетии, ее традициям, ее мужественным и героическим танцам, ее прошлому и всей Грузии... Я очень хочу, чтобы был строгий ответ, наверное, вся Грузия поддержит мою позицию» [8].

Несмотря на подобную категоричность в отношении выражения гендерной неконформности, Грузия является одной из немногих стран постсоветского пространства, где уголовно наказуема дискриминация по признаку сексуальной ориентации, гендерной идентичности и законодательно разрешена смена гражданского пола [9]. Опрос же Pew Research Center в 2016 году показал, что респонденты выражают негативное отношение к гендерно-неконформным женщинам и мужчинам [10].

Первый гей-парад в Грузии в 2013 году, состоящий из 50 молодых людей, был встречен агрессивно – огромное количество консервативно настроенных граждан устроили потасовку, применяли насилие и оружие. Этот неудачный опыт стал толчком для создания шведским режиссером грузинского происхождения Леваном Аки-

ным фильма «А потом мы танцевали», впоследствии отправленного Швецией на «Оскар». Сюжет фильма построен на романтических взаимоотношениях двух танцоров грузинского народного ансамбля – Мераба и Иракли. Во время премьеры картины в стране прошли акции протеста. Лидер движения «Грузинский марш» Сандро Брегадзе призвал в союзники церковь, которая поддержала его позицию. По мнению бизнесмена Левана Васадзе, «грузинский танец, в котором объединены мужество мужчины и нежность женщины, развратили и сняли фильм, который наносит прямое оскорбление каждому грузину. И опозорили нас на весь мир и Кавказ».

В самом фильме грузинский национальный танец был несколько изменен: если вначале все находилось в рамках традиционного танца, то с развитием сюжета, в зависимости от настроения героя, событий в его жизни, танец менялся. К народному танцу прибавились кантемп с преобладанием женских движений, балет и элементы лезгинки. Прослушивание в основной состав труппы – финальная сцена фильма – выражало отношение мастеров танца к подобным нововведениям и «немужским» движениям. Танец Мераба, отражавший его чувства и личную историю, называли насмехательством над традицией. Мужчина должен быть твердым, как мрамор, и не позволять себе быть слабым, девушка же, напротив, должна быть беззащитной и покорной.

Народные танцы, в отличие от любых других, отражают не историю развития человечества, не являются универсальным способом коммуникации – они представляют собой переработанную и усвоенную поколениями летопись исключительно собственной нации, ее психологию, общественный строй и политическую обстановку, к тому же хранят в себе архаичные структуры и способны параллельно выражать личную историю танцовщика. Благодаря танцу представляется возможным конструирование эволюции народного мировоззрения и внутрисоциальных взаимоотношений.

Заключение. Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что гендерное самоопределение, изменяющееся в зависимости от определенной эпохи, находило прямой отклик в народных танцах. Последние несколько десятилетий общество в Грузии негативно относилось к любому отступлению от традиционных социально-культурных ролей, и принятые запрещающие дискриминацию законы не оказали должного влияния на общественное мировоззрение, что и отразилось на структуре национальных танцев. Однако сейчас можно заметить зарождение тенденции гендерной неконформности в области народного танца и возможности комбинаций мужских и женских движений, что, вполне вероятно, вскоре приведет к отсутствию строгого их деления и возвращению архаичных структур танца.

Список литературы

1. Изиляева Л. О. Информационно-коммуникативное обеспечение социальной политики в Республике Башкортостан на современном этапе // Актуальные проблемы современных общественных

наук и пути их решения в условиях информационного общества: материалы VIII Международной заочной научно-практической конференции молодых ученых. Уфа, 15–30 июня 2019 года. Уфа: Башкирская академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, 2019. С. 143–148.

2. В Грузии резко отреагировали на издевательства над грузинским танцем в ЕС. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/e718ee68> (дата обращения: 27.03.2023).

3. Гендерная неконформность. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 28.03.2023).

4. Грузинские народные танцы. Государственный Академический Ансамбль Народного танца Грузии И. Сухишвили. URL: https://otherreferats.allbest.ru/culture/00306527_0.html (дата обращения: 27.03.2023).

5. Бибилашвили А. Грузия: Иверия – Иберия? URL: <https://iberiana.wordpress.com/about/bibilashvil/> (дата обращения: 25.03.2023).

6. Ивлева В. И. Причины возникновения новой религиозности и деструктивное влияние новых религиозных движений на современное российское общество // Манускрипт. 2016. № 7-1 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-vozniknoveniya-novoy-religioznosti-i-destruktivnoe-vliyanie-novyh-religioznyh-dvizheniy-na-sovremennoe-rossiyskoe-obschestvo> (дата обращения: 02.04.2023).

7. Об истоках грузинского народного танца. URL: <https://studfile.net/preview/7518293/> (дата обращения: 28.03.2023).

8. От предубеждения к равенству: изучение общественных взглядов, знаний и информации, касающихся ЛГБТ-сообщества и их прав. URL: <https://wisg.org/en/news/detail/88/From-Prejudice-To-Equality--study-of-societal-attitudes--knowledge-and-information-regarding-the-LGBT-community-and-their-rights> (дата обращения: 25.03.2023).

9. Президент Грузии подписал антидискриминационную поправку. URL: https://web.archive.org/web/20131208201608/http://www.ilgaeurope.org/home/guide_europe/country_by_country/georgia/president_of_georgia_signs_anti_discrimination_amendmen (дата обращения: 27.03.2023).

10. Психологическая основа воинственных грузинских танцев и сила их эмоционального воздействия. URL: <https://studfile.net/preview/7518293/page:2/> (дата обращения: 27.03.2023).

Авторская справка

НАГАЕВА Дана Раилевна – студент Института нефтегазового бизнеса Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Уфа, Россия. E-mail: dana.nagaeva.01@bk.ru

АХТЯМОВА Диана Раисовна – студент факультета трубопроводного транспорта Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: diana.akh78@icloud.com

ХАСАНОВ Артур Рамилевич – студент факультета трубопроводного транспорта Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Уфа, Россия.
E-mail: art.hasanow1@yandex.ru

ИЗИЛЯЕВА Людмила Олеговна – кандидат политических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета, г. Уфа, Россия. E-mail: milaiz@bk.ru

UDC 659.442

DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.113

THE SPECTRUM OF GENDER IDENTITY AND NON-CONFORMITY AS ASPECTS OF THE EVOLUTION OF TRADITIONAL GEORGIAN FOLK DANCES

D. R. Nagaeva, D. R. Akhtyamova, A. R. Khasanov, L. O. Izilyaeva

Ufa State Petroleum Technical University, Ufa (Russia)

Introduction. The problem of gender identity has not lost its relevance for a long time, being a reflection of socio-economic relationships. The essence of gender roles is being transformed according to their contemporary historical periods, which is expressed in dance with the help of movements, facial expressions, demonstrating the present position of men and women in society. *The purpose of the study.* In this article, we have tried to trace the evolution of gender relations and ways of expressing nonconformity, reflecting both foreign policy and intra-social events.

Methods. As methods, we used the analysis of information material to determine the boundaries of research and logical-historical analysis, which allows us to reveal the pattern between historical events and public sentiment.

Results. In the course of the study, it was found out that folk dances, unlike any others, do not reflect the history of human development, are not a universal way of communication - they represent a chronicle of their own nation exclusively processed and assimilated by generations, its psychology, social system and political situation, store archaic structures and are capable of the same in parallel express the personal history of the dancer. Thanks to dance, it is possible to construct the evolution of the national worldview and intra-social relationships.

Conclusion. Over the past few decades, society in Georgia has reacted negatively to any deviation from traditional socio-cultural roles, and the laws prohibiting discrimination have not had a proper impact on the public worldview, which has affected the structure of national dances. However, now it is possible to notice the emergence of a trend of gender non-conformity in the field of folk dance and the possibility of combinations of male and female movements, which, quite likely, will soon lead to the absence of strict division and the return of archaic dance structures.

Keywords: gender, relationships, dances, nationality, society, history, non-conformity, tradition.

References

1. Izilyaeva L. O. Information and communication support of social policy in the Republic of Bashkortostan at the present stage. Actual problems of modern social sciences and ways to solve them in the information society. Materials of the VIII International Correspondence Scientific and Practical Conference of Young Scientists, Ufa, June 15–30, 2019. Ufa, Bashkir Academy of Public Service and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan. 2019. Pp. 143–148.
2. Georgia reacted sharply to the mockery of Georgian dance in the EU. Available at: <https://rossaprimavera.ru/news/e718ee68> (accessed 27.03.2023).
3. Gender nonconformity. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (accessed 28.03.2023).
4. Georgian folk dances. State Academic Folk Dance Ensemble of Georgia I. Sukhishvili. Available at: https://otherreferats.allbest.ru/culture/00306527_0.html (accessed 27.03.2023).

5. Bibilashvili A. Georgia: Iberia – Iberia? Available at: <https://iberiana.wordpress.com/about/bibilashvil/> (accessed 25.03.2023).

6. Ivleva V. I. The reasons for the emergence of new religiosity and the destructive influence of new religious movements on modern Russian society. Manuscript. 2016. No. 7-1 (69). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-vozniknoveniya-novoy-religioznosti-i-destruktivnoe-vliyanie-novyh-religioznyh-dvizheniy-na-sovremennoe-rossiyskoe-obschestvo> (accessed 02.04.2023).

7. About the origins of Georgian folk dance. Available at: <https://studfile.net/preview/7518293/> (accessed 28.03.2023).

8. From prejudice to equality: the study of public views, knowledge and information concerning the LGBT community and their rights. Available at: <https://wisg.org/en/news/detail/88/From-Prejudice-To-Equality--study-of-societal-attitudes--knowledge-and-information-regarding-the-LGBT-community-and-their-rights> (accessed 25.03.2023).

9. The President of Georgia signed an anti-discrimination amendment. Available at: https://web.archive.org/web/20131208201608/http://www.ilgaeurope.org/home/guide_europe/country_by_country/georgia/president_of_georgia_signs_anti_discrimination_amendmen (accessed 27.03.2023).

10. The psychological basis of militant Georgian dances and the strength of their emotional impact. Available at: <https://studfile.net/preview/7518293/page:2/> (accessed 27.03.2023).

Author's bio

NAGAEVA Dana Railevna – student of the Institute of Oil and Gas Business (INB) of Ufa State Petroleum Technical University (USPTU), Ufa, Russia. E-mail: dana.nagaeva.01@bk.ru

AKHTYAMOVA Diana Raisovna – student of the Faculty of Pipeline Transport (FTT) of Ufa State Petroleum Technical University (USPTU), Ufa, Russia. E-mail: diana.akh78@icloud.com

KHASANOV Artur Ramilevich – student of the Faculty of Pipeline Transport (FTT) of Ufa State Petroleum Technological University (USPTU), Ufa, Russia. E-mail: art.hasanow1@yandex.ru

IZILYAEVA Lyudmila Olegovna – Associate Professor of the Department of Social and Political Communications of the USPTU, Candidate of Political Sciences, Ufa, Russia. E-mail: milaiz@bk.ru

Библиографическая ссылка

Нагаева Д. Р., Ахтямова Д. Р., Хасанов А. Р., Изилыева Л. О. Спектр гендерной идентичности и неконформности как аспекты эволюции традиционных народных грузинских танцев // SocioTime / Социальное время. 2023. № 2 (34). С. 113–120. DOI: 10.25686/2410-0773.2023.2.113

ПОДГОТОВКА И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

Журнал «**SocioTime / Социальное время**» – это научный, междисциплинарный, рецензируемый аналитический журнал современного социально-гуманитарного знания в области актуальных проблем развития человека и общества.

1. Общая информация. В журнале «SocioTime / Социальное время» публикуются статьи, отличающиеся научной новизной, теоретической и практической значимостью. Авторами статей могут быть учёные-исследователи, кандидаты и доктора наук, преподаватели, аспиранты и соискатели высших учебных заведений и академических институтов России и зарубежных стран, а также исследователи-практики. Принимаются не опубликованные ранее научные статьи и дискуссионные материалы научного характера.

Не допускается направление в редакцию статей, уже опубликованных или отправленных в другие журналы. В случае обнаружения одновременной подачи рукописи в несколько изданий опубликованная статья будет отозвана из печати. Редакция принимает к публикации материалы на русском или английском языках по темам трёх основных рубрик журнала (философия, социология и история).

Особое внимание следует уделить качеству перевода.

2. Требования к оформлению и содержанию статей

2.1. Общие технические требования:

- УДК (UDC) указывается в верхнем левом углу статьи;
- инициалы и фамилия автора статьи, место и город работы или учёбы приводятся на русском и английском языках;
- аннотация статьи (200 – 250 слов), ключевые слова (5 – 10 слов) оформляются на русском и английском языках 9-м кеглем;
- текст статьи объёмом 0,4 – 1,0 авторского листа (16 – 40 тысяч знаков, включая пробелы) оформляется в редакторе Word (шрифт Times New Roman, кегль 11, одинарный интервал) в формате А4. Подписи, таблицы набираются 9-м кеглем. Рисунки представляются в тексте и отдельно в формате jpeg. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте статьи;
- ссылки на источники приводятся в тексте в квадратных скобках в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»;
- список использованной литературы на языке издания (кегель 9) помещается в конце текста и оформляется по мере изложения ссылок в тексте статьи;
- транслитерация литературных источников (*References*) осуществляется с использованием сайта <https://translit.ru/> следующим образом: авторы (транслитерация); перевод названия статьи в транслитерированном варианте; перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках; название источника (транслитерация и перевод на английский язык (в квадратных скобках)); выходные данные с обозначениями на английском языке;
- сведения об авторах на русском и английском языках (кегель 9): Ф.И.О. полностью, учёная степень, звание, должность, место работы или учёбы, почтовый адрес, телефон для связи, E-mail.

2.2. Требования к содержанию и структуре статьи

Аннотация – краткое изложение содержания статьи. В ней должны быть чётко обозначены следующие элементы:

- *Введение (Introduction)*;
- *Методы (Methods)*;
- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение (Results)*;
- *Заключение (Conclusion)*.

Ключевые слова – основные понятия, раскрывающие содержание статьи.

Структура статьи:

- *Введение:* цель, задачи, актуальность исследования, постановка проблемы, история вопроса, обзор основных исследований и публикаций, на которые опирается автор, современные взгляды на проблему, нерешённые вопросы и т. д.;

- *Методы исследования:* методы и подходы (эмпирические и теоретические), использованные в исследовании; организация и ход исследования.

- *Основные идеи исследования, полученные результаты и их обсуждение:* изложение основных идей исследования; обобщение и обсуждение его результатов; выводы и рекомендации для дальнейших исследований, вытекающие из работы;

- *Заключение:* теоретическая и практическая значимость полученных результатов; основные направления для дальнейших исследований в этой области.

Список использованных источников оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008. Ссылаться желательно в первую очередь на оригинальные источники из научных журналов, включённых в глобальные индексы цитирования. Рекомендуется использовать 10 – 30 источников, из них публикаций за последние 5 лет должно быть не менее 5, иностранных источников – 3–5. Следует указать DOI или адрес доступа в Интернете.

3. Список материалов, подаваемых в редакцию в бумажном и электронном видах:

- заявление автора на имя главного редактора;
- текст статьи;
- рекомендация научного руководителя (для аспирантов и соискателей);
- справка о проверке статьи на «Антиплагиат» (к изданию допускаются статьи с оригинальностью текста **не менее 80 %**).

4. Порядок рассмотрения рукописи. Рукопись должна соответствовать требованиям, указанным в пунктах 1 – 3. Рукопись может быть возвращена автору с замечаниями для доработки. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта. Материалы, оформленные не по требованиям журнала, не рассматриваются.

5. Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования и архив журнала представлены на сайте журнала «SocioTime / Социальное время»: <https://www.volgatech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgatech.net

Телефон редакции (главного редактора) 8(8362)68-60-40.

PREPARATION AND PROCEDURE FOR ACCEPTANCE OF MANUSCRIPTS

"**SocioTime / Social Time**" is a scientific, interdisciplinary, peer-reviewed analytical journal of modern social and humanitarian knowledge in the field of urgent problems of human and society development.

1. **General information.** The journal "SocioTime / Social Time" publishes articles that are distinguished by their scientific novelty, theoretical and practical significance. Authors of articles can be scientists, researchers, candidates and doctors of science, teachers, graduate students and applicants from higher educational institutions and academic institutes from Russia or abroad, as well as practical researchers. Manuscripts should not contain substantial elements of material that has been published or accepted for publication elsewhere.

In case of discovery of the manuscript in several editions, the published article will be withdrawn from print. The editors accept for publication materials in Russian or English on the topics of three main sections of the journal (philosophy, sociology and history).

Special attention should be paid to the quality of the translation. The translation should be conducted by a native English speaker, written in high-quality English.

2. Requirements to the manuscript design

2.1. General requirements:

- Classification symbols Universal Decimal Classification (UDC) (upper left corner);
- The initials and surname of the author, in Russian and English (centered, font size 10);
- Abstracts of articles in Russian and English (200–250 words, justification page, font size 9);
- Keywords (no more than 5–10, font size 9);
- The manuscript 7–16 pages (16–40 thousand characters, including spaces) in A4 format, including figures, tables and graphs. The text is made in the editor Word (font Times New Roman, size 11, single spaced). The images should be referenced;
- References in the text in square brackets in accordance with the requirements;
- List of references in the language of publication (font size 9) at the end of the text and in order of references in the text of the article;
- Transliteration of literary sources (References) is carried out using the site <https://translit.ru/> as follows: authors (transliteration); translation of the title of the article in a transliterated version; translation of the title of the article into English in square brackets; source name (transliteration, italics); output with designations in English;
- Information about the authors in Russian and English (font size 9): Full name, degree, position, place of work or study with a mailing address, tel. and E-mail.

2.2. Requirements for the content and structure of the article (main elements of the article)

Abstract (200–250 words) – summary of the content of the article. It should clearly indicate the following components:

- Introduction: purpose, relevance, problem statement;
- Methods: methods and approaches used by the author in the study;
- The main ideas of the study, the results obtained and their discussion (Results);

- Conclusion: theoretical and practical significance of the research results.

Keywords (5–10 words) reflect the main provisions, achievements, results, terminology of scientific research.

The structure of the manuscript is as follows:

- *Introduction*: purpose, objectives, relevance of the study, problem statement, background, overview of the main studies and publications on which the author relies, modern views on the problem, unresolved issues, etc.;
- *Research methods*: methods and approaches (empirical and theoretical) used in the study; organization and progress of the study;
- *The main ideas of the study, the results obtained and their discussion*: presentation of the main ideas of the study; generalization and discussion of its results; conclusions and recommendations for further research arising from the work;
- *Conclusion*: theoretical and practical significance of the results; guidelines for further research in this area.

The list of sources used is drawn up in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5–2008. It is advisable to refer primarily to original sources from scientific journals included in global citation indices. It is recommended to use 10–30 sources, of which there should be at least 5 publications over the past 5 years, 3–5 foreign sources. You must provide a DOI or Internet access address. Sources in foreign languages are given in the original.

3. Materials shall be sent:

- The author's statement addressed to the editor;
- The manuscript;
- Recommendation of the supervisor (for students);
- Certificate on checking the article in the "Antiplagiat" system (articles with original text of **at least 80 %** are allowed to be published).

4. The review process and publication decision. The manuscript must meet the requirements specified in paragraphs 1–3. The manuscript can be returned to the author with comments for revision. After receiving the revised text, the manuscript is again considered by the editorial board. The date of receipt of the article shall be the date of receipt of the final edited version of the article. Materials that are not designed according to the requirements of the journal are not considered.

5. Requirements to the manuscript design, examples of the documents, the review process and electronic versions of the journal are presented on the website: <https://www.volgattech.net/sociotime/>.

E-mail: sociotime@volgattech.net

Tel. (Editor in Chief) 8(8362)68-60-40.

Подписка на журнал осуществляется по «Объединенному каталогу.
Пресса России. Газеты и Журналы» (подписной индекс **94236**).